

НЕВЮЛЯ

16 • 2008

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Валерий Абрамкин О ситуации в системе уголовного правосудия и исполнения наказания	4
Акции протеста заключенных	14
Борис Пантелеев Неуютная свобода	23
Статистика уголовно-исполнительных инспекций	28
Несовершеннолетние: только факты	31
Владимир Куземко Гимн операм	33
Справка о состоянии УИС	42
Юрий Александров Следственные изоляторы сегодня	45
Смертная казнь в мире в 2007 году	49
Алексей Мокроусов Ювенальная горечь познания	52

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Проект закона о воспитательных колониях	58
Комментарии к законопроекту	63
Юрий Александров Законный контроль	85
Виталий Лозовский Мы подумали, и я решил...	91

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

Олег Аронсон Язык чувства и язык права 98

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого
Самодурова Ю.В. 104

Елена Петровская Мониторинг общественных нравов 112

СИДИ И ЧИТАЙ

Олег Павлов Воскресенье 118

Н.М. Волковыский Из записной книжки высланного 126

Сергей Пашин Суд и тюремное население 140

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Зам. главного редактора
Елена Ознобкина
Ответственный секретарь
Наталья Мальхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Валерий Абрамкин

О ситуации в системе уголовного правосудия и исполнения наказания¹

1. Немного предыстории

Данный вопрос будет уместно рассмотреть в контексте попыток, предпринимаемых Советом в области реформирования системы уголовного правосудия и исполнения наказания, становления общественного контроля за учреждениями уголовно-исполнительной системы (УИС).

Эти проблемы были в центре внимания Комиссии по правам человека при Президенте РФ². В документах, переданных В.В. Путину на первой встрече (декабрь 2002 года), в выступлениях Председателя³ и членов Комиссии⁴ был дан анализ ситуации, сложившейся в УИС, представлена программа мер по выходу из кризиса.

Главная причина массовых нарушений прав заключенных, «призонализации» и маргинализации населения – огромный тюремный контингент России. Даже странам с более благополучной экономикой при таком количестве заключенных (в пересчете на 100 тыс. населения)

¹ Из выступления В.Ф. Абрамкина по п.2 повестки дня заседания Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (далее – Совет) 19 февраля 2008 г. В подготовке сообщения участвовали Л.М. Алексеева и группа независимых экспертов правозащитных организаций.

² Комиссия под председательством Э.А. Памфиловой была сформирована в 2002 г. Указом Президента РФ № 1417 от 6 ноября 2004 г. преобразована в Совет.

³ См. выступление Э.А. Памфиловой – <http://sovetpamfilova.ru/9508.php>.

⁴ Проблемы, связанные с уголовным правосудием и уголовно-исполнительной системой, были представлены в выступлениях членов Комиссии: О.В. Зыкова (вопросы становления ювенальной юстиции в России), В.Ф. Абрамкина (сокращение численности тюремного населения России, положение несовершеннолетних и других бедствующих групп заключенных, эпидемия тюремного туберкулеза и т.п., подробнее см.: <http://www.prison.org/projects/crimjust/problem/index.htm>), В.В. Борщева (становление общественного контроля за пенитенциарными учреждениями) и других членов Комиссии.

было бы не под силу обеспечить соблюдение прав человека в местах лишения свободы.

В основном, предложенные меры получили поддержку президента. Уже в 2003–2004 годах были сделаны первые практические шаги по сокращению численности тюремного населения России. При поддержке президента были внесены поправки в УК РФ и другие законодательные акты⁵, направленные на расширение применения мер наказаний, не связанных с лишением свободы, на сокращение сроков пребывания заключенных в пенитенциарных учреждениях. Самые значительные смягчения уголовного законодательства были предусмотрены для несовершеннолетних правонарушителей и простых потребителей наркотиков. Много было сделано Советом для реализации принципа обратной силы смягчающего закона⁶. Из мест заключения были освобождены десятки тысяч людей, осужденных за малозначительные правонарушения, не представляющие особой опасности для общества (мелкие кражи и т.п.) Общее количество заключенных в 2002–2004 годах уменьшилось в 1,3 раза (на 200 тыс. человек), количество больных туберкулезом сократилось в 1,5 раза⁷.

Во многом благодаря активной поддержке Совета⁸ был принят в первом чтении закон об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Реализация предложений по становлению ювенальной юстиции и службы пробации встретила довольно серьезное сопротивление (со стороны ведомств и Гос-

⁵ Федеральные законы № 162 (от 8.12.2003) «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» и № 161 «О приведении УПК РФ и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом № 162»

⁶ Подробнее см. материалы сайта www.prison.org.

⁷ Следует напомнить, что успехи в борьбе с эпидемией туберкулеза в наших тюрьмах и лагерях вряд ли были бы столь впечатляющими, если бы не помощь западных и международных фондов и организаций. Только в 2001 г. наше тюремное ведомство (оно тогда называлось ГУИН) получило от западных и международных фондов и организаций 450 млн. долларов на борьбу с тюремным туберкулезом. Для сравнения скажем, что все ассигнования на учреждения ГУИН из федерального бюджета составили в том же году около одного миллиарда долларов. Значительная часть средств была выделена Фондом Сороса.

По данным ФСИН России, в период с 2001 по 2007 г. заболеваемость туберкулезом в местах лишения свободы уменьшилась в 2,5 раза, смертность снизилась в 3,8 раза; в целом активной формой этого заболевания страдают около 45 тысяч заключенных.

⁸ Здесь уместным будет напомнить об обращении (апрель 2003 г.) Председателя Комиссии к Президенту РФ (см.: <http://sovetspamfilova.ru/prison/>), которое, безусловно, сыграло большую роль в принятии Госдумой законопроекта об общественном контроле в первом чтении (16 сентября 2003 г.)

думы). С большим успехом шло развитие программы непрерывного социального сопровождения несовершеннолетних правонарушителей. Сейчас в эту программу включены НПО, государственные органы и службы около десяти регионов России.

Но если говорить не о первых годах работы Комиссии, а обо всем периоде действия Совета (с декабря 2002 года, когда прошла первая встреча членов Совета с президентом) и независимых правозащитников в рассматриваемой сфере общественной жизни за пять с половиной лет, то вряд ли у нас будут основания для оптимизма.

2. Изменилась ли уголовная политика государства?

Наши надежды на изменение характера уголовной политики государства (от карательной к восстановительной) не оправдались, эта политика продолжает сохранять принципы неразборчивости, избыточности и сверхжестокости репрессий.

Значительное смягчение уголовного законодательства, которое произошло в последние 4 года, сопровождается ужесточением судебной практики. При стабилизации (и даже некотором снижении) уровня преступности общее количество заключенных выросло почти на 20%. Это произошло за счет увеличения среднего срока пребывания осужденных в местах лишения свободы. Главным образом из-за того, что судьи стали назначать предельные сроки наказаний, предусмотренные теми статьями Уголовного кодекса, которые лежат в основе предъявленного обвинения. При этом сократилось количество судебных решений об условно-досрочном освобождении. В некоторых регионах досрочно освобождаются единицы из тысяч заключенных, у которых подошел срок УДО, предусмотренный УК.

Так много сил положили правозащитники, чтобы за решетку не попадали мелкие воришки, люди, которые пошли на кражу из-за голода, из-за ничтожных социальных пособий и пенсий... И вроде бы реже стали встречаться в тюрьмах и лагерях расхитители кроликов, хомячков, батонов колбасы и трех огурцов... Но вот летом прошлого года Государственная Дума разрабатывает и принимает новый закон, по которому размер мелкой кражи снижается.

3. Наркополитика – ведомственный реванш

Вначале (в 2004–2005 годах) нам казалось, что мы добились изменения наркополитики государства, что теперь в России будут бороться не с простыми потребителями наркотиков, а с наркобаронами. После вступления в силу поправок к УК РФ (май 2004 года) и нового по-

рядка определения крупного и особо крупного размера наркотиков, количество уголовных дел по этому виду правонарушений сократилось на 30 тысяч, одновременно почти в два раза – до 250 тыс. – увеличилось количество потребителей наркотиков, которые наказывались в административном порядке. Но ведомствам, прежде всего, Федеральной службе по контролю за оборотом наркотических средств (ФСКН), более известной по старому названию – Госнаркоконтроль⁹, административные дела особой славы не приносят. Им проще строчить липовые отчеты за счет отлавливания потребителей наркотиков.

В 2005 году предпринимались попытки исключить из Уголовного кодекса термин «средняя разовая доза», что привело бы к возобновлению репрессий против потребителей наркотиков.

Потом ФСКН, следственные структуры, органы прокуратуры, суды изобретали разные технологии для того, чтобы вернуть себе «корову», которую они раньше вполне успешно доили. В последние два года в правозащитные организации и СМИ поступает все больше жалоб на фабрикацию уголовных дел по преступлениям, связанным с оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Причем для «организации» таких дел используются самые безнравственные способы: обман и предательство.

Сотрудники оперативных служб, выловив в клубе на дискотеке обкурившегося или наглотавшего таблеток потребителя наркотиков, доставляют его в отделение милиции и обрабатывают: угрожают возбуждением уголовного дела, запугивают, пытаются. А потом предлагают «помочь органам»: позвонить кому-нибудь из знакомых по «общему пристрастью» к зелью и уговорить его продать дозу для «раскумарки»¹⁰. Как правило, соглашаются предать другого человека люди, находящиеся в одурманенном состоянии, или те, у кого из-за длительного употребления наркотиков заметно ослаблена воля. У сотрудников оперативных служб такая операция называется «контрольной закупкой». Роль покупателя разыгрывает «provokator», а жертва обмана в

⁹ Госнаркоконтроль был создан в июле 2003 года из расформированной налоговой службы, его возглавил В.В. Черкесов. Уже первый год своего функционирования это 40-тысячное ведомство прославилось скандальными акциями вроде преследования ветеринаров, и массовым возбуждением уголовных дел против простых потребителей наркотиков. В 2003–2004 гг. было разработано более полусотни внутренних документов, все они направлены на повышение денежного содержания сотрудников: бесплатный проезд, обслуживание и т. п. Никакой концепции борьбы с наркобизнесом это ведомство до сих пор так и не представило. По мнению экспертов, оно не способно и не собирается заниматься проблемой всесилья крупных торговцев наркотиками («наркобаронов»).

¹⁰ Так на языке наркоманов называется выход из состояния абстиненции.

случае успеха операции проходит по делу «подозреваемым в сбыте наркотических средств» или хотя бы «подозреваемым в **попытке** сбыта». Последнее гораздо проще оформить, даже когда потенциальный «сбытчик» или просто случайный человек, не употребляющий зелье, никаких наркотиков с собой не приносит. Намерение можно подтвердить показаниями запуганных участников оперативной разработки.

Для этого им даже и не надо, как раньше, подбрасывать наркотики (зачем подбрасывать, когда их можно сбыть тем же наркоманам). И теперь вместо прежних двух лет, которые по максимуму могли получить (до поправок в УК РФ) простые потребители, подозреваемому грозит от 6 до 12 лет. Значит, и содрать с него можно куда больше, чем в прежние времена. Надо лишь заставить слабого человека стать доносчиком, предателем и провокатором... в нашей культуре предательство – грех страшнее убийства. Что при этом происходит с подростками и молодыми людьми, которые участвуют в этих оперативных мероприятиях? Никого это не интересует.

Как и раньше, вылавливают мелких рыбешек, а крупные акулы наркобизнеса откупаются.

4. Вместо ювенальной юстиции – разрушение сложившейся системы воспитательных колоний

13 февраля этого года Комитет по безопасности Госдумы рассмотрел и одобрил проект закона, предусматривающего перевод всех совершеннолетних заключенных из воспитательных колоний в исправительные учреждения общего режима (до сих пор все российские заключенные, не достигшие 21-летнего возраста, содержались вместе с малолетками). Эта законодательная инициатива – еще один пример победы ведомственных интересов (повышение уровня управляемости ВК) над социально значимыми.

Меры, предлагаемые руководством ФСИН России, совершенно не учитывают реальных проблем, существующих в системе ВК, и последствий, к которым может привести законодательная инициатива. Количество воспитанников в учреждениях этого типа с 2004 года сократилось в 1,4 раза. Это произошло благодаря гуманизации уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Если теперь из ВК уберут взрослых малолеток (таких примерно треть), общая численность населения ВК сократится до семи с половиной тысяч.

В случае продвижения реформ, объявленных политическим руководством страны (создание ювенальной юстиции, служб пробации, сокращение относительной доли наказаний, связанных с лишением сво-

боды и т. п.), численность несовершеннолетних, приговоренных к наказанию в виде лишения свободы, в ближайшие 3–4 года также будет сокращаться. В случае продвижения реформаторских замыслов численность заключенных в ВК составит не более трех тысяч. В среднем в пересчете на одну ВК – 50 воспитанников. Штат сотрудников ВК (сейчас 10 тыс. сотрудников) невозможно сократить пропорционально до 2,5 тыс., то есть 40 сотрудников на одну ВК. Этого не хватит на простое функционирование ВК: скажем, с вышек и охраны людей не уберешь, из бухгалтерии и других технических служб – тоже. Но нельзя же оставить ВК совсем без воспитателей, педагогов, медиков, социальных работников и т. п. В школах тоже кто-то должен работать. Нужны воспитатели и психологи – все те, кто сейчас, собственно, и работает с воспитанниками, те, благодаря кому условия в воспитательных колониях лучше, человечнее, чем во взрослых. В результате, в несколько раз возрастут расходы федерального бюджета на содержание малолетних правонарушителей (в пересчете на одного воспитанника). Это приведет к необходимости расформирования ВК (некоторые из них в последние два года уже перепрофилированы в учреждения другого типа). По нашей оценке, на всю Россию останется 10 ВК для мальчиков (для девочек и сейчас всего три колонии). Таким образом, большинству подростков придется отбывать наказание за тысячи километров от дома. Кроме того, значительная часть сотрудников, работающих сейчас в ВК, вынуждена будет перейти в исправительные учреждения для взрослых или искать работу в вольных учреждениях. В результате мы потеряем ценный профессиональный ресурс, формировавшийся в течение 15 последних лет, специалистов по работе с молодыми правонарушителями. Сейчас в школах при ВК работают самые сильные педагогические кадры, каких в вольных школах редко встретишь. Таким образом, реализация предложений руководства ФСИН России приведет к полному развалу системы исполнения наказаний для несовершеннолетних и к другим социально опасным последствиям.

В настоящее время значительная часть воспитательных колоний (даже в крупных городах) загружена лишь наполовину или даже на треть от лимита. При этом недостатка в квалифицированных специалистах эти учреждения не испытывают. Мы считаем, что человек, который уже был направлен в воспитательную колонию, должен находиться там до окончания срока, независимо от возраста, а не до 21 года, как сейчас.

В действующем Уголовно-исполнительном кодексе (УИК РФ) есть нормы, разрешающие создавать изолированные участки для отдельного содержания различных групп заключенных. Например, в Кали-

нинградской области еще лет семь назад на базе военного городка создали учреждение (Колосовская колония), где отбывают наказание девочки, мальчики и взрослые женщины. Для каждой из групп есть своя жилая зона, а столовая, школа и другие службы – общие для всех категорий осужденных. Они вместе проводят праздники, спортивные мероприятия. Воспитатели рассказывают, что это благотворно сказало на мальчиках: они стали ходить в глаженных рубашках и брюках, чистых ботинках.

Новая законодательная инициатива ФСИН лишит смысла и программу непрерывного социального сопровождения несовершеннолетних правонарушителей, начатую по инициативе Совета в 2002 году. Опыт, полученный в ходе реализации программы, мог бы помочь становлению в нашей стране ювенальной юстиции и системы служб пробации.

Следует сказать еще об одном обстоятельстве. С сентября 2007 года в правозащитные организации из разных регионов России стали поступать многочисленные обращения от родственников и близких заключенных ряда ВК. В этих обращениях содержатся жалобы на перевод взрослых «малолеток» (воспитанников, достигших совершеннолетия) в исправительные учреждения (ИУ) для взрослых по достижении ими возраста 18 лет (по действующему законодательству, напомним, подростков могут оставлять в ВК до 21 года). Сообщается также о существовании ряда директив Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН России), которые предписывали, в частности, руководству ВК до 31 декабря 2007 года перевести во взрослые колонии **всех** взрослых малолеток, не оформлять никаких доверенностей воспитанникам (по действующему законодательству, пациентам больниц и заключенным доверенности должны оформляться администрацией этих учреждений), даже на представление интересов малолетних узников в суде. В большинстве ВК директивы ФСИН России выполняют без особого рвения, беседуют с совершеннолетними воспитанниками, узнают, нет ли у них желания перевестись в колонию для взрослых осужденных. Иногда, особенно если ИК для взрослых ближе к дому, подросток соглашается, пишет заявление, уезжает из ВК с хорошей характеристикой, а руководство ставит очередную «галочку» в отчете для управления.

Там, где руководство ВК начало проводить директиву ФСИН России с особым остервенением, это привело к беспорядкам (Жигулевская ВК) и даже к бунтам. Практика «выдворения» взрослых малолеток из ВК стала одной из главных причин кровавых событий в Кировоградской колонии. Тогда были подстрелены двое подростков и еще не понятно, сколько было покалечено, погиб и один сотрудник колонии.

Судя по сообщениям родителей из некоторых других ВК (например, колпинской), несмотря на этот кровавый урок, подобная практика продолжается. Получается, руководство ФСИН России провоцирует дальнейшие беспорядки и бунты в ВК.

5. Некоторые предварительны выводы

Анализ причин явных неудач правозащитников в попытках реформирования одной из самых тревожных сфер общественной жизни выходит за рамки тем данного сообщения.

У нас есть блок рабочих гипотез, которые имеет смысл рассмотреть отдельно. Здесь я упомяну об одной: реформы, объявленные политическим руководством страны, в конце концов приобретали явно ведомственный характер. Вероятно, в наших прогнозах и надеждах мы не учли, что встретим такое ожесточенное сопротивление всех государственных структур, которые входят в систему уголовного правосудия.

В природе ведомственных структур – стремление к расширению сферы влияния, к увеличению количества объектов воздействия, к монополизму. И это нормально, ведомства и должны обеспечивать стабильность жизни, противостоять слишком смелым замыслам реформаторов, которые могут реально эту стабильность разрушить.

В то же время, когда ведомства получают контрольный «пакет акций» на законодательные инновации и формирование общегосударственных программ (тем более национальных), это неизбежно приводит к рассогласованию целей общественно значимых и корпоративных.

Возвращаясь к основной теме, мы должны отметить, что улучшение неких усредненных показателей, характеризующих условия содержания заключенных (площадь жилых помещений, нормы питания, количество больных туберкулезом и т. п.), конечно же произошло. Но связаны эти улучшения прежде всего со значительным увеличением бюджетных и внебюджетных средств, выделяемых УИС (за пять лет, в расчете на одного заключенного, они выросли более чем в пять раз), и не отражает реальной ситуации с соблюдением прав человека в местах лишения свободы.

Члены Совета на январской встрече 2007 года с Президентом РФ говорили о том, что УИС «вместо предмета гордости становится предметом нашего позора – и национального, и международного», о необходимости принятия «кардинальных и срочных мер по выходу из кризиса»¹¹.

¹¹ См., напр.: www.prison.org/projects/crimjust/170107.shtml.

В очередном (за 2007 год) докладе Уполномоченного по правам человека в РФ В.П. Лукина отмечается¹², что «условия содержания во многих пенитенциарных учреждениях, по сути дела, близки к пыточным...». Там же, в частности, говорится: «Сотрудники пенитенциарных учреждений продолжают практику насилия над заключенными: широко распространены применение физической силы и спецсредств и столь же необоснованное наложение взысканий».

Правозащитники называют нынешнюю пенитенциарную систему «Новым ГУЛАГом», в котором нарушения прав заключенных приобрели характер преступлений против человечности¹³. Проводимая в последние годы пенитенциарная политика угрожает безопасности местного населения, может привести к жертвам среди людей, которые проживают в районах, прилегающих к СИЗО или «исправительным учреждениям»¹⁴. Никто не даст гарантии, что очередной тюремный бунт или захват заложников (как в «Чагинском» СИЗО) не приведет к жертвам среди вольных граждан.

Можно определенно утверждать, что положение, сложившееся в УИС, стало еще более тревожным и более опасным для общества, чем пять лет назад. При этом руководство ФСИН России отказывается обсуждать с правозащитниками и независимыми экспертами реальные причины роста социальной напряженности в местах лишения свободы, отрицает саму возможность наличия системных причин нынешнего кризиса и сводит все к «отдельным нарушениям» в «отдельных пенитенциарных учреждениях» или проискам неких «криминальных авторитетов».

Можно констатировать, что за последние четыре года произошло сужение реальных возможностей для легального общественного контроля¹⁵, система становится все более непроницаемой для гражданско-го воздействия, соответственно, и задача проведения реальных реформ в системе уголовного правосудия и уголовно-исполнительной системы становится еще более трудноразрешимой, чем пять лет назад.

¹² См.: http://ombudsman.gov.ru/doc/a-eg_doclad.shtml.

¹³ См. материалы III Всероссийского съезда в защиту прав человека – www.zaprava.ru.

¹⁴ См. статью «России угрожает своё 11 сентября» – www.prison.org.

¹⁵ Нелегальные возможности для получения информации о происходящем в УИС значительно возросли из-за получающей все более широкое распространение сотовой и электронной (компьютерной) связи, коррумпированности сотрудников пенитенциарных служб.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Центр содействия реформе уголовного правосудия – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор Центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой проект по социальному сопровождению несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительная работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

Центр выпустил сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу «Облака»** о проблемах заключенных (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию о тюремных нравах и обычаях, о судьбах известных арестантов, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

Внимание! На сайте публикуется новая серия брошюр Центра: «Нормативно-правовые акты для уголовно-исполнительной системы». В нее вошли в том числе брошюры «Правила внутреннего распорядка ИУ»; «Правила внутреннего распорядка СИЗО»; «УДО и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Акции протеста заключенных: март – июнь 2008 года

Кировская область

28 марта 2008 года

26 марта в Кировской области в ИК-5 **группа заключенных совершила акт массового суицида** – 29 человек вскрыли себе вены бритвенными лезвиями. Таким образом заключенные хотели выразить свое отношение к незаконным действиям администрации колонии, в частности, по словам осужденных, в ИК не соблюдаются нормы содержания и питания.

Также уже месяц заключенный Владимир Вихарев в ИК-11 продолжает голодовку. Все это время он принимает только воду. Заключенный считает приговор суда необоснованным и незаконным и добивается его отмены. По информации, полученной от сотрудников ГУИН, он осужден по статье 126 УК РФ (похищение человека). Вихарев уже обратился с жалобой в Верховный суд, Администрацию Президента РФ и Европейский суд по правам человека. Несмотря на месяц голодовки, работники ГУИН считают состояние Вихарева удовлетворительным.

Как стало известно от родственников осужденных, около месяца назад группа заключенных колонии № 17 проводила голодовку против незаконных действий тюремной администрации. По информации правозащитников, колония № 17 является одной из самых неблагоприятных в Кировской области. Заключенных здесь избивают, лишают

свиданий и возможности переписываться с родными, подавать жалобы в судебные инстанции и правозащитные организации. В знак протеста осужденные вскрывают вены, вбивают в тело гвозди и заостренные штыри, глотают стекла и другие предметы, требуя гуманного обращения и соблюдения законности. Однако эти факты редко становятся достоянием гласности, так как заключенные боятся жаловаться, а исправительные учреждения в Кировской области редко посещают представители неправительственных правозащитных организаций.

Белгородская область

2 апреля 2008 года

Осужденный Василий Казачек, отбывающий наказание в ФГУ ИК-5 г. Белгорода, **начинает бессрочную голодовку** в знак протеста против незаконно вынесенного, по его мнению, приговора. По словам удмуртской правозащитницы Ларисы Фефиловой, осужденный являет собой пример чудовищной судебной ошибки и просит всех распространить о нем информацию. Заключенный дошел до отчаяния и фактически потерял надежду добиться правды и справедливости.

Осужденный В. Казачек отбывает наказание с августа 2004 года (приговорен Воткинским городским судом Удмуртской Республики 13.08.2004 года к 11 годам 6 месяцам лишения свободы). Как указывает осужденный, он отбывает наказание по обвинению в преступлении, которого не совершал. Судьей Воткинского городского суда Мажутиной В.И. был вынесен незаконный приговор, основанный на искаженных и измененных судьей показаниях. На протяжении четырех лет заключенный пытается доказать незаконность своего осуждения, однако в ответ на все жалобы он получает лишь отписки.

Москва

3 апреля 2008 года

В столичном СИЗО-2, больше известном как Бутырский следственный изолятор, **прошли массовые беспорядки**. Заключенные отказались выполнять требования охраны, затем стали кричать, пытались вырваться из камер. Зафиксировано несколько попыток поджогов. По словам сотрудников ГУИН, ситуация контролируется.

Корреспондент РИА «Новости» с места событий сообщил, что с территории СИЗО доносился свист, крики заключенных и звуки ударов металлической посуды. С крыши соседнего здания можно было видеть

на территории изолятора группу людей в военной форме. По словам очевидцев, в СИЗО приехал пожарный расчет МЧС.

Причины, вызвавшие бунт, не называются. Впрочем, источник в правоохранительных органах сообщил, что сотрудники изолятора якобы избили заключенных. Некоторые родственники заключенных у ворот Бутырки говорили о массовых беспорядках и даже об убийстве контролерами одного из заключенных.

Как пояснил директор ФСИН, в Бутырке проводился плановый обыск по изъятию запрещенных предметов. «Скорее всего при проведении этого мероприятия кто-то пустил слух об убийствах, применении силы среди арестованных, и эти слухи дошли до родителей», – отметил Ю. Калинин.

14 апреля 2008 года

Заключенные Бутырки начали массовую голодовку протеста.

По данным источника, на территорию Бутырки введен ОМОН. Эту информацию подтвердил бывший политзаключенный, нацбол Максим Громов. По его словам, на место событий уже выехала съемочная группа журналистов. По информации очевидцев, омоновцы приехали в Бутырку в составе около пятидесяти человек. Как отметил Максим Громов, сейчас, вероятнее всего, администрация СИЗО ведет с голодающими переговоры, а в случае, если договориться не удастся, омоновцы будут решать конфликт силовым путем.

По словам источника, недовольство заключенных вызывают постоянные избиения и обыски, которые изо дня в день проводят сотрудники милиции, командированные на несколько месяцев в Бутырку из регионов. Во время обыска в камере заключенных заставляют полностью раздеться, проверяют личные вещи, иногда забирая себе некоторые продукты питания и даже одежду. Милиционеры конфискуют предметы, по закону разрешенные к передаче в следственные изоляторы: телевизоры, безопасные бритвы. Тех, кто пытается спорить, избивают. Впрочем, заключенных бьют и просто так – «для профилактики». В знак протеста несколько дней назад один из заключенных вскрыл себе вены. Недовольство заключенных вызывает и отсутствие квалифицированной медицинской помощи. «В СИЗО нет врачей. В лучшем случае – раздатчики лекарств», – говорят они. По их данным, с начала 2008 года в больнице изолятора умерло 4 человека. Возмущенные жестоким обращением и ухудшившимися после выборов условиями содержания, заключенные неоднократно писали жалобы администрации СИЗО. Все обращения заключенных игнорировались, а 13 апреля руководство СИЗО потребовало от авторов жалоб опровержений.

Чечня

25 апреля 2008 года

Заклученные чеченской исправительной колонии № 2 в Чернокозово объявили голодовку. Проблемы там начались после массовой драки между осужденными. Между тем в Управлении Федеральной службы исполнения наказаний по Чечне эту информацию опровергают.

О том, что в Чернокозово осужденные объявили голодовку, стало известно от родственника одного из отбывающих срок на общем режиме в этом исправительном учреждении. По его словам, голодовка началась утром 24 апреля. «Я был на свидании со своим братом, и он рассказал мне, что вся зона голодает. Дело в том, что после драки, произошедшей два дня назад, в их камерах провели обыск и увезли все личные вещи. Я думаю, это возмутительно, из-за какой-то кучки должны страдать все!» – сказал источник.

По словам представителя ФСИН, 22 апреля в колонии произошла массовая драка заключенных, в результате которой пострадало 11 человек. По его словам, в драке участвовали около ста человек. «Это была не просто драка, в ход шли ножи, вилки, железные прутья, 11 человек увезли в вольную больницу с переломами рук, ног, внутренним кровоизлиянием, одному пробил спичей почку», – говорит он.

По словам источника, потасовка произошла из-за внутреннего конфликта между заключенными. «Для отбывания наказания в колонию привезли бывшего сотрудника ОРБ-2, и наши посчитали, что его нужно наказать. Из-за этого и начался разлад. Те, которые раньше работали в милиции, а теперь сидят, вступились за него. Началась драка», – сказал источник.

Самарская область

12 мая 2008 года

По сообщениям родственников осужденных, **более 1000 осужденных исправительной колонии № 6 Самарской области 9 мая объявили головку.** Причинами голодовки, по их словам, стали неотправленные жалобы осужденных и давление со стороны администрации колонии.

Часть осужденных пыталась легальным способом выслать из колонии жалобы в прокуратуру Самарской области и Генпрокуратуру на невыносимые условия содержания. Всех, кто написал жалобы, начали преследовать, некоторых выдворили в ШИЗО, некоторых начали запу-

гивать. В одном из отрядов люди живут в хозяйственном помещении с бетонными полами и металлическим потолком, не принятом комиссией, в холоде и сырости.

8 мая один из осужденных, Владимир Елбаикиев спросил у администрации, когда же будут отправлены жалобы, однако был избит представителями администрации. Это послужило последней каплей, и осужденные объявили голодовку. Требования голодающих: 1) отправить их жалобы в соответствующие инстанции; 2) улучшить условия содержания до нормальных; 3) прекратить преследования со стороны администрации тех, кто защищает свои права.

ФСИН опровергла информацию о голодовке в ИК-6 Самарской области. «Подразделение функционирует в штатном режиме, никаких происшествий там нет», – заявил начальник пресс-службы ФСИН Валерий Зайцев. Он отметил, что «связался с начальником исправительной колонии, ничего там не было».

Фонд «В защиту прав заключенных» обратился к Уполномоченному по правам человека в Самарской области И. Скуповой с просьбой посетить колонию и разобраться в ситуации на месте. По информации родственников заключенных, омбудсмен посетила колонию, встретила с тремя заключенными, которые подтвердили ей факт головки. Однако другим заключенным, которые писали жалобы, с ней встретиться не дали. 10 мая заключенные сняли голодовку. Администрация колонии пошла на уступки, были достигнуты договоренности об улучшении условий содержания и передаче жалоб осужденных прокурорам разных уровней. Ситуация в колонии изменилась после того, как СМИ сообщили о голодовке.

На сегодняшний день ситуация, по словам родственников осужденных, неоднозначная. Тех, кто объявил о головке, и тех, кто высылал жалобы, будут вывозить из колонии.

Челябинская область

2 июня 2008 года

В исправительной колонии в городе Копейске Челябинской области конвоиры до смерти забили четверых осужденных. Как сообщает областная прокуратура, перед этим заключенные взбунтовались и напали на конвой.

В сообщении прокуратуры говорится, что в минувшую пятницу в транзитно-пересыльный пункт исправительного учреждения прибыли четверо осужденных, приговоренных к различным срокам лишения свободы за «совершение преступлений корыстной направленности, в том

числе сопряженных с насилием над потерпевшими, а также связанных с незаконным оборотом наркотических средств... В пути следования в спецвагоне осужденные вели себя агрессивно и вызывающе... По прибытии в исправительное учреждение продолжали свои противоправные действия... Во время нахождения в камере привели в негодность имущество и внешний вид помещения».

Утром 31 мая осужденные во время прогулки напали на сотрудников администрации. Пятерым сотрудникам были причинены телесные повреждения различной степени тяжести, в том числе переломы, сотрясение головного мозга и резаные раны.

«В результате к нарушителям были применены спецсредства ПР-73, БР (резиновые палки)... К вечеру состояние их здоровья ухудшилось, все четверо скончались», – сообщает прокуратура. По факту смерти осужденных возбуждено уголовное дело.

По словам Ю. Калинина, заключенные, погибшие в результате бунта в колонии, спровоцировали сотрудников ФСИН на применение спецсредств. По его словам, еще в пятницу 30 мая четверо заключенных начали подбивать всю группу на сопротивление конвою и получили замечания. В субботу 31 мая, не получив поддержки от окружающих, они все-таки напали на сотрудников колонии. Калинин также отметил, что случаи гибели сотрудников ФСИН при исполнении обязанностей нередки. За последние пять лет в стране погибли 260 человек.

4 июня пришло сообщение, что конвоирам, пострадавшим от рук заключенных в колонии № 1 города Копейска Челябинской области, может быть оказана материальная помощь, улучшены жилищные условия.

Проведенной прокуратурой проверкой событий в колонии были выявлены грубейшие нарушения требований Конституции и Уголовно-исполнительного кодекса России, отмечен низкий профессиональный уровень сотрудников колонии, отсутствие надлежащей воспитательной работы с осужденными. Кроме того, в данном конкретном случае избитым осужденным не была оказана квалифицированная медицинская помощь и не обеспечен контроль за состоянием их здоровья. В ходе проверки прокуроры опросили свыше ста участников событий, изъяли необходимые документы, которые в последующем были направлены в следственное управление Следственного комитета при прокуратуре по Челябинской области. В настоящее время возбуждено дело по ряду статей Уголовного кодекса Российской Федерации. По результатам рассмотрения прокурорского представления от занимаемых должностей освобождены начальник колонии и его заместитель по оперативной работе, а также два начальника отделов и семь других сотрудников колонии.

Архангельская область

3 июня 2008 года

В ЛИУ-8 51 человек написал заявления об объявлении голодовки. В заявлениях голодающие объясняют свой протест некачественным приготовлением пищи, ненадлежащим медицинским обслуживанием и усилением режима содержания.

Кажется, еще ни разу тюремное ведомство открыто не признало, что заключенные голодовкой действительно отстаивали права и пытались бороться против реальных нарушений лагерных администраций. Так же случилось и в этот раз.

В ходе предварительной проверки, по информации местного УФСИН, было традиционно заявлено, что «действительными причинами голодовки явились намерения осужденных добиться послабления режимных требований».

Свердловская область

3 июня 2008 года

По информации, поступившей в Фонд «В защиту прав заключенных» от свердловского правозащитника Владимира Шаклеина, сегодня **в ИК-15 г. Сосвы около 50 заключенных отказались от пищи в знак протеста** против того, что у них забрали личные теплые вещи. По информации правозащитника, в колонии тяжелые условия содержания – низкая температура в помещениях, из-за чего заключенные вынуждены тепло одеваться. Также заключенных очень плохо кормят.

В данной колонии администрация всячески мешает переписке заключенных с родственниками и адвокатами, а также препятствует подаче жалоб в вышестоящие инстанции.

В ГУ ФСИН подтвердили, что заключенные в этой колонии отказываются от пищи, хотя в ведомстве отмечают, что протестующие официально не предупредили администрацию о начале голодовки.

Нижегородская область

6 июня 2008 года

Лысковский районный суд Нижегородской области огласил приговор по «делу Сергея Карпова». Подсудимому Мартынову, сотруднику колонии ИК-16, вменялось превышение должностных полномочий с применением насилия (п «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), а также доведение до поку-

шения на самоубийство (ст. 110 УК РФ). Мартынов приговорен к 4 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Потерпевший Карпов остался доволен приговором и намерен после вступления приговора в силу направить иск о компенсации вреда.

По мнению юристов Комитета против пыток, представляющих интересы Карпова, приговор полностью соответствует тяжести содеянного. Они надеются, что этот беспрецедентный приговор послужит хорошим уроком тем, кто нарушает права человека в исправительных учреждениях.

Сотрудники прокуратуры по надзору за исполнением законодательства в исправительных учреждениях сделали все возможное для привлечения Мартынова к уголовной ответственности. Отдельно правозащитники отмечают позицию государственного обвинителя Сафронова, который изначально занял принципиальную позицию и грамотно поддержал обвинение в суде.

В ходе судебного следствия было установлено, что сотрудник колонии Мартынов жестоко избивал заключенного Карпова с целью принудить Сергея вступить в секцию дисциплины и порядка колонии. В результате Карпов, не выдержав издевательств, совершил попытку самоубийства, бросившись с крыши барака.

Ростовская область

19 июня 2008 года

В ИК-10 произошло столкновение между осужденными и сотрудниками колонии – две тысячи заключенных подняли бунт. Информация о бунте попала в СМИ от родственников заключенных. По словам родственников заключенных, беспорядки начались утром, после планового досмотра личных вещей заключенных. Один из осужденных отказался показывать свои вещи, сотрудники колонии применили меры, а в ответ получили акцию массового протеста. В ход пошли камни и всевозможные подручные средства. Просочились данные о раненых с обеих сторон. В областном ГУ ФСИНе комментировать информацию о бунте отказались, сославшись на отсутствие на то соответствующей команды. Однако позже из достоверных источников стало известно, что у стен колонии, расположенной в районе Гниловской, заняли боевые позиции спецназовцы ГУ ФСИН.

Последствия бунта подтверждает видеозапись на мобильном телефоне одного из свидетелей. На ней отчетливо видно, как местные медики выводят с территории зоны охранников с забинтованными головами.

Всю вторую половину дня 19 июня вокруг колонии атмосфера накалялась. Милиция организовала оцепление, спецназ ГУ ФСИН ушел в укрытие, журналисты выпытывали подробности у оставшихся ждать свидания родственников, а на территорию колонии въехала машина прокуратуры. Никаких внешних признаков бунта не наблюдалось, а к 17 часам областная прокуратура сообщила, что конфликт локализован и началась проверка. Позднее представитель пресс-службы Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ростовской области Борис Манухян сообщил, что было двое пострадавших. Однако вечером ИТАР-ТАСС со ссылкой на ФСИН уточнило: пострадали четверо заключенных и 16 сотрудников.

По данным ФСИН, в среду в колонии проводили плановый обыск в присутствии помощника прокурора по надзору за соблюдением законности в исправительных учреждениях. После проведенного обыска в двух отрядах группа осужденных заблокировала выход сотрудникам и потребовала вернуть изъятые запрещенные предметы. «После отказа осужденные сломали локальное ограждение, совершив нападение на сотрудников с использованием выломанной арматуры, хозяйственного инвентаря и других предметов. Для пресечения противоправных действий осужденных сотрудниками учреждения применены специальные средства», – отметили во ФСИН.

Неуютная свобода

Жилье – наверное, главная проблема для освобождающихся из мест лишения свободы, и складывается она из многих других плохо решаемых или вовсе не решаемых проблем, предшествующих освобождению и следующих сразу за ним.

Начнем с того, что подготовка к освобождению должна быть многоплановой и проводиться как органами исполнения наказания, так и органами «гражданской» власти. Исправительные учреждения (ИУ), исходя из индивидуальной ситуации и особенностей конкретного сидельца, должны как минимум подобрать (истребовать, получить) документы, дать консультации освобождающемуся по дальнейшему бытовому и трудовому устройству (вплоть до подготовки заявлений со всеми приложениями и разъяснений куда, когда и к кому обратиться); оказать психологическую помощь, чтобы после освобождения не получилось, что «пьянящий воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку». К моменту освобождения администрацией ИУ, жилищными органами, района или населенного пункта должен быть решен вопрос бытового устройства, а органами занятости – вопрос возможного трудоустройства (для трудоспособных), а в случае необходимости – профессиональной подготовки и переподготовки. Хотя профподготовку лучше было бы проводить в ИУ. Причем готовить надо, учитывая конкретные условия. То есть готовить надо по востребованным специальностям, которые могут дать приличный или хотя бы сносный заработок и которые нужны там, куда собирается возвращаться после освобождения человек в тюремном бушлате.

Но что происходит на самом деле? Если человек утратил социальные связи на воле, то зачастую он не знает, что ему надо делать. Нередко возвращение освобожденных в криминальную среду становится резуль-

татом неподготовленности к освобождению. А также следствием почти полного равнодушия и общества, и власти к судьбам этих людей.

Человек в большинстве случаев оказывается предоставлен самому себе. Решение всех вопросов начинается только после его личного обращения – если у обратившегося хватит на это решимости и компетентности. Решение ключевого вопроса – о получении жилья взамен утраченного – начинается после обращения потерявшего жилье во время отсидки в межведомственную комиссию и тянется месяцами. И далеко не всегда этот вопрос решается в пользу заявителя. Как было, например, с бывшим осужденным Евгением Ивановым, потерявшим за время заключения свою комнату. К кому только не обращался этот человек, зная о гарантированном Основным законом страны праве на жилье. Даже самому Грызлову писал, да получил стандартную отписку. Глава администрации Московского района Санкт-Петербурга, некто Полукеев, отреагировал более «тонко». В письме за его подписью¹ Иванову сообщается о том, что «...согласно ст. 60 Жилищного кодекса РСФСР²... учитывая срок наказания, к которому Вы были приговорены... и давность регистрации, Администрация Московского района не находит законных оснований для удовлетворения Вашей просьбы о восстановлении прав на утраченное жилое помещение».

Вот так вот просто и незатейливо работают наши чиновники, ссылаясь на нормы закона, давно исключенные из законодательства³. И что этому чиновнику конституционная норма о праве граждан на жилье?!

Но что говорить о своем жилье, когда даже вопрос устройства в Центр социальной адаптации (ниже об этой инициативе петербургских властей будет сказано подробнее) – это вопрос не одного дня. Сколько справок должен собрать освободившийся, чтобы получить заветное койкоместо? Сколько это займет времени? Где все это время он будет ночевать (и в холодное время года тоже)? Где найдет хлеб насущный в то время, пока бегает за этими самыми справками? А на какую работу может рассчитывать недавний эзк? Как правило, это неквалифицированная, низкооплачиваемая работа.

(И это еще далеко не весь набор «прелестей» после освобождения. Есть еще и другие варианты. Скажем, житель Калининграда сидел «на материке». При освобождении ему выдают – если вообще выда-

¹ Иск. № 116/05 от 24.02. 2005.

² Согласно этой статье, лицо, прописанное в той или иной квартире или комнате, могло быть выписано из этой жилплощади в случае непроживания в ней более полугода.

³ Статья 60 Жилищного кодекса РСФСР была упразднена, как антиконституционная, еще в 1992 г.

ют! – внутренний, российский паспорт, с которым на поезде через границу не проедешь – прибалты не пропустят. А самолет среди средств доставки бывших заключенных к месту жительства не предусмотрен существующим законодательством. Да и вряд ли у освободившегося ээка найдутся деньги на авиабилет.)

Часть 1 статьи 180 Уголовно-исполнительного кодекса РФ требует: «Не позднее чем за два месяца до истечения срока ареста либо за шесть месяцев до истечения срока ограничения свободы или лишения свободы, а в отношении осужденных к лишению свободы на срок до шести месяцев – после вступления приговора в законную силу администрация учреждения, исполняющего наказание, уведомляет органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях». Еще есть и «голая», то есть ничем не обеспеченная, норма статьи 182 УИК РФ: «Осужденные, освобождаемые от ограничения свободы, ареста или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами.

Во что это выливается на практике? Ну, уведомляют администрации учреждений ФСИН органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о предстоящем прибытии того или иного фигуранта после освобождения. И что? Законодательством, к сожалению, не предусмотрена обязанность указанных органов и служб каким-либо телодвижением реагировать на такие уведомления. В лучшем случае пошлют в учреждение ответ с описанием ситуации по трудовому и бытовому устройству предполагаемого освобождающегося. Никаких реальных действий по подготовке к приему, размещению и трудоустройству до момента его личного обращения не будет. А в зоне тоже уже ничего сделать практически невозможно. Например, у человека нет специальности, которая в соответствующем населенном пункте могла бы приносить достойное вознаграждение за труд. Возможно ли за несколько месяцев (и это в лучшем случае), оставшихся до освобождения с момента получения ответов на посланные запросы, провести профподготовку по специальности? Подготовку по той специальности, которая востребована и хорошо оплачивается в соответствующем населенном пункте?

Нельзя сказать, что власти вообще ничего не делают. Мэрия Санкт-Петербурга однажды выделила для решения этого вопроса энное количество метров жилой площади в бывшем общежитии по адресу ул. Будапештская, 103, и создала впоследствии филиал на улице Смоленской. Назвали это красиво: Центр социальной адаптации. Есть еще один центр, поменьше, в Колпино. Далее было издано распоряжение о компетенции наблюдательных комиссий при районных администрациях решать жилищные вопросы с лицами, освободившимися из мест лишения свободы. На этом мэрия сочла свою миссию выполненной. Но всем ли известно об истинном положении вещей?

Знает ли кто-нибудь об условиях пребывания в Центре социальной адаптации тех, кому все же посчастливится получить там крышу над головой? Известно ли благополучным гражданам о том, что несколько десятков людей, бывших осужденных, потерявших за время отсидки кров, собраны фактически в одном помещении? При этом надо учитывать, что тюремные неписанные традиции очень живучи и на свободе. Известно ли им, что перед входом в это помещение установлен фактически милицкий пост с решеткой и замком? Одно это само по себе не может не напоминать людям, вышедшим из тюрьмы, об этой самой тюрьме.

Ну, и конечно же сотрудники ЦСА, следуя милицким инструкциям, не могут забывать об еще одной своей функции – «держат и не пущать». Согласно полуофициальному запрету, всем проживающим в этом помещении возбраняется входить и выходить из него с 23.00 до 6 утра. Запрещается приводить к себе в гости женщин (а как же право на личную жизнь?) и т. д. То есть, идя по пути наименьшего сопротивления, заботясь не о правах и законных интересах граждан, а о собственном удобстве, власти создали на свободе этакую мини-тюрьму.

Разумеется, те, кто освобождается – далеко не ангелы. И бывали в этом заведении и пьянки с дебошами, и прочие срывы. Но их и не могло не быть при таком подходе властей. Кто приходит в ЦСА? Живые люди, не в институтах благородных девиц воспитанные. Порядочность, гуманизм и милосердие среди них распространены не более, чем среди основной массы обывателей. Мозги у многих свихнуты на «понятиях» настолько, что иногда думать о сути происходящего они просто не способны. Живут и реагируют они на внешние проявления действительности по этим самым «понятиям» (как бы ни пытались администрации колоний ломать эти неписанные традиции, а заодно и людей, через колено) – к этому зона приучает прочно.

Поэтому реальное положение дел в общем-то не удивит ни одного психолога, который, кстати, в штате этого заведения, насколько извес-

тно, теперь вообще отсутствует... Вполне понятна ситуация, когда тот или иной бедолага, потерявший за время отсидки и жилье, и работу, и родственников с друзьями, намаявшись-набегавшись безрезультатно по различным жилищным инстанциям и всевозможным биржам труда, срывается в глухой штопор. Не оправдываю таких, но понять их можно! И в этой связи странно слышать рассуждения-сетования некоторых наших чиновников о том, почему, дескать, у нас растет рецидивность преступлений.

Почему бы власти не задуматься и о своей ответственности за тех, кого она – власть – так немилосердно пытается приручить? Почему бы нашему государству и региональным властям не задаваться ежедневно вопросом о невозможности решения таких важных проблем по остаточному принципу?

Вышел человек на волю, а там он никому не нужен. Койка в ЦСА или ночлежке, если очень повезет, и топать устраиваться на работу, если и тут подфартит. Вот и вся социальная реабилитация. Сотрудники ЦСА пытаются оказывать помощь своим постояльцам при трудоустройстве и восстановлении жилья, но действуют опять же в рамках тех инструкций, которыми регламентируется их деятельность. А инструкции эти, как известно, бывают весьма далеки от жизненных реалий, по той хотя бы причине, что штампуют их такие же чиновники, только рангом повыше.

Уголовно-исполнительные инспекции

В структуру управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы ФСИН России, входят 80 отделов (отделений, групп) по руководству уголовно-исполнительными инспекциями территориальных органов ФСИН России, которым подчинены 406 межрайонных уголовно-исполнительных инспекций, имеющих статус юридических лиц, и 2039 филиалов. В них работает чуть меньше 10 тысяч сотрудников.

На сегодняшний день УИИ в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации исполняют три вида наказания, к которым относятся исправительные и обязательные работы, а также лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Также они осуществляют контроль за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, которым судом отсрочено отбывание наказания. Одной из основных задач УИИ является предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете.

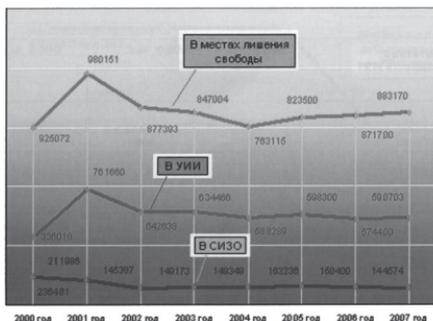
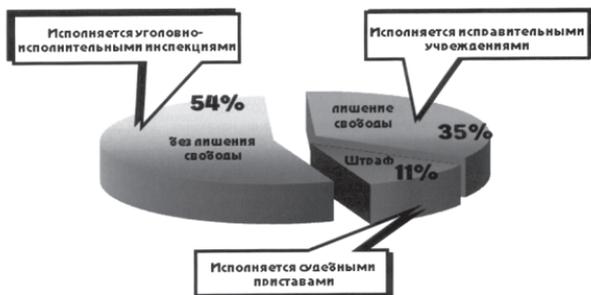
В 2007 году на учете в УИИ состояло 1 141 277 осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Из них осуждено: условно – 85,3%; к исправительным работам – 7,2%; к обязательным работам – 4,8%; к запрету занимать определенные должности – 2,0%; женщин с отсрочкой отбывания наказания – 0,7%. Количество несовершеннолетних осужденных, состоявших на учете в УИИ в 2007 году, составило 78 231 человек; осужденных к обязательным работам – 54 592 (в 2005 году их было всего 17 382); осужденных к исправительным работам – 82 678; осужденных к лишению права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью – 22 678; осужденных женщин с отсрочкой отбывания наказания – 7881.

Основные показатели деятельности УИИ в 2007 году:

- совершили преступления в период отбывания наказания 9418 осужденных;
- осуждены за повторные преступления 6439 человек;
- отменено уголовное осуждение и снята судимость 85 774 осужденным;
- продлен испытательный срок 211 541 осужденному;
- возложены дополнительные обязанности на 194 841 условно осужденного;
- осужденные к исправительным работам были привлечены к труду на 87,8%, к обязательным работам на 90,5%;
- заменен один вид наказания другим, более строгим, отменено условное осуждение и отсрочка отбывания наказания и исполнения наказания, назначенного приговором суда, 74 234 осужденным.

Преступление и наказание. № 4. 2008 г.

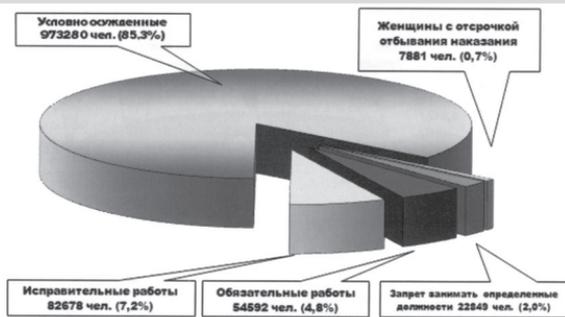
Структура наказаний, назначенных судами Российской Федерации в 2007 году

Количество лиц, находящихся в местах лишения свободы, СИЗО и состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях

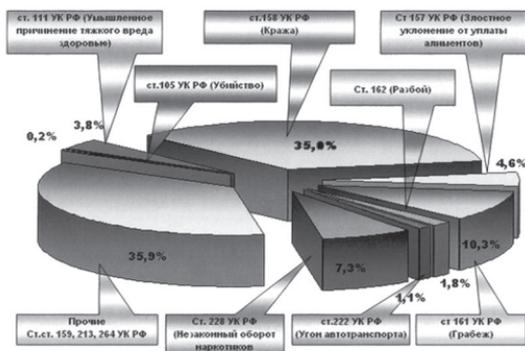
НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Динамика снижения средней нагрузки на сотрудников УИИ

Распределение лиц, осужденных без лишения свободы, по видам наказаний в 2007 году

Виды преступлений, по которым осуждены лица, состоящие на учете в УИИ

Несовершеннолетние: только факты

В России ежегодно находятся в розыске до 55 тысяч несовершеннолетних. Об этом сообщил министр внутренних дел РФ Рашид Нургалиев на заседании правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. По его словам, в 2007 году в результате преступных посягательств погибли 2500 несовершеннолетних.

«Только в прошлом году в отношении подростков совершено свыше 70 тысяч преступных посягательств. Из них 6 тысяч были совершены родителями», – отметил Нургалиев.

Министр также отметил, что в прокуратуру направлено 179 тысяч материалов о неисполнении родителями и опекунами обязанностей по воспитанию детей. По его словам, 50 тысяч материалов – о лишении родительских прав. В 2007 году выявлено 122,6 тысячи несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей.

Рашид Нургалиев также отметил тревожную тенденцию, связанную с нежеланием чиновников уделять должное внимание воспитанию детей и подростков, попавших в трудную ситуацию.

Говоря о криминальной активности несовершеннолетних, глава МВД отметил положительные тенденции по ее снижению. За последние два года работы удалось закрепить положительные результаты. В 2006 году несовершеннолетними совершено на 4,4 тысячи преступлений меньше, чем в 2005 году, а в 2007-м – на 15,6 тысячи по сравнению с 2006 годом.

Удельный вес количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, в общей структуре преступности снизился в сравнении с 2005 годом на 2,3% и составил 7,8%.

За 5 месяцев 2008 года уровень преступности несовершеннолетних снизился на 15,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (зарегистрировано 50 654 преступления). На 21,8% сократилось число преступлений особо тяжких составов, на 23,8% – тяжких.

Ранее в Следственном комитете при прокуратуре (СКП) РФ заявили, что в России преступления против детей приняли характер эпидемии и необъявленной войны. По словам главы СКП РФ Александра Бастрыкина, десятки несовершеннолетних подвергаются зверским изнасилованиям и убийствам.

Всего же Следственный комитет расследовал более 600 уголовных дел по преступлениям в отношении детей младше 15 лет. «За последние годы совершено более 4 тысяч убийств детей и несовершеннолетних, многие из которых были изнасилованы», – заключил Бастрыкин.

Число лиц, совершивших преступления за январь – апрель 2008 года

	<i>Январь– апрель 2008 г., тысяч</i>	<i>В % к январю– апрелю 2007 г.</i>
Выявлено лиц, совершивших преступления	436,2	95,6
из них:		
женщины	71,8	103,7
несовершеннолетние	38,8	82,2
не имеющие постоянного источника дохода	262,4	97,1
из них безработные	24,0	92,2
ранее совершавшие преступления	129,3	98,2
из них ранее судимые	103,8	98,0

Подготовил Юрий Александров

Гимн операм

С чего начать? Пожалуй, с того, чем следовало бы заканчивать, – с советов начинающему оперу, только что пришедшему на работу в угрозыск.

Эгей, желторотик!.. Первым делом забудь все, чему тебя учили в школе милиции и что без устали внушали создатели многочисленных «милицейских» фильмов, книжек и статей.

Не будет в твоей жизни романтики, мудрых и всезнающих начальников, благодарных мирных граждан и всей прочей лабуды, придуманной нанятыми и добровольными врялями.

Будет совсем другое – вонючие притоны, разложившиеся трупы в подвалах, руководящие долбоебы на каждом шагу, ежедневная и никому не нужная суешиловка, бесконечность допросов, пьянок, перекуров, совещаний-заседаний, туберкулезно харкающие и смрадно дышащие криминальные хари, исколотое, сгнивающее заживо наркоманье... грязь, кровь, слезы, боль и дерьмо. Много-много всяческого дерьма.

Если для тебя это неприемлемо и невыносимо, тотчас беги из угрозыска! А если хочешь остаться и работать долго и плодотворно, то выслушай мои наставления, выстраданные несколькими годами моей собственной, пусть и не очень долгой, но до предела насыщенной службы.

Ничему не удивляйся. Никому не верь на сто процентов. Опасайся – всех, в особенности тех, кто рядом с тобой и старается казаться надежным. (Зачем старается? Что затевает против тебя?) Будь всегда начеку, но при этом – ничего не бойся. Страх губит раньше реальной опасности. Всегда будь сильнее собственного ужаса!

Со слов сотрудника уголовного розыска из украинского областного города, пожелавшего остаться безымянным.

А главное – расстанься со своими иллюзиями и идеалами, со всем тем, что ранее составляло основу твоего мировоззрения. С чем ты в итоге останешься? А вот это уж зависит только от тебя.

Каждый идет своей дорогой. Кто-то пашет как зверь, сцепив зубы и не обращая внимания на то, как живут и работают остальные; у кого-то цель и смысл – побольше заработать; кому-то важнее самоутвердиться, прославиться, чем-либо удовлетворить тщеславие. В итоге у каждого есть шанс чего-либо добиться в жизни – денег, славы, власти...

Везде – свои плюсы и минусы. В угрозыске – то же самое. Поступая на работу в милицию, о существовании многих из минусов я даже и не подозревал.

Что я сейчас подсказал бы самому себе нескольколетней давности, только что пришедшему на работу в угрозыск?

Да ничего бы не подсказал. Себя надо делать самому, без подсказок и понуканий.

Иногда на допросах желающие меня задеть агрессивные сопляки кричат: «Сволочи! Чем вы отличаетесь от гестапо?!»

Я обычно не отвечаю (то есть отвечаю, конечно, но – не словами), однако и словесный ответ у меня имеется.

Он прост: ничем!

Да-да, ничем мы не отличаемся от гестапо, и пусть заткнутся возмущающиеся по этому поводу болтливые краснобаи, любители изящной словесности.

И немецкое гестапо, и наша милиция – это два государственных учреждения, сотрудники которых получают зарплату за исполнение поставленных перед ними задач и функций. Если в объективно существующих ныне условиях удастся добиваться этого в рамках действующих законов и инструкций, то мы остаемся в этих рамках.

А нет – так нет!..

Каждое общество имеет такие правоохранительные органы, которых оно заслуживает. Что гестаповцы, что менты – все мы дети своего народа, частичка своей страны. Но в отличие от прочих мы – на виду. Наши недостатки и пороки слишком многих задевают.

Но служба что в политической полиции, что в милиции – это грязная и неприятная работа, которую тем не менее кто-то должен делать. Без нее обществу – никак. Без грязноватых и воняющих дерьмом ассенизаторов не будут исправно работать туалеты.

И не надо ставить нам в пример «демократический» Запад – там то же самое, но только закамуфлированное. К тому же до нынешнего уров-

ня правосознания и «гуманизма» они шли веками, пройдя через целые эпохи невыносимой жестокости.

На самом деле за этой тоненькой пленкой гуманистических заклинаний все – звери.

И я – зверь.

Часто твердят: «Я не люблю милицию!» Допустим.

Но какую именно милицию вы не любите – следствие? ОМОН? угрозыск? паспортистов? участковых? патрульных? Наверное, вы не всю милицию в целом имели в виду, а лишь некоторую ее часть. Но остальных тогда за что же вы поносите? За компанию? Ну-ну...

А как прикажете: менять всю плохую милицию на какую-то иную, совершенно другую и хорошую? Может, вы против существования правоохранительных органов вообще? Но как же вам будет без них, наедине с еще большими плохишами-бандюганями?

Милиция – это люди. А люди – разные. Оттого и милиция разная. Но только оплевать ее, унижить, оскорбить тех, кто там работает и худобедно, но пытается служить интересам общества, куда легче, чем увидеть, услышать и понять...

Слова «сыщик», «сыскарь» в угрозыске не привились – холодные, ничего сердцу не говорящие слова. «Мент» – лучше, но это слово относится ко всем сотрудникам милиции, так же как и ругательные словечки «мусор» и «легалый».

«Опер» – хорошо, но нечетко. Оперативники есть во многих милицеских подразделениях: в бывшем ОБХСС, например, во внутренней безопасности, в инспекции по делам несовершеннолетних.

Лично мне нравится слово «розыскник». В нем и название структуры (уголовный розыск), и специфика деятельности (розыск преступников), и оттенок чего-то таинственного и привлекательного.

Розыскники – элита милиции, ее самая боеспособная (в войне с криминалом) часть. Далек не каждый годится для работы в уголовке. Здесь опер весь день в бегах, в поисках и шевелении мозговыми извилинами. С раннего утра и до позднего вечера его окружают люди. Он постоянно реагирует на всякую случающуюся с ним хреновину. К нему со всех сторон стекается огромное количество всевозможной информации.

Положим, к любому из следователей она тоже стекается, но ему информация в принципе не нужна. То есть чтобы она стала нужной ему, ее еще предстоит закрепить юридически, обставить со всех сторон всевозможными бумажками. Далек не всегда следак считает это нужным, и тогда информация попросту пропадает.

А оперенку-розыскнику «в хозяйстве» сгодится всё. Он ежедневно переваривает огромный массив информации, обширная часть которой даже и не касается преступности. Опер все время в курсе «всего», на острие жизни, созвучен ритму времени, глубинной сущности бытия.

Наша служба либо быстро раздавливает человека, за ненадобностью отбрасывая прочь, либо учит и воспитывает. Каждодневное нацеливание на конечный результат позитивно сказывается и на других, помимо милицейской, сферах деятельности. Розыскник всегда внутренне отобилизован, в любую секунду готов сорваться с места и куда-то стремглав бежать, что-то делать, чем-то занять руки и голову. Он – в движении.

Рано или поздно любой из нас обучается выстраивать логическую цепочку действий для достижения поставленных целей, находить своеобразный алгоритм успеха – шаг за шагом, ход за ходом. Совсем как в шахматной игре, когда сильный игрок предвидит развитие ситуации на много ходов вперед.

Не случайно большинство милицейских начальников родом из угрозыска. Именно у этой ментовской категории мозги изощренней и дальновидней, характер жёстче и целеустремленней, связи в разнообразных кругах крепче и влиятельней. Слабаки в угро долго не держатся. Высокие темпы и жесточайшие требования выдерживают лишь сильные духом. Они конкурируют между собою, и в результате выживают и пробиваются наверх лишь сильнейшие, каждому из которых в умении выжить в экстремальных условиях равных нет.

Став начальником высокого ранга, опер не перестает быть розыскником. Такое уж устройство его тренированных мозгов – он должен постоянно вынюхивать, отслеживать, избобличать, настигать и одолевать в поединке.

У каждого из наших майоров и полковников осталась его личная, работающая только на него агентурная сеть, кропотливо сотканная им за предыдущее многолетнее оперство. И если ты, к примеру, уже замначальника горУВД, а к тебе приходит по делу давний сексот и между делом сообщает некую информацию о совершенном в твоём городе преступлении, то что ж ты – положишь ее под сукно? Ни боже мой! Если это всего лишь вонючая кражонка, то, понятно, сам пачкаться не станешь и сольешь информацию в РОВД. Но если что-то серьезное, тем более мокруха, то не побрезгуешь и лично заняться, хотя по должности вроде бы и не положено... Но душа требует, понимаете?! В ладошках свербит желание того самого мокрушника самолично найти и повязать.

При этом опера – самые обыкновенные люди, со своими большими и маленькими недостатками и грешками. В этом смысле мы ни капельки не отличаемся ни от обывателей, ни от тех же преступников.

Каждый из нас в меру туповат, ленив и распутен. Тот – растяпа и мямля, этот – толков, но нет интереса к работе. Когда достанут до печенок начальственными попреками и оттрахают многократно во все дырки – он ишачит, но стоит на миг отпустить вожжи – начинает филонить и вместо дела придумывая всевозможные отмазки. И у третьего – какие-то свои тараканы в голове... и у десятого...

Но при всем при этом если брать в целом, то под воздействием требований треклятого руководства и логики сложившихся вокруг нас обстоятельств сутками и неделями напролет пашем мы как черти, выполняя в итоге такой объем работы, который при наличных силах и ресурсах в принципе выполнить невозможно.

Обыватели нас не любят, криминалы – ненавидят.

Собственное начальство плюет нам в души, интересуясь лишь конечным результатом, а не тем, ценой каких невероятных усилий он был достигнут.

Газеты в нас плюются каждодневно, на телевидении мозоли уж на языках начесали рассказывать о ментовском садизме и дуболомстве.

Зарплата – мизер, да и ту не каждый месяц выплачивают. Здоровье – ни к черту, времени на семью – нет.

Взглянув на себя свежим взглядом со стороны, в ужас приходишь. Бежать из милиции скорехонько – вот единственный выход. Но бежать некуда, да и привык уж к своему ремеслу.

Когда-то, в далекие совковые времена, преступность в стране была в несколько раз меньше, зато прав и возможностей у милиции намного больше, и молодых оперков первые два-три года ни к чему серьезному в розыске вообще не допускали. Сиди в кабинетике, сочиняй всевозможные справки, да лишь изредка выезжай на задания с опытными зубрами, мотая все на ус и усваивая, как следует работать.

С тех пор в стране изменилось практически все! Бандитов – многократно больше, уличная преступность выросла как никогда, а воздействие милиции на общество свелось к минимуму. Раньше, к примеру, действовала статья об ответственности за тунеядство. Каждый обязан был работать, то есть являться членом какого-либо трудового коллектива. Человеку это способ зарабатывать на жизнь, а нам – средство контроля и воздействия на него. Случись что, попади он, скажем, нетрезвым в вытрезвитель или окажись замешанным в дебоше или мелкой краже – сразу

пишем письмо на предприятие, в партком, местком или комитет комсомола, там его пропесочат на общем собрании, отрихтуют, лишат прогрессивки, а то и 13-й зарплаты, да потом еще и жена дома добавит, узнав, какую денежную сумму с него вычли. Если парень учится, в школу могли написать, в техникум, в институт. Если пенсионер уже, то в ЖЭК по месту жительства. И опять-таки: проработка в парткоме и на общем собрании, другие меры общественного воздействия.

Смешать с дерьмом любого милиция могла запросто, даже и не сажая в тюрьму. Люди это знали, и милиции побаивались. Не скажу, что любили и уважали, не любили и не уважали у нас милицию всегда. Но народ считался с нею как с реальной силой. Потому и сидело у нас в тюрьмах и «зонах» людей намного меньше, чем сейчас, зато жизнь была намного спокойнее.

А сейчас (эти строки написаны в 2000 году) органы внутренних дел в затычке у государства. Ими затыкают все дыры и щели. Их, как пожарную команду, кидают на тушение всех огнеопасных проблем большого общества. Как и следовало ожидать, милиция не справляется. По этой причине ее обвиняют во всех смертных грехах, склоняют и шпыняют. Страх перед милицией в народной толще уже не осталось, уважение так и не пришло. Население стало трудноуправляемым, подтолкнуть его в нужный бок можно только силой, применение которой рождает озлобленность. Зло лишь порождает новое зло, и этот круг становится бесконечным.

Раньше менты знали: трогать нельзя только сынка какого-либо влиятельного папашки, партийного секретаря или подобного ему, с остальными – делай что хочешь (в определенных рамках, разумеется). Сейчас по-иному. Везде правят деньги, а они могут оказаться у любого. Тронешь вроде бы заурядного забулдыгу, а у него брат или сват с капиталом, наймет опытного адвоката, и все наши усилия кончатся хренотней.

Иногда такое зло берет! Не трогал же стервеца и пальцем, а он гундосит: «Ой, меня зверски избили опера, пытками вышибли показания...» Помня многократно проделываемое при подобном раскладе в прошлые времена, думаешь: «Мы ж его сейчас запросто приедем за нагляд!»

А ничего подобного. Приезжает в РОВД адвокатишко, этакий хитросошуренный дяденька с пюзом и во-о-о-о-от такенным портфелем, начинает крутить... И в оконцовке оказывается, что стервец тот – чуть ли не взыправдашняя жертва ужасающих репрессий, чудом оставшаяся живым после многочасовых истязаний, ну а ты, опер, в лучшем случае – лохнувшийся педераст (так позднее, с глазу на глаз, пос-

ле беседы с тем самым адвокатишкой, обзовет тебя шеф), в худшем же – преступник, еще и посадят аж бегом! Найти стрелочников и сбросить под откос – это у нас умеют.

Практически не осталось в уголовке прежних зубров. Кто-то, пробившись в начальники, сделался для рядовых оперов недоступным, основная же масса незаметно испарилась из органов.

Тот – спился, этот ушел на пенсию, того посадили («закрывать» любого из оперов всегда есть за что!), те – осели там, где меньше требуют и больше платят...

Оперской молодежи набираться уму-разуму практически не у кого. Учатся лишь на собственных ошибках, причем многие на этом сгорают. Из ста начинающих оперов в итоге получилось бы 60–80 хороших розыскников, а так – только двое-трое, да и то если им повезет...

Никто оперскую молодежь не жалеет, не учит, не бережет. Проработашь в розыске лишь пару недель, и уже на тебя уже норовят скинуть расследование какого-нибудь мудреного гопа или мокрухи. Всем глубоко по барабану, способен ли ты с подобным делом справиться, не способен... «Обязан!» – и точка. У начальства это – единственный разговор.

Ничему не учат, однако конечный результат – дай! Не сумеешь, заваляшь показатели раз, другой, третий – выгонят в два счета, с этим быстро, кадры не берегут и не лелеют. Начальство беспокоят лишь их собственные шкуры.

Ну а если я хоть как-нибудь, но стараюсь, тяну лямку с 6 утра и до 23 вечера, тогда – держат, «так и быть, работой покамест, паря!». Но при этом долбают всячески, требуют несусветное, жмут до упора...

Но если, несмотря на рутину и всеобщую глупость, начнет у меня что-нибудь получаться... Если сумею найти нужных людей и нащупать каналы воздействия на них... Если буду не только по притонам шляться и морды бить наркоманам сброду, но и грамотно вербовать, расследовать, делать что-либо полезное, достигать нужное именно делу, а не бумаге и не моим начальникам... Вот тогда, может быть (я говорю: может быть!), тогда (когда-нибудь) почую в себе невысказанную гордость: «А ведь получается, елы-палы! А ведь кое-что уж выходит!»

Но это – исключительно моя личная победа. Жду ли я от своих отцов-командиров слов восхищения и благодарности?... Хо! Понимаю прекрасно: хрен от них хорошего дождешься. Что моё – то лишь мне и интересно, начальство же колышется лишь двумя вещами: чтоб давал показатели на уровне и чтобы с ним не переругивался, когда оно, руководство, надумает в очередной раз тыкать мне свои ценные указания.

Розыскники в массе – народ дружный. В одиночку и бандитов не одолеешь, и от начальства не отобьешься. Есть множество ситуаций, когда лишь от твоего напарника зависит, будешь ли ты в оконцовке на коне или же раздавлен тяжелым колесом. Никому не хочется под колесо, вот локоть о локоть с боевыми побратимами от судьбы-суки и отбиваемся!

Все мы – люди одного сорта, примерно одинакового профессионального уровня. Но у каждого – своя особи́нка, свои плюсы и минусы.

Один – психикой гибче, глубже понимает людей, все внутренние пружины и механизмы людского естества. Незаменим как агентурист и к любому подыщет ключик, свой специфический подход. И на допросах, когда надо разговорить нужного «клиента», ему равных нет.

Другой – внимателен к мелочам, подмечает все – особым образом примятый окурок «Примы» под стулом на притоне (а точно такой был найден на месте ограбления гражданки Клепкиной в прошлом месяце), слегка порозовевшие щеки хозяйки притона при вопросе о нынешнем месте работы ее родимого сыночка (значит, верна информация о том, что Вадик Стропалов устроился стриптизером в ночной клуб «Серая Шейка», контролируемый группировкой Вани Черного), еще множество других подробностей и деталей, которые легко ускользнут от внимания другого человека, им же замечены и правильно поняты...

У третьего – интуиция зверская! Бывает так: никаких зацепок, лишь что-то отдаленно маячит в тумане, этакий проблеск во мгле, заметить его невозможно – только почувствовать присутствие, вот он и чует, первым из всех, а уж затем и остальные, присмотревшись, тоже начинают что-то замечать.

Четвертый – упрямец. Уперся буром, вцепился как бульдог и – держит, не отпускает до конца, в финале глядь: а ведь что-то начало вырисовываться!

Пятый – смелый до безумия, в угрозыске шибко отчаянные не нужны, это тебе не ОМОН, но иногда и здесь случаются острые ситуации, тогда есть за кого укрыться. Но, если даже ничего особо рискованного и не происходит, все равно приятно знать, что среди нас есть свой Рэмбо.

И так живём – по-братски, друг на друга начальству не стучим, спiny коллег – прикрываем, про подлянку товарищу – и думать не моги.

Конфликты? Бывает, где ж без них, но несерьезные, без долгих обид, злопамятства и двурушничества. Скажем, у меня – своя «территория», а у опера Игорька – своя. Он норовит какой-нибудь матерьяльчик по уличному гоп-стопу спихнуть на мою «землю» (одна половина улицы «его», вторая «моя», есть возможности для закулисных маневров), ну

а я, естественно, пытаюсь закрутить в обратную сторону. Но это и не конфликт даже, а так... легкая разминка ума и характеров!..

Во всем мы примерно одинаковы – даже в доходах. (В смысле все – практически нищие!) Порою из школы милиции придет какой-нибудь новоиспеченный лейтенантик, носик кверху, ездит на подержанном папином «рено», строит из себя крутояра, хотя в работе пока что – фраер.

Проходит время, обкатается новичок в конкретных условиях, и если не испарится быстро в неведомом направлении, то приспособится к реалиям, приноврится, притрется. Сперва с «рено» как-то незаметно переседет на трамвай, а там – бумажник в его кармане начнет съезжаться в объемах и достоинстве ассигнаций...

Иначе – не получается. Иначе – нельзя. Смотреться белой вороной в «серо-чёрном» оперском коллективе – значит, становиться всеми не любимым одиночкой.

А таким у нас ходу нет!

Справка о состоянии УИС

По состоянию на 1 мая 2008 года в учреждениях УИС содержалось 893,6 тыс. человек, в том числе:

– в 758 исправительных колониях 723,8 тыс.;

– в 223 следственных изоляторах (в том числе 7 тюрьмах и 160 помещениях при ИК и ВК, функционирующих в режиме СИЗО) с общим лимитом наполнения 164 600 мест содержались под стражей и отбывали наказание 159,6 тыс. человек, что составляет 97% от общего лимита мест;

– в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 10,0 тыс. человек.

В учреждениях содержится 66,2 тыс. осужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживает 732 ребенка.

В 2007 году условно-досрочно (ст. 79 УК) и в связи с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК) освобождено 125,9 тыс. человек, или более 49% от общего числа освобожденных из мест лишения свободы.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 131 больница различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 57 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

Производственный потенциал УИС составляют 602 предприятия исправительных учреждений (в настоящее время 541 предприятие находится в стадии ликвидации, на их базе создаются центры трудовой адаптации, производственные мастерские), 316 центров трудовой адаптации осужденных, 22 лечебно-производственные и 21 учебно-производственная мастерские.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 301 вечерняя общеобразовательная школа и 447 учебно-консультационных пунктов, 338 профессионально-технических училищ, действуют 436 церквей, 741 молитвенная комната.

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 47 учреждений здравоохранения, в том числе 25 центров медицинской и социальной реабилитации, 13 больниц, 6 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В 2006 году в СИЗО и тюрьмах было зарегистрировано 101 преступление, в 2007 году их число сократилось до 89, или на 12%.

В течение 2007 года в СИЗО было введено в эксплуатацию дополнительно 3946 мест. На 1 мая 2008 года из 78 территориальных органов УИС, имеющих в своем составе следственные изоляторы, в 52 фактическая камерная площадь превышала установленную законом норму и составила от 4 кв. м (Тюменская область) до 13,9 кв. м (Калмыкия) на одного человека.

Количество принимаемых судами решений об аресте подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести продолжает расти. За январь – апрель 2008 года в СИЗО поступило 54 тыс. таких лиц, что на 3,4% больше, чем за январь – апрель 2007 года.

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе функционирует 2445 уголовно-исполнительных инспекций, из них 406 межрайонных государственных учреждений и 2039 филиалов. За последнее время дополнительно создано 11 МРУИИ. Общая численность осужденных, состоящих на учетах, увеличилась на 1,5% и на 25 апреля 2008 года составляла 590 700 человек.

В 2007 году прошло по учетам свыше 1,1 млн. осужденных, из них 42 тыс. человек отбывали наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 500 тыс., или каждый второй – за кражи, грабежи, разбой. 35% составляет количество лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности.

Увеличился удельный вес осужденных, отбывающих реальные наказания, с 9,9 до 10,3%. Возросло количество лиц с наказанием в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на 25% (14,5 тыс.), в виде обязательных работ – на 55% (11,7 тыс.) при одновременном снижении количества осужденных к исправительным работам на 13% (34,8 тыс.).

На 24% снизилась численность несовершеннолетних осужденных, состоящих на учетах, их количество составляет 30,5 тыс. (40 тыс. в 2006 году).

На 20% увеличилось число женщин с отсрочкой отбывания наказания (6 тыс.) и снизилось количество условно осужденных на 2% (523,5 тыс.).

В течение 2007 года по представлениям УИИ судами дополнительные обязанности возложены на 195 тыс. человек (46% от числа условно осужденных, имеющих определенные обязанности по приговору; в 2006 году – 43%). Количество лиц, которым продлен испытательный срок, составило 212 тыс. По положительным мотивам отменено условное осуждение со снятием судимости с 858 тыс. (на 3% больше, чем в 2006 году).

За нарушение условий и порядка отбывания наказаний направлено в места лишения свободы 74 тыс. осужденных (в 2006 году – 80 тыс.).

Штатная численность персонала УИС составляет 355,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 253,9 тыс. человек.

В составе УИС действуют 7 высших учебных заведений (с 7 филиалами), в том числе Академия права и управления Минюста России, 1 юридический колледж, 74 учебных центра, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий с филиалами в городах Иваново, Владимир, Челябинск, 2 кадетские школы-интерната – «Московский кадетский корпус юстиции» и «Симбирский кадетский корпус юстиции».

В 2007 году органами прокуратуры проведено свыше 31 тыс. проверок соблюдения законов, по результатам которых внесен ряд представлений.

Следственные изоляторы сегодня

Около десяти лет назад следственные изоляторы были самыми болевыми точками всей уголовно-исполнительной системы России и объектами постоянной критики со стороны надзирающих органов и правозащитных организаций, в том числе и международных.

Нехватка камерных площадей, почти двойное переполнение следственных изоляторов, изношенность материальной базы, антисанитария – с такими проблемами руководители уголовно-исполнительной системы всех уровней ежедневно сталкивались в конце 90-х годов прошлого века.

Достаточно сказать, что фактический размер камерной площади, приходящейся на одного содержащегося под стражей, составлял в это время менее 2 кв. метров. Более 60% следственных изоляторов находились в ветхом состоянии, а 26 учреждений были признаны аварийными и непригодными для содержания в них подозреваемых и обвиняемых.

В настоящее время средний размер камерной площади, приходящейся на одного содержащегося под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, доведен до установленной законом нормы и составляет 4,1 кв. метра. Это более чем в два раза больше, чем было в конце 1990-х годов. Однако в 27 территориальных органах УИС этот показатель еще менее установленной нормы.

За 2002–2006 годы в следственных изоляторах было введено дополнительно более 44 тыс. мест для содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

В текущем году началась реализация утвержденной Правительством Российской Федерации федеральной целевой программы «Развитие

уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» с объемом финансирования 73,5 млрд. рублей, из них на строительство СИЗО – 58,1 млрд. рублей. В рамках данной программы в следственных изоляторах будет создано дополнительно 37,4 тыс. мест.

С 2010 года в 24 субъектах Российской Федерации (Республика Дагестан, Республика Карелия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Чувашская Республика, Краснодарский, Пермский и Ставропольский края, Астраханская, Владимирская, Воронежская, Камчатская, Кемеровская, Костромская, Московская, Новосибирская, Самарская, Ленинградская, Свердловская, Томская, Тульская и Читинская области, Ямало-Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область и г. Санкт-Петербург) будет начато строительство 27 следственных изоляторов нового типа.

В 2007 году на строительство объектов следственных изоляторов из федерального бюджета выделено 2 млрд. 131 млн. рублей, в 2008 году – 2 млрд. 185 млн. рублей.

Реализация федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» позволит к 2017 году привести условия содержания подследственных в следственных изоляторах в соответствие с законодательством Российской Федерации, что уменьшит количество жалоб на условия содержания, улучшит санитарно-эпидемиологическую обстановку в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Ввод в эксплуатацию 27 следственных изоляторов, в которых условия содержания подследственных будут соответствовать международным стандартам, положит начало практической реализации в Российской Федерации Европейских пенитенциарных правил.

Условия содержания в этих следственных изоляторах будут соответствовать международным стандартам (норма санитарной площади на одного подследственного – 7 кв. метров).

Помимо этого уже сегодня повышены нормы питания осужденных и лиц, заключенных под стражу. Соответствующее Постановление Правительства Российской Федерации «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время» было принято в апреле 2005 года. На питание одного содержащегося под стражей в день выделяется 38,5 рубля. Также подозреваемым и обвиняемым бесплатно выдаются постельные принадлежности, посуда и столовые приборы, туалетная бумага, а также по их просьбе в случае отсутствия на их лицевых счетах необ-

ходимых средств индивидуальные средства гигиены (мыло, зубная щетка, зубная паста (зубной порошок), одноразовая бритва (для мужчин), средства личной гигиены (для женщин).

В целом же, учитывая все расходы (в том числе содержание зданий и сооружений, заработную плату сотрудников и т. д.), содержание одного заключенного под стражей в день обходится государству в 310 рублей.

Первый следственный изолятор нового типа будет введен в эксплуатацию в 2012 году в г. Чебоксары Чувашской Республики. Затем в 2013 году будут сданы аналогичные объекты в Астраханской, Воронежской, Свердловской, Камчатской областях, г. Санкт-Петербурге.

Такой следственный изолятор – это целый комплекс административно-хозяйственных зданий и инженерных сооружений, предназначенных для обеспечения его функционирования. В нем будут созданы условия, отвечающие международным требованиям, не только для содержащихся под стражей, но и для несения службы сотрудниками следственного изолятора.

Камеры в них будут рассчитаны на содержание не более 4 человек, оборудованы только одноярусными кроватями, необходимым набором мебели, современными санитарными узлами, системами вентиляции.

Новые следственные изоляторы будут оборудованы интегрированной системой безопасности, системами управления и контроля доступа, видеонаблюдения, электронного мониторинга, аппаратурой противодействия несанкционированному ведению телефонных переговоров. Внедрение этих систем максимально исключит влияние человеческого фактора в системе безопасности объекта и создаст условия для оперативного принятия решений при осложнении обстановки.

Условиям содержания несовершеннолетних уже сегодня уделяется особое внимание. Они размещаются в маломестных, отремонтированных камерах, как правило, расположенных в отдельных корпусах. С несовершеннолетними постоянно работают воспитатели, психологи, проводятся занятия, беседы, демонстрируются фильмы, предоставляется возможность заниматься спортом.

Организовано их обучение по программе основного общего образования. В следственных изоляторах функционирует 111 учебно-консультационных пунктов, в которых обучается более 4 тыс. несовершеннолетних. В 2006 году в следственных изоляторах закончили обучение по программе общего образования и получили аттестаты 1,3 тыс. несовершеннолетних.

Из Доклада Amnesty International 2008

Российская Федерация

Пытки и жестокое обращение

Поступали многочисленные сообщения о пытках и жестоком обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов в ходе следствия и в местах лишения свободы. По имеющимся сведениям, сотрудники милиции и следователи били задержанных, надевали им на голову полиэтиленовые пакеты и противогазы, применяли электрошок, а также угрожали новыми пытками и жестоким обращением за отказ признать «вину» и подписать «признание».

В течение года виновными в преступлениях, связанных с применением пыток и жестоким обращением в ходе следствия и на допросах, был признан целый ряд сотрудников милиции.

В июле, по имеющимся данным, сотрудники избили и подвергли жестокому обращению пожилого инвалида из города Кстова Нижегородской области Валерия Донцова, вынуждая того признаться в убийстве сына. В результате жестокого обращения, перенесенного в милиции, его пришлось госпитализировать.

Стало известно о бунтах в нескольких исправительных колониях. Заключенные протестовали против жестокого обращения и нарушения их прав, в частности против отказа в свиданиях с родственниками и получении продовольственных передач, а также против частого использования карцера в наказание за незначительные нарушения тюремного распорядка. Такого рода сообщения поступали из исправительных колоний в Краснодарском крае, Свердловской и Калужской областях. По информации СМИ, при подавлении волнений в Свердловской области погибло трое заключенных.

В январе президент Путин высказался в пользу ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток. Обсуждались предложения ввести общественный надзор за местами лишения свободы. Тем не менее по состоянию на конец года эффективной системы внезапных проверок создано не было.

Смертная казнь в мире в 2007 году: цифры, факты, выводы¹

Данные о казнях в 2007 году		Данные о казнях в 2006 году	
Китай	470+	Китай	1010+
Иран	317+	Иран	177
Саудовская Аравия	143+	Пакистан	82
Пакистан	135+	Ирак	65+
США	42	Судан	65
Ирак	33+	США	53
Вьетнам	25+	Саудовская Аравия	39+
Йемен	15+	Йемен	30+
Афганистан	15	Вьетнам	14
Ливия	9+	Кувейт	10+

Если Amnesty International известно о том, что казни в стране проводились, но неизвестно их точное количество, то мы ставим «+» на против названия страны.

В 2007 году казнили по меньшей мере **1252** человека в **24** странах. К смертной казни приговорили не менее **3347** человек в **51** стране.

В 2006 году казнили как минимум **1591** человека в **25** странах. К смертной казни приговорили не менее **3861** человека в **55** странах.

Как и в предыдущие годы, подавляющее большинство казней в мире в 2006 году состоялись лишь в нескольких странах мира. В 2006 году **91%** казней, о которых стало известно, произошли в **шести** странах: в Китае, Иране, Пакистане, Ираке, Судане и США. В 2007 году **88%** всех казней, о которых стало известно, произошли в **пяти** странах: Китае, Иране, Саудовской Аравии, Пакистане и США.

¹ Amnesty International. Брифинг для СМИ. 15 апреля 2008 года.

Примеры казней в 2007 году

Китай

В июле 2007 года за взяточничество и халатность казнили Чжэна Сяояя – бывшего начальника Государственного управления КНР по надзору за продуктами питания и лекарственными средствами. Обычно приговор приводится в исполнение выстрелом в затылок, но в последнее время все чаще – путем введения смертельной инъекции. Многие из преступлений, караемых в Китае смертной казнью (их всего около 68), носят ненасильственный характер. Среди них – уклонение от уплаты налогов, контрабанда и организация проституции.

Саудовская Аравия

В городе Эр-Рияд (Саудовская Аравия) казнили Мустафу Ибрагима за то, что тот якобы занимался колдовством, черной магией и осквернял Коран. По данным официальных лиц, к ним поступили жалобы от мужчины, утверждавшего, что Мустафа Ибрагим наводил на него порчу, чтобы разлучить с женой. Те же источники утверждают, что Мустафа Ибрагим во всем сознался. В мае его приговорили к смерти, а в ноябре казнили через отсечение головы. В своем письме к президенту Комиссии Саудовской Аравии по правам человека Amnesty International выразила обеспокоенность тем, что подсудимого признали виновным и приговорили к смерти на основании признаний, полученных под пытками и что ему не дали воспользоваться услугами адвоката. Организация призвала заменить смертные приговоры, вынесенные Мустафе Ибрагиму и другим заключенным, иными видами наказаний, но не получила никакого ответа.

Вьетнам

В марте 2008 года Президент Вьетнама Нгуен Минь Чиет заменил пожизненным заключением смертный приговор, вынесенный гражданину Великобритании 1960 года рождения Ле Мань Луонгу, которому грозил расстрел за торговлю героином. Приговор был вынесен в ноябре 2006 года и утвержден в апреле 2007 года по итогам пересмотра дела. По сообщениям, в ожидании казни Ле Мань Луонга заковывали в наручники и кандалы. Из-за полученного в детстве во время войны ранения Ле Мань Луонг имеет повреждение головного мозга. Согласно поступавшим сведениям, он с трудом понимал суть судебного разбирательства по своему делу.

Уганда

Мпаги Эдвард Эдмари 18 лет дождался смертной казни в угандийской тюрьме. Во время ареста в 1981 году ему было 27 лет. В 1982 году ему вынесли смертный приговор за убийство соседа. Однако никакого убийства не было. Как выяснилось, сосед был жив, однако его родственники, затаив злобу на родителей Эдварда, инсценировали убийство, чтобы тем досадить. История нашла подтверждение еще в 1989 году, однако Мпаги освободили из камеры смертников лишь спустя 11 лет. За это время у него на глазах увели на казнь 52 узника.

США

С 1976 года в США отпустили на свободу более 120 заключенных-смертников в связи с их невиновностью. Три таких случая произошли в 2007 году, а последний имел место совсем недавно, в апреле 2008 года, когда в Северной Каролине освободили Глена Чэпмена. Он провел свыше 12 лет в ожидании казни за два убийства, совершенных в 1992 году, пока в 2007 году судья не направил его дело на пересмотр. 2 апреля 2008 года прокуратура сняла с него все обвинения. Сотым случаем, зарегистрированным Информационным центром по вопросам смертной казни (Вашингтон, округ Колумбия), стало дело Рэя Кроны из Аризоны. Его арестовали в конце 1991 года, во время предновогодних праздников, за изнасилование и убийство женщины в Фениксе. На тот момент ему было 35 лет. До этого он никогда не привлекался к уголовной ответственности. Его приговорили на основании косвенных улик и показаний эксперта, который заявил, что зубы Кроны совпадают со следами укусов на теле жертвы. Спустя три года после вынесения смертного приговора, его дело направили на пересмотр и вновь признали виновным, однако на этот раз приговорили к пожизненному заключению. Он по-прежнему заявлял о своей невиновности, и в 2001 году в деле произошел прорыв благодаря анализу ДНК, который исключил Крону из списка подозреваемых, указав на то, что нападавшим был другой мужчина. 8 апреля 2002 года Рэя Крону освободили.

Япония

Саказ Менда стал первым в Японии приговоренным к смертной казни, которого отпустили на свободу. Его осудили за убийство двух человек, и он провел в камере смертников 34 года. Когда его арестовали в 1949 году, ему было 22 года, а освободили его лишь в 1983 году. За это время, по его словам, у него на глазах увели на казнь около 35 узников.

Мэри Маколи
Дети в тюрьме
Пер. с англ. Е. Мишкинюк.
М.: ОГИ, 2008. 216 с.

Алексей Мокроусов

Ювенальная горечь познания

Чувство легкого недоумения при знакомстве с книгой возникает из-за обложки. Образ входит в противоречие с текстом: английское имя автора соседствует с фотографией, очевидно сделанной в России (книга оформлена снимками С. Саяпиной и Л. Альперн).

Но Мэри Маколи, британский историк и социолог, доктор политических наук, путешествует либо работает в России уже почти полвека, начиная с 1959 года. В свое время она училась в ленинградской аспирантуре, возглавляла московский офис фонда Форда, известного своим сотрудничеством с правозащитными организациями. Сейчас Маколи работает научным сотрудником Международного центра тюремных реформ в Кингс Колледже Лондонского университета (ICPS). Детали ее биографии показывают, насколько она уникальный автор: международный опыт сочетается со знанием российских реалий. Собственно, это и превращает ее труд в настольный для всех, кто задумывается о юношеской преступности и тем более связан с системой ее наказания. Сама Маколи адресует свою работу не специалистам, но прежде всего политикам, журналистам и профессионалам (обращает на себя тонкое различие последних со специалистами).

Здесь 11 страниц тщательно подобранной библиографии, почти треть из нее – англоязычная и при этом довольно свежая, датированная XXI веком. Что особенно ценно: идеи западных исследователей,

цифры, которыми оперируют социологи и статистики, разбираются в основном корпусе книги в качестве материала, с которым автор работает, исходя из российской перспективы. Причем эта перспектива включает в себя не только географический охват, но и временной. Маколи хорошо знакома с историей вопроса, что видно по тому, как она разбирает развитие велферизма в царской России, Советском Союзе и нынешней Российской Федерации. Она подробно разбирает ситуацию начала XX века, свертывание социально ориентированных судов при Сталине, а также возможности, открывшиеся для реформирования системы наказаний в начале 1990-х годов. О последнем периоде автор с сожалением вынуждена констатировать: «Нежелание со стороны политического руководства, возглавляемого Ельциным или Путиным, провести нечто большее, чем “косметическая реформа”, поражает... Министры, суды и прокуратура – особенно в системе, имеющей бюрократическое ядро, – неизбежно укрепились в своей сформировавшейся позиции и отмахнулись от нежелательных перемен... В основном подростки косвенно получали пользу только от изменений, касавшихся взрослого населения» (одна из глав книги так и названа: «Замедленные изменения, или потерянное десятилетие»).

Некоторые исторические параллели вызывают нехорошие ассоциации. Вот фраза, словно взятая из сегодняшнего газетного отчета: «Из-за недостатка финансирования не все колонии смогли отправить на этот съезд своего представителя. Городское правительство сделало мизерный вклад, а федеральное – никакого. Телеграммы от царя также не было... Не удалось решить вопрос, как поступать с малочисленными девушками-правонарушительницами – размещать их вместе с мальчиками (нежелательно) или держать вдали от дома (тоже нежелательно). Главной проблемой, волновавшей делегатов, был недостаток финансирования как от правительства, так и благотворителей; нежелание государства и общества понять, что если бедность рабочих семей приводит к тому, что родители не могут вырастить детей должным образом, то эти дети становятся проблемой государства. Съезд решил, что государство должно возглавить процесс, ввести систему налогов и работать вместе с местными властями и частными благотворительными организациями...»

Увы, решения VIII съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних, состоявшегося в 1907 году под покровительством великого князя С.А., не выполнены до сих пор. Некоторые проблемы остались именно в том виде, в котором они существовали столетие назад. Так, из 50 спецшкол и СПТУ, созданных сегодня под эгидой Министерства образования, лишь шесть предназначены для

девочек. Понятно, к каким последствиям это приводит в масштабах страны. Девочки вынуждены порой жить в тысячах километров от своего дома. Встречи с родными сводятся к минимуму – даже у тех, от кого не отказались родители и кто до спецшколы не жил в детдоме.

Тем самым наказание усиливается – вполне в духе системы, по разным причинам не очень заинтересованной в социально ориентированном курсе и предпочитающей ему строгость наказания. Приводит ли такая строгость к нужным результатам? Очевидно, что нет. Сбои начинаются уже на уровне судов. Маколи, активно цитирующая российских авторов и результаты опросов сотрудников из разных областей юстиции, приводит, в частности, такое мнение начальника ОПНН: «Сидишь на суде, клоунада сплошная. Иногда даже там присутствовать не хочется. Настолько судьи некомпетентны, непрофессиональны. Такие вопросы задают наивные, глупые... Как подросток будет дальше? Кто с ним будет работать, с этим подростком? Их это не волнует! У них главное, что дело ушло нормально, протеста нет никакого, апелляции нет. Я считаю, у них цель вот такая – чтобы дело ушло чисто». Примечательно, что именно среди рядовых представителей правоохранительной системы встречаются наиболее трезвые голоса, самые ясные мнения о происходящем. Связано ли это с тем, что тот, кто ближе к земле, лучше ее знает? Кто каждый день видит чужую боль, хотя бы помнит о ней?

При этом практически все сходятся в одном: слишком мало для кого опыт воспитательной колонии оказывается положительным (порой кажется, что одного лишь месячного пребывания в ней с лихвой хватит для преступившего закон). Должны существовать другие формы работы с подростками. Именно потому так важно обращение исследовательницы к опыту Италии, Германии и Финляндии – ему посвящена пятая глава книги.

Этот опыт разнится многим, поскольку и законодательство, и судебная практика в этих странах не унифицированы. В Германии, например, в статистику подростковой преступности вовсе попадают 18–20-летние, а сроки вместе с несовершеннолетними правонарушителями могут отбывать и люди, достигшие 23 лет. Потому, если ювенальные суды Германии в 2003 году приговорили к заключению 7023 человека, не приходится удивляться, что собственно подростков среди них – едва ли десятая часть, а девочек и вовсе меньше полусотни.

Но общие выводы из европейской практики сделать все-таки возможно. Они сводятся к тому, что «система уголовного правосудия, даже при наличии ювенальных судов, не подходит для молодых людей». Упор должен быть сделан на социальные службы, социальную поддержку,

способную работать с каждым отдельным человеком. Здесь важно подготовить и сдвиги в общественном мнении, и внутреннюю установку судей. В России они, судя по всему, все еще на стороне карательных подходов. Ситуация мало чем отличается от североамериканской, где понятие «преступление есть преступление» фактически не знает исключений. Подростки получают максимальные сроки, как и взрослые за аналогичные преступления. Потому Россия уступает только США: там в заключении находятся около 130 подростков на сто тысяч человек в этой возрастной группе, у нас – почти 110.

К тому же в России, согласно данным социологических опросов, преступления против личности выглядят в глазах общества менее опасными, чем преступления по отношению к собственности. Так, Маколи разбирает выбор наиболее адекватного, с точки зрения опрашиваемых, наказания за разные виды преступления. Выяснилось, что к подростку за нападение на пенсионерку и ее ограбление следовало бы применить менее жесткие меры, чем, скажем, за квартирную кражу. При этом только четверть опрошенных считают, что наказание в нашей стране достигает своих главных задач – восстановления справедливости и воспитания правонарушителя.

Вслед за многими авторами, например финским исследователем Лаппи-Сеппала, Маколи соглашается, что устрашение наказанием не приводит к желаемым результатам: «уровень преступности растет и падает в соответствии со своими законами и своей динамикой» и что «применение наказаний, в свою очередь, развивается и меняется в соответствии с собственной динамикой; обе системы довольно независимы друг от друга». При этом убедительных доказательств связи между уровнем преступности и жесткостью наказания никто еще не привел. Напротив, в книге Маколи есть отсылка к опыту ближайших соседей России. В виде двух графиков анализируется статистика по Скандинавии. После войны среди четырех стран Финляндия держала первое место по численности заключенных на 100 тысяч человек, более чем втрое опережая по этому показателю соседей. При этом число преступлений здесь было меньше, чем в Дании и Швеции. Затем государство стало проводить более мягкую политику по отношению к преступникам, и одновременно произошло сближение всех показателей. Число заключенных за это время во всей Скандинавии сравнялось, а количество преступлений теперь повсюду растет в схожих пропорциях; Финляндия вновь впереди лишь Норвегии.

Это напрямую касается и ситуации с несовершеннолетними, чьи преступления «могут затронуть систему ювенальной юстиции, но, воз-

можно, системы ювенальной юстиции имеют незначительное влияние на преступления несовершеннолетних» (Маколи цитирует статью из чикагского журнала «Crime and Justice»).

Вопрос об особых ювенальных судах, где работали бы специально подготовленные юристы и психологи, не раз возникает на страницах книги. Основным препятствием для развития такого типа юстиции в России становится, на взгляд автора, недостаток политической воли у власти, нежелание тех, кто властью обладает, проводить реальные реформы. Автор говорит об этом, отвечая на вопросы о том, «почему Россия сажает в тюрьму так много своих детей и как можно изменить существующую систему, чтобы за решетку попадало меньше молодых людей».

Одним из ответов на первый вопрос стала критика известной близорукости российской юстиции: среди причин такого равнодушия к детским судьбам называется «применение системы уголовного правосудия, ориентированной преимущественно на взрослых; системы, предусматривающей суровое наказание за преступления, которые в некоторых странах не считаются тяжкими, если их совершают дети, и, что наиболее важно, системы, которая опирается на заключение как санкцию».

Автор не рассматривает, правда, и еще одной составляющей ответа: в России просто слишком мало людей, особенно в руководстве страны, кто готов неформально думать о детях в заключении.

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 493301-4

«О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и статью 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Статья 1

Внести в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 2, ст. 198; 2001, № 11, ст. 1002; 2003, № 24, ст. 2250; № 50, ст. 4847) следующие изменения:

1) часть девятую статьи 74 изложить в следующей редакции:

«9. В воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях в соответствии со статьей 139 настоящего Кодекса.»;

2) часть первую статьи 132 дополнить предложением следующего содержания: «Лица, ранее отбывавшие наказание в местах лишения свободы, а также осужденные за совершение особо тяжких преступлений, содержатся отдельно от других осужденных.»;

3) в статье 139

а) часть первую изложить в следующей редакции:

«1. В целях закрепления результатов исправления, завершения среднего (полного) общего образования или профессиональной подготовки осужденные, достигшие возраста 18 лет, оставляются в воспитательной колонии до окончания срока наказания, но не более чем на шесть месяцев.»;

б) часть третью после слова «производится» дополнить словами «с их согласия»,

4) статью 140 изложить в следующей редакции:

«Статья 140. Перевод осужденных к лишению свободы из воспитательных колоний в исправительные колонии

1. Осужденные к лишению свободы, достигшие возраста 18 лет, переводятся для дальнейшего отбывания наказания воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима.

2. Перевод осужденного, достигшего возраста 18 лет, в исправительную колонию общего режима осуществляется по постановлению начальника воспитательной колонии».

Статья 2

В пункте 3 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 52, ст. 4921; 2003, № 27, ст. 2706, № 50, ст. 4847) слова «статьями 78 и 140» заменить словами «статья 78».

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к проекту Федерального закона № 493301-4 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и статью 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Целью настоящего законопроекта является гуманизация уголовно-исполнительного законодательства в отношении несовершеннолетних осужденных.

В соответствии со статьей 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до достижения ими возраста 21 года.

Остановление в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия, до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 21 года осуществляется в целях закрепления результатов исправления, завершения общего образования или профессиональной подготовки (ст. 139 УИК РФ).

С момента вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации количество осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, в возрасте от 18 до 21 года ежегодно возрастает. Так, в 1997 году их доля составляла 17,8%, в 2000-м – 10,7%, в 2003-м – 29,7%, а в 2007 году уже 32%. В отдельных воспитательных

колониях численность этой категории составляет до 50% от общей численности осужденных.

Данное положение дел не способствует успешной работе по исправлению осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, так как меняется типология данных учреждений из-за значительного возрастного разброса от 14 до 21 года. Это обстоятельство создает условия для притеснения взрослыми осужденными лиц младшего возраста, отрицательно влияет на результаты учебно-воспитательного процесса. Цель оставления в воспитательных колониях осужденных, достигших совершеннолетия, поставленная уголовно-исполнительным законодательством, в результате не достигается.

Анализ состояния преступности в воспитательных колониях показывает, что большая часть преступлений в период отбывания наказаний в виде лишения свободы совершается лицами в возрасте от 18 до 21 года или под их влиянием. С целью заработать ложный авторитет эта категория осужденных нарушает установленный порядок отбывания наказания и провоцирует осужденных на совершение противоправных действий.

Так, из 34 преступлений, допущенных в 2007 году в воспитательных колониях, 21 (две трети) приходится на долю совершеннолетних осужденных. В Костромской, Тюменской и ряде других воспитательных колоний каждое третье нарушение установленного порядка отбывания наказания допускается совершеннолетними осужденными.

Негативное влияние совершеннолетних осужденных на содержащихся в воспитательных колониях подростков дезорганизует нормальную деятельность учреждений, приводит к массовым неповиновениям. В результате массовых беспорядков, имевших место в Кировоградской воспитательной колонии (ГУФСИН России по Свердловской области) в октябре 2007 года, инициаторами которых являлись осужденные в возрасте 18 и более лет, погибли один сотрудник и два осужденных, колония полностью разгромлена, нанесен материальный ущерб государству в размере 26 млн. рублей.

Таким образом, приравнивание взрослых осужденных к несовершеннолетним ничем не оправдано и противоречит базовому принципу уголовно-исполнительного законодательства, устанавливающему раздельное содержание несовершеннолетних и взрослых осужденных (ст. 80 УИК РФ). На достигших совершеннолетия осужденных распространяются условия отбывания, нормы питания и материально-бытового обеспечения, установленные для несовершеннолетних. В то же время в соответствии со статьей 58 Уголовного кодекса Российской Федерации ли-

цам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, но достигшим к моменту вынесения судом приговора 18 лет, отбывание наказания в виде лишения свободы назначается судом в исправительном учреждении для взрослых. Получается, что судьбы осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, во многом зависят от оперативности работы следственных органов и судов. Следовательно, оставление в воспитательных колониях лиц в возрасте от 18 до 21 года нарушает принцип равенства граждан перед законом и судом.

Вместе с тем перевод из воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима осужденных, достигших возраста 18 лет, у которых заканчивается срок, является нецелесообразным. Поэтому предлагается установить, что осужденные, достигшие совершеннолетия, оставляются в воспитательных колониях, если не отбывший ими срок отбывания наказания составляет менее шести месяцев. В целях обеспечения их прав и законных интересов предусматривается, что оставление в воспитательных колониях осужденных, достигших совершеннолетия, производится с их согласия, как это предусмотрено в отношении лиц, оставляемых для отбывания наказания и следственных изоляторах (ст. 74, 77 УИК РФ).

Уголовным законодательством, которое является базовым для уголовно-исполнительного законодательства, предусмотрено направление осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в разные виды исправительных учреждений в зависимости от категории (тяжести) совершенных ими преступлений и рецидива преступлений (ст. 58 УК РФ). По общему правилу, установленному статьей 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, лица, впервые осужденные к лишению свободы, содержатся отдельно от осужденных, ранее отбывавших лишение свободы.

Вместе с тем после упразднения Федеральным законом от 9 марта 2001 года № 25-ФЗ воспитательных колоний усиленного режима осужденные, ранее отбывавшие лишение свободы, а также осужденные за совершение особо тяжких преступлений содержатся вместе с остальными осужденными, что также пагубно влияет на результаты учебно-воспитательного процесса и исправление осужденных.

Учитывая, что возврат к воспитательным колониям усиленного режима будет противоречить стратегическому курсу государства на гуманизацию системы исполнения наказаний, предлагается внести изменение в статью 132 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, предусматривающее отдельное содержание осужденных, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, а также осужденных за со-

вершение особо тяжких преступлений, тем самым привести ее в соответствие со статьей 58 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Это позволит в зависимости от имеющихся условий обеспечить отдельное содержание различных категорий несовершеннолетних, осужденных как в отдельных воспитательных колониях, так и в пределах одной воспитательной колонии при наличии возможности обеспечить их изоляцию друг от друга. При этом условия отбывания наказания для всех категорий несовершеннолетних осужденных останутся одинаковыми.

Положение о возможности создания в воспитательных колониях изолированных участков, функционирующих как исправительные колонии общего режима, для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет, введение которого было направлено прежде всего на решение производственных задач, также себя не оправдало.

За прошедшие годы оно так и не было реализовано на практике ни в одной воспитательной колонии, поскольку создание изолированного участка, отвечающего требованиям уголовно-исполнительного законодательства, равносильно строительству новой исправительной колонии. Поэтому законопроект предусматривает исключение указанного положения. Создание изолированных участков, функционирующих как исправительные колонии общего режима, нецелесообразно и потому, что законопроектом предусматривается оставлять осужденных совершеннолетних в воспитательных колониях не более чем на шесть месяцев.

Законопроектом устанавливается общее правило, в соответствии с которым в воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, которые по достижении возраста 18 лет переводятся в исправительную колонию общего режима постановлением начальника воспитательной колонии. Решения суда об изменении осужденному вида исправительного учреждения при этом не потребуются. В связи с этим в статью 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вносятся изменения, уточняющие перечень вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора и изменении вида исправительного учреждения.

Принятие проекта федерального закона № 493301-4 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и статью 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не повлечет дополнительных расходов из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, муниципальных бюджетов. Внесения изменений в другие законодательные акты также не потребуются.

Комментарии к законопроекту

Яков Гилинский: В Пояснительной записке к проекту ФЗ № 493301-4 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс РФ и ст. 397 УПК РФ» утверждается, что *целью* законопроекта является «гуманизация исполнительного законодательства в отношении несовершеннолетних осужденных».

Однако можно ли считать «гуманизацией» изменение ч. 1 ст. 139 УИК РФ, когда вместо существующей возможности для несовершеннолетнего оставаться в воспитательной колонии до 21 года (действующий закон) предлагается сократить возможность такого пребывания до 18 лет 6 месяцев?

И не является ли такая законодательная новелла попыткой задним числом легализовать складывающуюся в последнее время *практику* скорейшего перевода осужденных, достигших 18 лет, из воспитательной колонии в исправительную, когда осужденным оставалось до окончания отбытия срока наказания год и менее, что привело, в частности, к массовым протестным акциям в ряде воспитательных колоний в 2007–2008 гг. (в Тюменской, Свердловской, Самарской областях, Пермском крае, Колпинской воспитательной колонии Ленинградской области)?

Можно ли считать «гуманизацией» принятие решения о переводе осужденного из воспитательной колонии в исправительную не судом (действующий закон - п. 2 ст. 140 УИК), а начальником воспитательной колонии?

Предлагаемое изменение ст. 132 УИК не вызывает особых возражений.

Сергей Пашин: Думаю, данный законопроект не следует безоговорочно поддерживать, поскольку он направлен вовсе не на гуманизацию условий отбывания наказания в виде лишения свободы, а, на-

против, на отягчение участи молодых людей по достижении ими 18 лет. Ведь остаться в воспитательной колонии для завершения образования и профессиональной подготовки они смогут только на 6 месяцев, а не до достижения возраста 21 год. Перевод в колонию общего режима будет осуществляться автоматически, вне зависимости от отрицательной или положительной характеристики юноши (девушки), причем не судом, а начальником воспитательной колонии.

Единственно положительный момент в законопроекте – это идея отделения заключенных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, от прочих осужденных.

Виталий Лозовский: Этот законопроект находится вполне в рамках логики происходящего в России процесса законотворчества. Предлагается следующее новшество: «В целях закрепления результатов исправления, завершения среднего (полного) общего образования или профессиональной подготовки осужденные, достигшие возраста 18 лет, оставляются в воспитательной колонии до окончания срока наказания, но не более чем на шесть месяцев».

Гуманизация – это, конечно хорошо, но стоит разобраться, какова же вообще цель содержания несовершеннолетних отдельно. Кроме завершения образования, предполагается, что граждане, не достигшие 18 лет, требуют особого внимания в плане воспитания и изоляции от взрослых. Так надо понимать, что человека до восемнадцатилетнего возраста еще можно воспитывать или перевоспитывать. И чтобы этот процесс был контролируемым, нужно исключить возможное на него влияние «неисправимых» взрослых. Конечно, исходя из логики государства, все так – в 18 лет Родина уже с чистой совестью дает своим гражданам в руки оружие, учит и посылает их убивать своих врагов, не заботясь особо о воспитании, психологии и прочих аспектах. После ты сам себе доктор и твои проблемы касаются только тебя лично.

Средний возраст попадания на «малолетку» – 17 лет. Учитывая обычно еще и нахождение в СИЗО, срок пребывания в таком лагере исчисляется несколькими месяцами. Затем этапы – «поднятие на взрослый». Новый стресс и причем немалый. Новое окружение, новые правила. Что вынес человек за эти месяцы пребывания на «малолетке»? Да ничего. Он едва успел адаптироваться, прожил их в страхе перед грядущими переездами и снова вынужден адаптироваться.

Это еще можно понять, если сроки большие – 7–10 лет. Но и тогда не совсем понятно, зачем человека на такой короткий промежуток бросают в малолетку. Только ради завершения среднего образования?

Неполное среднее завершается в 15... Профессиональное? Сидеть еще ой сколько, все в этом ракурсе выглядит как-то весьма сомнительно. Условия для полного среднего и профессионального образования можно создать (а во многих местах они и так есть) и в обычном лагере. Для несовершеннолетних с заведомо большими сроками на первое время, до достижения ими совершеннолетия, можно создать отдельный отряд с обычными мерами внутрилагерной изоляции локальных территорий. И в плане влияния взрослого «неисправимого» контингента все не так однозначно: отношения между людьми на «взросляке» намного более гуманны и зрелы, чем отношения в среде несовершеннолетних, где обычно правит насилие, унижение, притеснение. Это вам скажет любой эзк, и мент, и психолог. Больше всего, например, «опускают» именно на «малолетке».

А если брать тех, у кого сроки поменьше – два, три, четыре года? Тогда такое новшество выглядит вообще крайне странно. «В целях закрепления результатов исправления» как раз их-то и нельзя никуда переводить. Иначе вся работа психологов, воспитателей просто пойдет насмарку, не говоря уж о моральных и физических страданиях, связанных с переводом. Что может психолог или воспитатель сделать за несколько месяцев?

Если уж говорить о гуманизации, то стоило бы, наоборот, дать право оставаться в колонии для несовершеннолетних, например, до 21 года – для тех, чей срок заведомо не затянется на более длительное время, а тех, у кого он явно больше, не терзать ненужными переводами и организовывать для них особые отряды в обычных лагерях. Таким образом, будут разделены контингенты, совершившие преступления разной степени тяжести, увеличатся возможности для воспитания и исправления, а также уменьшатся и без того немалые страдания еще почти детей.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания

Принят Государственной Думой 21 мая 2008 года

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона

1. Настоящий Федеральный закон устанавливает правовые основы участия общественных объединений в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания (далее также – общественный контроль), содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, в том числе в создании условий для их адаптации к жизни в обществе.

2. Настоящий Федеральный закон не умаляет права общественных объединений, общественных советов, органов и комиссий на осуществление общественного контроля в соответствии с иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Статья 2. Основные понятия

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

1) лица, находящиеся в местах принудительного содержания, – лица, подвергнутые административному задержанию и административному аресту; военнослужащие, подвергнутые дисциплинарному аресту; лица, задержанные по подозрению в совершении преступления и (или) обвиняемые в совершении преступления, к которым применена мера пресечения в виде заключения под стражу (далее – подозреваемые и (или) обвиняемые); осужденные к лишению свободы; несовершеннолетние, находящиеся в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – несовершеннолетние правонарушители); несовершеннолетние, находящиеся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа органов управления образованием (далее – учебно-воспитательные учреждения закрытого типа) и местах принудительного содержания;

2) места принудительного содержания – установленные законом места отбывания административного задержания и административного ареста; места отбывания дисциплинарного ареста; места содержа-

ния под стражей подозреваемых и обвиняемых (следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел и пограничных органов федеральной службы безопасности); учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы (далее – учреждения, исполняющие наказания); дисциплинарные воинские части, гауптвахты; центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел; учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

Статья 3. Правовое регулирование в области общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания

Правовое регулирование в области общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», Федеральным законом от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами.

Статья 4. Принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания

1. Общественный контроль и содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания, осуществляются на основе принципов добровольности, равноправия и законности.

2. При осуществлении общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, не допускается вмешательство в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и производство по делам об административных правонарушениях.

Статья 5. Субъекты осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания

1. Общественный контроль в соответствии с настоящим Федеральным законом осуществляют:

1) общественные наблюдательные комиссии, образуемые в субъектах Российской Федерации в порядке, установленном статьей 10 настоящего Федерального закона (далее – общественные наблюдательные комиссии);

2) члены общественных наблюдательных комиссий.

2. Содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания, в соответствии с настоящим Федеральным законом осуществляют общественные объединения.

Статья 6. Цели и задачи общественных наблюдательных комиссий

1. Общественные наблюдательные комиссии действуют на постоянной основе в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания.

2. В субъекте Российской Федерации образуется одна общественная наблюдательная комиссия, которая осуществляет свою деятельность в пределах территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

3. Основными задачами общественной наблюдательной комиссии являются:

1) осуществление общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, расположенных на территории субъекта Российской Федерации, в котором образована общественная наблюдательная комиссия;

2) подготовка решений в форме заключений, предложений и обращений (далее также – решения) по результатам осуществления общественного контроля;

3) содействие сотрудничеству общественных объединений, администраций мест принудительного содержания, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, осуществляющих в пределах территории субъекта Российской Федерации полномочия по обеспечению законных прав и свобод, а также условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

4. Общественные наблюдательные комиссии не являются юридическими лицами.

Статья 7. Состав общественной наблюдательной комиссии

Совет Общественной палаты Российской Федерации (далее – совет Общественной палаты) устанавливает для каждого субъекта Российской Федерации численность общественной наблюдательной комиссии, в составе которой не может быть менее пяти и более двадцати членов.

Статья 8. Регламент общественной наблюдательной комиссии

1. Регламент общественной наблюдательной комиссии утверждается на ее первом заседании.

2. Регламент общественной наблюдательной комиссии устанавливает порядок:

1) проведения заседаний общественной наблюдательной комиссии, их периодичность и правомочность;

2) подготовки и рассмотрения вопросов на заседании общественной наблюдательной комиссии;

3) принятия и оформления решений общественной наблюдательной комиссии;

4) осуществления иных форм деятельности общественной наблюдательной комиссии в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Статья 9. Обеспечение деятельности общественных наблюдательных комиссий

1. Общественное объединение, выдвинувшее в соответствии со статьей 10 настоящего Федерального закона кандидатуру в состав общественной наблюдательной комиссии, в случае назначения выдвинутого кандидата членом общественной наблюдательной комиссии возмещает расходы, связанные с осуществлением его полномочий, и оказывает содействие в материально-техническом и информационном обеспечении деятельности соответствующей общественной наблюдательной комиссии.

2. Обеспечение деятельности общественных наблюдательных комиссий может осуществляться также иными не запрещенными федеральными законами способами.

Статья 10. Порядок формирования общественных наблюдательных комиссий и наделения полномочиями членов общественных наблюдательных комиссий

1. Не позднее чем за 90 дней до истечения срока полномочий общественной наблюдательной комиссии, а также в случаях, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 11 настоящего Федерального закона, сек-

ретарь Общественной палаты Российской Федерации (далее – секретарь Общественной палаты) помещает в «Российской газете» и периодических печатных изданиях, учредителями (соучредителями) которых или учредителями (соучредителями) редакций которых являются органы государственной власти субъекта Российской Федерации, уведомление о начале процедуры выдвижения кандидатур в состав общественной наблюдательной комиссии нового состава (далее – уведомление).

2. Правом на выдвижение кандидатур в состав общественной наблюдательной комиссии обладает общероссийское, межрегиональное или региональное общественное объединение, имеющее государственную регистрацию, осуществляющее свою деятельность не менее пяти лет со дня его создания, уставной целью или направлением деятельности которого является защита или содействие защите прав и свобод человека и гражданина. Руководящий коллегиальный орган общественного объединения может выдвинуть не более двух кандидатур в состав общественной наблюдательной комиссии.

3. Не могут быть допущены к выдвижению кандидатур в состав общественной наблюдательной комиссии общественные объединения, которым в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» вынесено предупреждение в письменной форме о недопустимости осуществления экстремистской деятельности в течение одного года со дня вынесения предупреждения, если оно не было признано судом незаконным, а также общественные объединения, деятельность которых приостановлена в соответствии с указанным Федеральным законом, если решение о приостановлении не было признано судом незаконным.

4. Не позднее 60 дней со дня опубликования уведомления общественное объединение направляет секретарю Общественной палаты заявление о выдвижении кандидатуры в состав общественной наблюдательной комиссии. К заявлению должны быть приложены:

1) решение руководящего коллегиального органа общественного объединения;

2) нотариально заверенная копия документа, подтверждающего факт внесения записи об общественном объединении в единый государственный реестр юридических лиц;

3) устав общественного объединения;

4) информация о деятельности общественного объединения;

5) сведения о кандидате в члены общественной наблюдательной комиссии, подтверждающие соответствие кандидата требованиям, предусмотренным статьей 12 настоящего Федерального закона;

б) заявление кандидата в письменной форме, подтверждающее его желание войти в состав общественной наблюдательной комиссии.

5. Секретарь Общественной палаты вправе обратиться в соответствующие органы с представлением о проверке сведений о кандидате в члены общественной наблюдательной комиссии и выдвинувшем его общественном объединении, представленных в соответствии с настоящей статьей и статьей 12 настоящего Федерального закона. Указанные органы обязаны сообщить о результатах проверки в течение 10 дней.

6. Совет Общественной палаты рассматривает поступившие заявления не позднее 60 дней со дня опубликования уведомления и иные материалы, предусмотренные частью 4 настоящей статьи, и в срок, не превышающий 80 дней со дня опубликования уведомления, принимает решение о назначении члена общественной наблюдательной комиссии либо об отклонении предложенной кандидатуры. О результате рассмотрения заявления о выдвижении кандидатуры в состав общественной наблюдательной комиссии сообщается общественному объединению, выдвинувшему кандидатуру.

7. В течение 10 дней со дня принятия советом Общественной палаты решения о назначении члена общественной наблюдательной комиссии в порядке, определяемом советом Общественной палаты, члену общественной наблюдательной комиссии выдается мандат члена общественной наблюдательной комиссии. Образец указанного мандата утверждается советом Общественной палаты. В мандате указываются субъект Российской Федерации, в котором образуется общественная наблюдательная комиссия, и срок полномочий члена общественной наблюдательной комиссии. Мандат дает право члену общественной наблюдательной комиссии осуществлять свои полномочия на территории указанного субъекта Российской Федерации и в указанный период.

8. Секретарь Общественной палаты информирует руководителей федеральных органов исполнительной власти, в ведении которых находятся места принудительного содержания, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области государственной регистрации общественных объединений, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченного по правам человека в соответствующем субъекте Российской Федерации и общественную палату субъекта Российской Федерации о том, что общественная наблюдательная комиссия сформирована в правомочном составе, а также об изменениях в ее составе.

9. Общественная наблюдательная комиссия является сформированной в правомочном составе, если назначены не менее двух третей от

установленной в соответствии со статьей 7 настоящего Федерального закона ее численности. Заседание общественной наблюдательной комиссии является правомочным, если на нем присутствуют не менее половины от числа назначенных членов общественной наблюдательной комиссии.

10. В случае, если общественная наблюдательная комиссия не сформирована в правомочном составе, не менее трех руководящих коллегиальных органов общественных объединений, обладающих правом на выдвижение кандидатур в состав общественной наблюдательной комиссии, вправе обратиться к секретарю Общественной палаты с предложением о продолжении процедуры формирования общественной наблюдательной комиссии в соответствующем субъекте Российской Федерации. Указанное обращение является основанием для начала процедуры дополнительного выдвижения кандидатур в состав общественной наблюдательной комиссии, осуществляемой в порядке, установленном частями 1–8 настоящей статьи.

11. Срок полномочий общественной наблюдательной комиссии составляет два года.

12. Первое заседание общественной наблюдательной комиссии должно быть проведено не позднее 30 дней со дня, когда она была сформирована в правомочном составе. На первом заседании общественной наблюдательной комиссии утверждается ее регламент, избираются председатель комиссии и его заместитель (заместители).

13. Полномочия общественной наблюдательной комиссии прекращаются со дня первого заседания общественной наблюдательной комиссии нового состава, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 11 настоящего Федерального закона.

14. Член общественной наблюдательной комиссии наделяется полномочиями на срок полномочий общественной наблюдательной комиссии, в состав которой он входит.

15. Секретарь Общественной палаты в «Российской газете» и периодических печатных изданиях, учредителями (соучредителями) которых или учредителями (соучредителями) редакций которых являются органы государственной власти субъекта Российской Федерации, помещает:

1) сообщение о том, что общественная наблюдательная комиссия сформирована в правомочном составе;

2) сообщение о приостановлении либо прекращении деятельности состава общественной наблюдательной комиссии;

3) сведения о составе общественной наблюдательной комиссии и об изменениях в нем;

4) сведения о месте нахождения общественной наблюдательной комиссии.

Статья 11. Приостановление и прекращение деятельности состава общественной наблюдательной комиссии

1. Деятельность состава общественной наблюдательной комиссии приостанавливается советом Общественной палаты с момента утраты общественной наблюдательной комиссией правомочности, установленной частью 9 статьи 10 настоящего Федерального закона, а также по иным основаниям в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. В случаях неоднократных нарушений общественной наблюдательной комиссией Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, настоящего Федерального закона и иных федеральных законов либо систематического осуществления общественной наблюдательной комиссией деятельности, противоречащей ее целям, совет Общественной палаты по представлению прокурора соответствующего субъекта Российской Федерации вправе принять решение о прекращении деятельности состава общественной наблюдательной комиссии.

3. Деятельность состава общественной наблюдательной комиссии признается советом Общественной палаты прекращенной, если она не сформирована в правомочном составе в порядке, установленном частью 10 статьи 10 настоящего Федерального закона.

Статья 12. Члены общественных наблюдательных комиссий

1. Членом общественной наблюдательной комиссии может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 25 лет и имеющий опыт работы в области защиты прав граждан. Члены общественной наблюдательной комиссии осуществляют свою деятельность на общественных началах.

2. Членом общественной наблюдательной комиссии не может быть лицо, имеющее судимость либо признанное решением суда недееспособным или ограниченно дееспособным. Одно и то же лицо не может быть назначено членом общественной наблюдательной комиссии одного субъекта Российской Федерации более трех раз подряд.

3. Членами общественных наблюдательных комиссий не могут быть адвокаты, сотрудники органов прокуратуры, лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, должности федераль-

ной государственной службы, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации, должности муниципальной службы, а также лица, замещающие выборные должности в органах местного самоуправления.

Статья 13. Приостановление полномочий члена общественной наблюдательной комиссии

1. Полномочия члена общественной наблюдательной комиссии приостанавливаются при наличии одного из следующих оснований:

1) административное задержание члена общественной наблюдательной комиссии на срок более трех часов (в случае, если в отношении его ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, – на время административного задержания);

2) привлечение члена общественной наблюдательной комиссии в качестве подозреваемого или обвиняемого – с момента фактического задержания его в качестве лица, подозреваемого в совершении преступления, до прекращения уголовного преследования в отношении данного лица в связи с отсутствием состава преступления или непричастностью к совершению преступления либо до вступления в законную силу оправдательного приговора суда в его отношении;

3) назначение члену общественной наблюдательной комиссии административного наказания в виде административного ареста – на время административного ареста.

2. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 части 1 настоящей статьи, лицо, производящее дознание, или следователь направляет секретарю Общественной палаты и в соответствующую общественную наблюдательную комиссию уведомление о привлечении члена общественной наблюдательной комиссии в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Статья 14. Прекращение полномочий члена общественной наблюдательной комиссии

1. Полномочия члена общественной наблюдательной комиссии прекращаются при наличии одного из следующих оснований:

1) истечение срока полномочий общественной наблюдательной комиссии, в состав которой он входит;

2) возникновение основания, предусмотренного частью 3 статьи 12 настоящего Федерального закона;

3) обращение члена общественной наблюдательной комиссии к секретарю Общественной палаты с заявлением в письменной форме о выходе из состава общественной наблюдательной комиссии – со дня подачи заявления;

4) вступление в законную силу обвинительного приговора суда в отношении члена общественной наблюдательной комиссии либо судебного решения о применении к нему принудительных мер медицинского характера;

5) вступление в законную силу решения суда о признании члена общественной наблюдательной комиссии недееспособным или ограниченно дееспособным;

6) утрата членом общественной наблюдательной комиссии гражданства Российской Федерации либо приобретение гражданства иностранного государства;

7) вступление в законную силу решения суда о признании члена общественной наблюдательной комиссии безвестно отсутствующим;

8) смерть члена общественной наблюдательной комиссии или вступление в законную силу решения суда об объявлении его умершим;

9) решение руководящего коллегиального органа общественного объединения, выдвинувшего кандидатуру члена общественной наблюдательной комиссии, об отзыве указанного члена общественной наблюдательной комиссии в связи с ненадлежащим исполнением своих обязанностей;

10) ликвидация, а также реорганизация в форме разделения общественного объединения, выдвинувшего кандидатуру члена общественной наблюдательной комиссии;

11) прекращение деятельности состава общественной наблюдательной комиссии.

2. Общественная наблюдательная комиссия в течение трех дней информирует секретаря Общественной палаты о прекращении полномочий члена общественной наблюдательной комиссии и об основаниях досрочного прекращения полномочий, за исключением случая, предусмотренного пунктом 3 части 1 настоящей статьи.

Статья 15. Формы деятельности общественной наблюдательной комиссии

1. Основными формами деятельности общественной наблюдательной комиссии являются:

1) посещение мест принудительного содержания для осуществления общественного контроля в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами;

2) рассмотрение предложений, заявлений и жалоб лиц, находящихся в местах принудительного содержания, иных лиц, которым стало известно о нарушении прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания;

3) подготовка решений по результатам проведения общественного контроля. Решения общественной наблюдательной комиссии носят рекомендательный характер;

4) направление материалов по итогам осуществления общественного контроля Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченному по правам человека в соответствующем субъекте Российской Федерации, в Общественную палату Российской Федерации, общественную палату соответствующего субъекта Российской Федерации, общественные объединения, выдвинувшие кандидатов в члены общественной наблюдательной комиссии, средства массовой информации, соответствующие федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также в иные компетентные государственные органы или их должностным лицам;

5) взаимодействие по вопросам, относящимся к ее деятельности, с органами государственной власти Российской Федерации, государственными органами, не являющимися органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными лицами, Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации, Общественной палатой Российской Федерации, общественными палатами субъектов Российской Федерации, общественными объединениями, средствами массовой информации, общественными наблюдательными комиссиями, образованными в других субъектах Российской Федерации, и иными субъектами по своему усмотрению;

6) участие в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации в работе комиссий исправительных учреждений при решении вопросов о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие;

7) проведение мероприятий (общественных обсуждений, слушаний) по вопросам своей деятельности.

2. Руководители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации вправе привлекать общественную наблюдатель-

ную комиссию к участию в работе общественных советов, создаваемых при соответствующих органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, по вопросам, относящимся к деятельности общественной наблюдательной комиссии. В этом случае руководители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации обеспечивают участие членов общественной наблюдательной комиссии в работе указанных общественных советов.

3. Общественная наблюдательная комиссия для реализации целей и решения задач, определенных настоящим Федеральным законом, вправе участвовать в иной деятельности, не противоречащей настоящему Федеральному закону, иным федеральным законам.

4. О планируемых посещениях мест принудительного содержания общественная наблюдательная комиссия уведомляет соответствующий территориальный орган уголовно-исполнительной системы, орган внутренних дел, пограничный орган федеральной службы безопасности, орган управления образованием Российской Федерации, указывая намеченные к посещению места принудительного содержания и даты посещения, а также вправе уведомить прокурора соответствующего субъекта Российской Федерации, приравненных к нему военных прокуроров и прокуроров специализированных прокуратур (по предметам их ведения).

Статья 16. Полномочия членов общественной наблюдательной комиссии

1. Члены общественной наблюдательной комиссии при осуществлении общественного контроля вправе:

1) в составе не менее двух членов общественной наблюдательной комиссии без специального разрешения, в установленном соответствующим федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого находятся места принудительного содержания, порядке посещать места принудительного содержания при соблюдении установленных в них правил внутреннего распорядка. Члены общественной наблюдательной комиссии вправе посещать камеры, карцеры, стационарные отделения, прогулочные дворики, библиотеки, столовые, штрафные и дисциплинарные изоляторы, одиночные камеры, помещения для обеспечения личной безопасности осужденных, иные помещения мест принудительного содержания, за исключением объектов и сооружений, обеспечивающих безопасность и охрану осужденных, на посещение которых необходимо согласие начальников соответствующих мест принудительного содержания;

2) беседовать с лицами, подвергнутыми административному задержанию и административному аресту, военнослужащими, подвергнутыми дисциплинарному аресту, осужденными к лишению свободы, несовершеннолетними правонарушителями, несовершеннолетними, находящимися в учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа и местах принудительного содержания, в условиях и порядке, которые установлены уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, иными федеральными законами, нормативными правовыми актами Российской Федерации;

3) беседовать с подозреваемыми и (или) обвиняемыми, содержащимися под стражей, по вопросам обеспечения их прав в местах принудительного содержания в условиях, позволяющих представителю администрации соответствующего места принудительного содержания видеть их и слышать, и в порядке, установленном уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, иными федеральными законами, нормативными правовыми актами Российской Федерации;

4) в соответствии с законодательством Российской Федерации принимать и рассматривать предложения, заявления и жалобы лиц, находящихся в местах принудительного содержания, иных лиц, которым стало известно о нарушении прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания;

5) в установленном законодательством Российской Федерации порядке запрашивать у администраций мест принудительного содержания и получать от них сведения и документы, необходимые для проведения общественного контроля и подготовки заключений, предложений или обращений общественной наблюдательной комиссии;

6) обращаться к должностным лицам администраций мест принудительного содержания, органов прокуратуры, органов внутренних дел, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов Министерства обороны Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов управления образованием Российской Федерации по вопросам обеспечения прав человека в местах принудительного содержания.

2. При осуществлении своих полномочий члены общественной наблюдательной комиссии обязаны соблюдать положения нормативных правовых актов, регулирующих работу мест принудительного содержания, а также подчиняться законным требованиям администраций мест принудительного содержания. Проведение общественного контроля не должно создавать препятствий осуществлению процессуальных действий.

3. В период действия режима особых условий в местах принудительного содержания полномочия членов общественной наблюдательной комиссии посещать указанные места осуществляются с согласия руководителя федерального или соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы, органа внутренних дел, пограничного органа федеральной службы безопасности, органа управления образованием Российской Федерации.

4. Члены общественной наблюдательной комиссии для реализации целей и решения задач, определенных настоящим Федеральным законом, вправе участвовать в иной деятельности, не противоречащей настоящему Федеральному закону, иным нормативным правовым актам Российской Федерации.

Статья 17. Ограничения деятельности члена общественной наблюдательной комиссии

1. Член общественной наблюдательной комиссии не вправе осуществлять общественный контроль в месте принудительного содержания в случае, если там содержится его близкий родственник (супруг (супруга), родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки), а также в случае, если член общественной наблюдательной комиссии является потерпевшим, свидетелем, защитником или иным лицом, участвующим в производстве по уголовному делу, к которому причастно лицо, находящееся в месте принудительного содержания.

2. При наличии обстоятельств, указанных в части 1 настоящей статьи, начальник места принудительного содержания вправе в соответствии со своим приказом или распоряжением не допустить члена общественной наблюдательной комиссии в место принудительного содержания. Указанные приказ или распоряжение могут быть обжалованы членом общественной наблюдательной комиссии в вышестоящий орган либо в суд.

3. Член общественной наблюдательной комиссии не вправе получать материальное вознаграждение за свою деятельность по осуществлению общественного контроля.

Статья 18. Обеспечение безопасности членов общественной наблюдательной комиссии

Администрация места принудительного содержания обеспечивает безопасность членов общественной наблюдательной комиссии и организует их сопровождение при посещении ими мест принудительного содержания.

Статья 19. Порядок рассмотрения заключений, предложений и обращений общественной наблюдательной комиссии государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами

Государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица рассматривают направленные в их адрес заключения, предложения и обращения общественной наблюдательной комиссии и информируют ее о результатах рассмотрения указанных заключений, предложений и обращений в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Статья 20. Недопустимость разглашения членами общественной наблюдательной комиссии данных предварительного расследования

1. Член общественной наблюдательной комиссии не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными при осуществлении своих полномочий, за исключением случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

2. Лицо, производящее дознание, или следователь в необходимых случаях предупреждает члена общественной наблюдательной комиссии о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, ставших ему известными при осуществлении своих полномочий, о чем у члена общественной наблюдательной комиссии берется подписка о предупреждении об уголовной ответственности в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Статья 21. Порядок оказания содействия общественных объединений лицам, находящимся в местах принудительного содержания

1. Общественные объединения оказывают содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания, в вопросах обеспечения благоприятных условий их содержания, создания условий для их адаптации к жизни в обществе. Общественные объединения оказывают содействие администрации учреждения, исполняющего наказания, в целях исправления осужденных к лишению свободы. Указанное содействие осуществляется в формах и порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

2. Для оказания содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, общественные объединения обязаны согласовывать с администрациями мест принудительного содержания пла-

нируемые мероприятия, сроки их проведения и указывать персональные данные (фамилия, имя, отчество) участвующих в них представителей общественных объединений.

Статья 22. Формы содействия общественных объединений лицам, находящимся в местах принудительного содержания

1. Основными формами содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, являются:

1) участие в решении вопросов их трудового, жилищно-бытового устройства, медицинского обслуживания и социального обеспечения;

2) участие в обустройстве лиц, находящихся на иждивении подвергнутых административному аресту, подозреваемых и (или) обвиняемых, осужденных к лишению свободы, в случаях, если указанных лиц необходимо поместить в медицинские учреждения или учреждения социального обслуживания либо они нуждаются в постороннем уходе;

3) участие в обеспечении их свободы совести и вероисповедания;

4) оказание содействия администрации места принудительного содержания в создании новых рабочих мест для осужденных к лишению свободы, размещении производственных заказов в исправительных учреждениях и на их предприятиях;

5) оказание помощи администрации места принудительного содержания в получении лицами, находящимися в местах принудительного содержания, общего образования, профессиональной подготовки, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования;

6) оказание помощи администрации воспитательной колонии в организации учебно-воспитательного процесса;

7) оказание помощи администрации места принудительного содержания в организации досуга осужденных к лишению свободы, несовершеннолетних правонарушителей (организация концертов, выставок, лекций, просмотров кино- и видеофильмов, других культурных и просветительских мероприятий), проведении мероприятий по правовому просвещению осужденных к лишению свободы, несовершеннолетних правонарушителей;

8) оказание содействия администрации места принудительного содержания в улучшении библиотечного обслуживания подозреваемых и (или) обвиняемых, осужденных к лишению свободы, несовершеннолетних правонарушителей, организации их подписки на газеты и журналы, оборудовании спортивных площадок в учреждениях, исполняющих наказания, обеспечении их спортивным оборудованием и инвентарем;

9) оказание помощи психологической службе учреждения, исполняющего наказание;

10) участие в обучении осужденных к лишению свободы методам профилактики опасных инфекционных заболеваний;

11) участие в проведении мероприятий по пропаганде законопослушного поведения, здорового образа жизни, поддержанию и укреплению социально полезных связей осужденных к лишению свободы, несовершеннолетних правонарушителей;

12) участие в работе попечительских советов воспитательных колоний;

13) оказание содействия в поддержании и укреплении связей между осужденными к лишению свободы, несовершеннолетними правонарушителями и их семьями, налаживании контактов с лицами и организациями, находящимися за пределами мест принудительного содержания;

14) оказание содействия в обеспечении деятельности соответствующих общественных наблюдательных комиссий;

15) оказание материальной поддержки местам принудительного содержания в целях укрепления их материально-технической базы;

16) иные формы содействия.

2. Общественное объединение может участвовать в иной деятельности, направленной на улучшение функционирования мест принудительного содержания, не противоречащей настоящему Федеральному закону, иным нормативным правовым актам Российской Федерации.

Статья 23. Оказание общественными объединениями материальной поддержки местам принудительного содержания

1. Общественные объединения могут оказывать материальную поддержку местам принудительного содержания в порядке, установленном настоящей статьей и нормативными правовыми актами Российской Федерации.

2. Общественные объединения при оказании материальной поддержки местам принудительного содержания вправе определять цель использования предоставляемых ими денежных или иных материальных средств. В этом случае общественное объединение заключает с администрацией места принудительного содержания соответствующие договоры.

3. Общественные объединения, оказавшие материальную поддержку в порядке, установленном частью 2 настоящей статьи, вправе получить информацию об использовании денежных или иных материальных средств не позднее 30 дней со дня получения администрацией места принудительного содержания просьбы о предоставлении соответствующей информации.

4. В случае нецелевого использования средств материальной поддержки общественное объединение извещает об этом соответствующий федеральный орган исполнительной власти, в ведении которого находится место принудительного содержания. Указанный федеральный орган исполнительной власти проводит проверку и информирует общественное объединение о результатах проверки и принятых мерах.

Статья 24. Ответственность члена общественной наблюдательной комиссии при осуществлении общественного контроля. Ответственность за воспрепятствование осуществлению общественного контроля

1. Нарушение членом общественной наблюдательной комиссии требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов по вопросам исполнения наказаний, а также неисполнение законных требований администрации места принудительного содержания влекут ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

2. Разглашение данных предварительного расследования, ставших известными члену общественной наблюдательной комиссии при осуществлении своих полномочий, предупрежденному в порядке, установленном частью 2 статьи 20 настоящего Федерального закона, влечет уголовную ответственность.

3. Воспрепятствование осуществлению общественного контроля влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 25. Надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации субъектами осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания

Надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации субъектами осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, осуществляет прокуратура Российской Федерации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 26. Заключительные положения

1. В течение 30 дней со дня вступления в силу настоящего Федерального закона секретарь Общественной палаты помещает в «Российской газете» и периодических печатных изданиях, учредителями

(соучредителями) которых или учредителями (соучредителями) редакций которых являются органы государственной власти субъекта Российской Федерации, информацию о начале процедуры выдвижения кандидатур членов общественных наблюдательных комиссий. Дальнейшая процедура формирования состава общественных наблюдательных комиссий осуществляется в соответствии со статьей 10 настоящего Федерального закона.

2. В течение 90 дней со дня вступления в силу настоящего Федерального закона федеральные органы исполнительной власти, в ведении которых находятся места принудительного содержания, определяют порядок их посещения членами общественных наблюдательных комиссий.

Статья 27. Вступление в силу настоящего Федерального закона
Настоящий Федеральный закон вступает в силу с 1 сентября 2008 года.

Президент
Российской Федерации

Д. Медведев

Законный контроль

Собственно, в самой идее общественного контроля за местами принудительного содержания нет ничего нового. Фактически он восстанавливает и развивает с учетом современных потребностей и современного состояния общества то, что уже существовало и во времена царской России, и во времена советской власти. Так, еще в 1819 году под покровительством Александра I было создано Общество попечения о тюрьмах, а с 1822 года по всей России стали действовать местные комитеты Общества. «Общество имело ближайший надзор за заключенными, за размещением их по роду преступлений, за наставлением их в правилах благочестия и доброй нравственности, за занятиями арестованных; от него зависело наложение дисциплинарных взысканий», – отмечал известный ученый Н.С. Таганцев в своих лекциях по русскому уголовному праву. Необходимо сказать, что среди членов Общества попечения о тюрьмах были не только известные ученые, промышленники и т. д., но и члены императорской фамилии.

Исправительно-трудовое законодательство СССР также включало в себя институт общественного контроля в виде наблюдательных комиссий, создаваемых при местных Советах. Члены наблюдательных комиссий имели право посещать места лишения свободы, принимать участие в различных мероприятиях, проверять в некоторой степени работу администраций, участвовать в решении вопросов, связанных с переводом осужденных на другие виды режима, условно-досрочным освобождением, предоставлением права передвижения без конвоя и т. д. Например, без согласования с наблюдательной комиссией осужденный не мог быть переведен в ПКТ и т. д.

Конечно, во многих случаях работа наблюдательных комиссий носила формальный характер, но не везде и не всегда. Из своей практики я помню, что члены наблюдательных комиссий не всегда соглашались с

мнением администрации о переводе, например, некоторых осужденных на тюремный режим или в ПКТ. Так что работа наблюдательных комиссий в первую очередь зависела от того, кто в нее входил. Если там собирались люди, действительно интересующиеся жизнью заключенных, соблюдением их прав, закрепленных в ИТК РСФСР, старающиеся помогать администрации в решении целого ряда проблем, то и работа такой комиссии носила весьма позитивный характер.

Нынешний Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» направлен на преодоление закрытости мест, где содержатся заключенные, исходит из необходимости, как уже отмечалось выше, восстановить и развить в условиях современного права и с учетом современных потребностей сложившиеся в России еще в начале XIX века различные формы общественного контроля и попечения над тюрьмами, которые имели в Российской империи государственную поддержку.

После вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в сфере осуществления контроля за местами принудительного содержания со стороны общества возник правовой вакуум. Частью первой статьи 23 УИК РФ предусмотрено содействие общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания. Согласно части второй этой статьи, общественные объединения могут осуществлять контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, «на основании и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Соответствующая норма содержится и в Законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», статья 38 которого устанавливает, что «общественные организации контролируют деятельность учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов в пределах и порядке, установленных законодательством Российской Федерации». Таким образом, указанные положения предлагают законодательно урегулировать общественный контроль не только за деятельностью уголовно-исполнительной системы, но и за следственными изоляторами. Но для возможности осуществления общественного контроля за учреждениями уголовно-исполнительной системы необходимо было принятие специального федерального закона, регулирующего данные правоотношения.

Некоторые ведомства, в том числе и ФСИН России, самостоятельно пытались организовать взаимодействие с различными неправительственными организациями с целью привлечения общественности к

участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах, а также сотрудников, работников и ветеранов УИС.

И, надо сказать, это удалось сделать. В начале февраля 2007 года состоялось первое – организационное – заседание Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы России. Этот Совет был создан в соответствии с Указом Президента РФ от 4 августа 2006 года № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах». В его составе присутствуют члены Общественной палаты РФ, известные ученые и журналисты, руководители крупнейших российских благотворительных фондов и общественных организаций, представители адвокатского сообщества и Православной Церкви, другие известные на всю страну лица. Но еще до создания Общественного совета ФСИН России тесно сотрудничал с сотнями различных неправительственных организаций. Так, только в 2007 году в учреждениях УИС зафиксировано более 50 тысяч посещений представителями общественных и правозащитных организаций, различных религиозных конфессий, средств массовой информации. Только представители различных зарубежных миссий в том же 2007 году посещали российские СИЗО и колонии более двухсот раз.

В настоящее время при всех территориальных органах УИС созданы и активно функционируют региональные общественные советы, сформированные из достойных и авторитетных представителей различных институтов гражданского общества.

Не приходится говорить о «закрытости» учреждений уголовно-исполнительной системы и для средств массовой информации. Как отмечал в одном из своих выступлений заместитель директора ФСИН России В.И. Семенюк, «и дня не проходит, чтобы в каком-нибудь учреждении не побывали бы либо представители общественности, либо сотрудники газет, журналов, телевидения и т. д.».

Таким образом, утверждения отдельных лиц о том, что ФСИН России категорически отказывается от сотрудничества с неправительственными организациями, совершенно лишены оснований.

Принятый Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» устанавливает, что общественный контроль не должен быть

ограничен только следственными изоляторами и учреждениями уголовно-исполнительной системы. Безусловное соблюдение прав человека необходимо в отношении всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Поэтому закон предусматривает осуществление общественного контроля не только в уголовно-исполнительной системе, но также и в определенных законом местах административного или дисциплинарного задержания и ареста, ИВС, центрах временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей, учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа, дисциплинарных воинских частях и гауптвахтах.

Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» содержит определение основных понятий, используемых в тексте закона, определяет цели и принципы общественного контроля, осуществляемого наблюдательными комиссиями, и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, со стороны общественных объединений.

Субъектами общественного контроля признаются общественные наблюдательные комиссии, члены которых выдвигаются имеющими государственную регистрацию общественными объединениями, осуществляющими свою деятельность не менее 5 лет с момента создания. Кандидатуры членов общественных наблюдательных комиссий утверждаются советом Общественной палаты. В качестве субъектов содействия общественных объединений лицам, находящимся в местах принудительного содержания, выступают зарегистрированные общественные объединения.

Включение Общественной палаты в процесс утверждения общественных инспекторов представляется необходимым в связи с тем, что стихийный контроль со стороны общественных объединений вряд ли может быть эффективным. Закон исходит из необходимости разрешительного порядка доступа общественных объединений к общественному контролю. Это объясняется недопустимостью дезорганизации деятельности мест принудительного содержания и необходимостью отбора общественных объединений не по формальным, а по качественным показателям.

Далее в законе определен порядок наделения членов общественных наблюдательных комиссий полномочиями, их приостановление и прекращение.

Статьи 13–17 закона регулирует формы деятельности общественных наблюдательных комиссий, порядок осуществления общественного контроля, полномочия членов общественных наблюдательных

комиссий. Определяются принципы организации общественного контроля, порядок согласования плана мероприятий общественного контроля. Установлены полномочия и основания для ограничения деятельности членов общественных наблюдательных комиссий, порядок принятия мер по результатам мероприятий общественного контроля.

В статьях 22 и 23 урегулирован порядок и формы содействия общественных объединений лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также оказания материальной поддержки местам принудительного содержания со стороны общественных объединений.

Ответственность членов общественных наблюдательных комиссий, гарантии осуществления общественного контроля, в том числе порядок осуществления надзора за деятельностью субъектов осуществления контроля и содействия общественных объединений, определяются в статьях 24 и 25.

Статьей 27 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» предусмотрено, что он вступает в силу с 1 сентября 2008 года.

В целом Закон «Об общественном контроле...» является сбалансированным документом, учитывает интересы всех заинтересованных органов, лиц и слоев общества. В то же время, в ряде его положений имеются, как мне кажется, существенные недостатки.

Так, например, в Минимальных стандартных правилах ООН обращения с заключенными имеется упоминание о «незапятнанной репутации». В разделе «Контакты с внешним миром» сказано, что «заключенным следует давать возможность обращаться через регулярные промежутки с их семьями или пользующимися незапятнанной репутацией друзьями, как в порядке переписки, так и в ходе посещения». Думается, что понятие «незапятнанная репутация» к лицам, претендующим стать общественными контролерами, должно относиться в еще большей степени, чем к «друзьям», о которых речь идет в МСП ООН. В статье 14 закона имеется перечень оснований, при которых деятельность членов общественных наблюдательных комиссий прекращается. Среди этих оснований почему-то отсутствует административный арест. Например, человек был осужден к 10 суткам ареста за хулиганство или за другое административное правонарушение. Как у него в этом случае обстоят дела с «незапятнанной репутацией»? Имеет ли он моральное право осуществлять какой бы то ни было контроль за тем изолятором временного содержания, в котором он отбывал свой арест, или за любым другим местом принудительного содержания?

Или, например, в части второй статьи 12 сказано, что общественным контролером не может быть лицо, имеющее судимость. Было бы, как мне кажется, правильно добавить положение и о том, что не может быть членом общественной наблюдательной комиссии лицо, близкие родственники которого содержатся в местах лишения свободы. Понятно же, что такой член общественной наблюдательной комиссии будет либо необъективен при посещении того места лишения свободы, где содержится его родственник, либо попытается, пользуясь своим положением, каким-то образом улучшить положение своего родственника. Закон же в этом случае (и ряде других) только предусматривает временное ограничение деятельности такого члена общественной наблюдательной комиссии (статья 17).

Тем не менее, несмотря на имеющиеся отдельные недостатки, Федеральный закон «Об общественном контроле...», с моей точки зрения, вполне работоспособен и будет способствовать дальнейшей гуманизации мест принудительного содержания и соблюдению законных прав и свобод содержащихся в них лиц.

Мы подумали, и я решил...

Передо мной два новых закона. Первый – это принятый уже Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Само название уже вселяет оптимизм. И самый первый пункт торжественно заявляет: «Настоящий Федеральный закон устанавливает правовые основы участия общественных объединений в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, в том числе в создании условий для их адаптации к жизни в обществе».

Неплохо для начала. Только при дальнейшем изучении возникает одно большое «но» – множественное число в сочетании «общественные объединения» весьма условно. На практике закон предусматривает только одну организацию для контроля – общественную наблюдательную комиссию (ОНК). Она – единственный монополист, а остальные могут только содействовать. Содействовать администрации в улучшении библиотечного обслуживания, организации досуга, проведении мероприятий по пропаганде законопослушного поведения и здорового образа жизни(!), создании рабочих мест, участвовать в решении вопросов трудового, жилищно-бытового устройства, медицинского обслуживания и социального обеспечения, а также (не забыли главное-то!) оказывать материальную поддержку местам принудительного содержания.

Казалось бы, в чем вопрос – эта самая комиссия будет состоять из делегируемых туда членов разнообразных общественных организаций, которым будут предоставлены права в области контроля над службой исполнения наказаний.

Но уже сами критерии требований к организациям, которые могли бы выдвигать кандидатов в состав ОНК, весьма сомнительны и подозри-

тельны: «Правом на выдвижение кандидатур в состав общественной наблюдательной комиссии обладает общероссийское, межрегиональное или региональное общественное объединение, имеющее государственную регистрацию, осуществляющее свою деятельность не менее пяти лет со дня его создания, уставной целью или направлением деятельности которого является защита или содействие защите прав и свобод человека и гражданина». Таким образом, если вы вдруг озаботились состоянием дел в области прав человека, то вначале вам придется пять лет это доказывать. И если вы озаботились этим вопросом после прямого контакта с системой исполнения наказаний – а зачастую ведь именно так и происходит, – то вам придется еще и ждать погашения судимости, потому что, согласно настоящему закону, «таких не берут в космонавты».

Но это не самое главное – нас ожидает еще один сюрприз. Хотя это уже давно не сюрприз, конечно. Состав общественной наблюдательной комиссии всецело зависит от Общественной палаты РФ, а Общественная палата, как известно, зависит от Президента, а Президент от... Бог его знает, от чего зависит Президент...

Общественная наблюдательная комиссия, ОНК – это по сути продолжение Общественной палаты, один из ее «метастазов» в общество. Общественная палата определяет количество членов общественной наблюдательной комиссии для каждого субъекта Федерации (от 5 до 20), она же отбирает из поданных общественными организациями кандидатур *достойных*. Критерии достойности при этом не оглашаются. Все полностью отдано на усмотрение Общественной палаты, в зависимость от личных взглядов, симпатий, принципов, мировоззрения нескольких людей. А когда нет критериев отбора, то, естественно, невозможно даже обжаловать решение и как-то доказать, что у тебя тоже есть основания на свое мнение. К чему и к кому апеллировать? Мы – Общественная палата, мы – верховный орган общественного мнения. Да, все бы было, может, и не так плохо, а может, и даже очень хорошо, будь ОНК *одной из* контролирующих структур, а не монопольным контролером прав арестантов.

Кроме того, закон предоставляет целый набор инструментов для осуществления возможных манипуляций с составом нового органа. Исходя из его буквы, Палата сама определит количество членов общественной наблюдательной комиссии для региона, например, учитывая количество лояльных и ручных организаций, а для остальных места просто не окажется. А если учесть, что каждая из претендующих на вхождение в комиссию организаций может выставить две кандидатуры, то это дает еще большее пространство для манипуляций и отвода неудобных кандида-

тур. Ведь никакого регламента – два, один, ни одного, поровну, пропорционально, либо как-то иначе – не предусмотрено.

Таким образом, ОНК становится или может стать инструментом для создания видимости поддержки массами «генеральной линии партии и правительства», то есть для введения в заблуждение мирового сообщества, для приобретения благообразного вида в глазах собственного народа, оправдания своих действий, для пропаганды и промывания мозгов. О том, что это не лишены всякого основания фантазии, говорит не так уж далеко ушедшая в прошлое наша история – когда «единодушно» и с «праведным гневом» происходили осуждения врагов народа, космополитов и прочих, посмевших оказаться в меньшинстве. Не говоря уже о тех, кто попал в жернова системы только потому, что оказался не в том месте и не в то время.

Для тех, кто еще не понял, зачем и почему создается такая организация, пункт 6.1 уточняет: «Общественные наблюдательные комиссии действуют... в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания». А что делать, если вдруг политика государства окажется, так сказать, в некотором расхождении с критериями человечности, чему примеров не так и мало и в сегодняшнем мире, и в не таком уж далеком прошлом? Авторы закона, видимо, не сочли нужным вспомнить, что целью общественных организаций как инструментов гражданского общества является не реализация государственной политики, но, напротив, контроль, и не только за осуществлением государством такой политики в рамках существующего правового поля, но и за соответствием его политики направлению развития и требованиям самого общества. Таким образом, налицо подмена понятий, когда орган, декларируемый как институт гражданского общества, по всей видимости, станет не более чем еще одним удобным инструментом государства, исполнителем его воли, одновременно создающим иллюзию народного контроля.

Пункт 11.2: «В случаях... систематического осуществления общественной наблюдательной комиссией деятельности, противоречащей ее целям (цели смотрите выше. – *В.Л.*), совет Общественной палаты по представлению прокурора соответствующего субъекта Российской Федерации вправе принять решение о прекращении деятельности состава общественной наблюдательной комиссии».

Все просто, коротко и ясно. Либо так, либо никак. Иных представлений о свободе и правах человека, кроме совпадающих с линией правительства, быть не может. Господа прокуроры проследят за этим ис-

правно, а та же Общественная палата примет решение, которое опять же ничем не регламентируется и, значит, нигде обжаловано быть не может по определению.

Есть и другие сомнительные места – как, например, то, что разговор обвиняемого и правозащитника должен быть виден и слышен представителю администрации. Многие ли смогут что-то сказать, когда рядом стоит тот, защиты от кого ты и желал бы просить? Если уж в состав комиссии избирают только *достойных*, то почему же им тогда не доверяют разговор один на один с заключенным? И если уж они достойны и правильны, то почему должны заблаговременно уведомлять о посещениях мест принудительного содержания вышестоящее руководство таких заведений? Какова эффективность такой проверки, когда все о ней знают?

Хотелось найти в этом законе что-то положительное, новое. Чтобы не все так вот хаять. Но, по сути, в нем ничего нет, кроме разделения правозащитников на тех, кто может «контролировать», и тех, кто может только содействовать. И каким образом контролировать контролирующего, если вдруг не сработает изначальный механизм допуска в контролирующие только «достойных»?

Механизмов воздействия (кроме как довести до сведения государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц свои «заклучения, предложения и обращения») – нет, как нет их, впрочем, и у самой Общественной палаты. В общем, понять это можно – не создавать же второй парламент или правительство. Но тем не менее комиссия получается совсем уж беззубая.

Конечно, выстраиваемая система общественного контроля, начинающаяся с Общественной палаты РФ и далее разветвляющаяся по отраслям общественной жизни, должна была бы вызывать восхищение и умиление. Это так грандиозно, это так прогрессивно – участие общества в управлении государством! Но как-то все это при этом так знакомо. Навязчивое чувство дежавю.

Подводя итог, вынужден признать, к сожалению, что этот закон вряд ли сможет хоть сколько-нибудь эффективно способствовать превращению системы исполнения наказаний в систему перевоспитания и помощи оступившемуся. Еще раз убеждаюсь в том, что не получится вылечить ветви дерева, у которого больны корни. Здесь мы видим не стремление к поиску и искоренению причин и даже не попытку лечения симптомов и следствий, но всего лишь потуги окрасить ветви в подобающие цвета. Государство не знает, как лечить проблему, но

вместо поиска способов помочь ее решить, напротив, ограничивает доступ и к своим ушам, и к местам заключения. Впрочем, это обычное положение в обществах, где по тем или иным причинам довольно невысок процент тех, кто способен не согласиться с мнением так называемого «большинства», от лица которого говорит государство; где удобнее и спокойнее промолчать, а еще лучше – верить всем сердцем в декларируемое движение к светлому будущему. Тогда ведь есть шанс провести свою жизнь в блаженном самоуспокоении. Не замечать того, что не следует, нас учат еще в детстве. Тем, кто не согласен обманываться, довольно эффективно показывают, чем чревато такое несогласие. В результате получаем усредненные (так и просится – усеченные) личности, из которых формируется послушное общество, вполне способное на жизнерадостное «одобрямс», но вряд ли способное устранить причину проблем.

ВСЕ О ЖИЗНИ В ТЮРЬМЕ

Авторские материалы Виталия Лозовского
и не только ...

Сайт «Все о жизни в тюрьме» на www.tyurem.net был создан всего три месяца назад на основе интернет-рассылок Виталия Лозовского «Как выжить и провести время с пользой в тюрьме», «Жизнь и психология тюрьмы» и «Взгляд из тюрьмы». Первая состояла из воспоминаний самого автора о недавней трехлетней отсидке в тюрьмах и зонах России и Украины, во второй публиковались материалы о жизни в неволе других авторов (А. Кудин, А. Павлов, С. Параджанов, О. Уайльд, В. Майер, Э. Зейналов). Третья была составлена из писем автору и ответов на них. Сейчас появилась еще и четвертая тема – «История пыток, тюрем, казней и наказаний». Сайт постоянно обновляется авторскими материалами Виталия Лозовского, подключаются и другие авторы.

Также на сайте представлен, с разрешения авторов, ряд книг: «Должно было быть не так» Алексея Павлова о его опыте пребывания в Матросской Тишине, Бутырке, Серпах, «И возвращается ветер...» В. Буковского, «Отсюда не выходят» Эльдара Зейналова о смертниках. Библиотека постоянно пополняется. Есть советы родственникам заключенных, анекдоты.

Кстати, сайт открыт и для других авторов, готовым рассказать о жизни в тюрьме. Для вас может быть создан даже отдельный сайт, как, например, <http://zhiganets.tyurem.net>, где представлен проект известного журналиста, исследователя блатного жаргона и истории уголовного мира Александра Сидорова «Зона Фимы Жиганца».

Особо хотелось бы отметить форум, где народ делится своим опытом, отвечает на самые разнообразные вопросы, спорит. Здесь вы встретите и представителей УИНа, и правоохранительных органов, и бывших арестантов, и писателей, и просто любопытных и не равнодушных к данному вопросу граждан.

Хотелось бы обратить внимание также правозащитных организаций, адвокатов, юристов: для ваших проектов могут быть созданы отдельные субдомены, на которых вы сможете разместить свои сайты. Ваши статьи могут быть размещены и на основном сайте с тем, чтобы в целом мы получили реальный, полноценный портал, который будет в состоянии помочь нашим гражданам, а также поднять больные вопросы сегодняшней пенитенциарной и правоохранительной систем.

Олег Аронсон

Язык чувства и язык права

Поводом для этих заметок послужило уголовное дело, заведенное на кураторов выставки «Запретное искусство – 2006» Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева. Нельзя сказать, что это дело в чем-то необычное. Как раз напротив, подобные «дела» стали уже привычными. Достаточно вспомнить и процесс по поводу выставки «Осторожно, религия!», и судебное преследование за карикатуры на президента, ну и конечно обвинения писателей (от Флобера до Сорокина и Баяна Ширянова) в порнографии. Кроме того, хорошо известны также судебные разбирательства, касающиеся отдельных произведений современного искусства на Западе. Особенностью данного дела является то, что Ю. Самодуров до этого уже был признан виновным в результате судебного процесса по поводу выставки «Осторожно, религия!», и теперь ему предъявляются те же самые обвинения, и аргументы обвинителей звучат почти в тех же словах. Даже искусствоведческую экспертизу проводил тот же эксперт (некто Энеева), что и в деле «Осторожно, религия!». Все это наводит на грустные мысли. Судебное решение кажется почти предрешенным. Аргументы сторон обозначены достаточно четко и многократно повторялись в прессе. Но дело явно не в них.

Итак, Ю. Самодурову вынесено обвинение в преступлении, которое он уже однажды совершил (статья 282, часть 2, пункт «б») – «действия, направленные на возбуждение вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, совершенные публично, лицом с использованием своего служебного положения»). Другими словами, Ю. Самодуров может быть признан рецидивистом, что с неизбежностью влечет ужесточение наказания. А когда читаешь текст постановления о привлечении Ю. Самодурова в качестве обвиняемого, то даже сама возможность оправдательного приговора оказывается под большим сомнением. Чего стоит

только обвинение Ю. Самодурова и А. Ерофеева в «преступном сговоре»! Я прекрасно понимаю, что таков юридический язык, что формально их действия могут так квалифицироваться, но уже здесь, на уровне языка, создается ощущение какого-то невозможного соединения двух миров – мира законов и той жизни, которой мы живем. Еще более это ощущение усиливается, когда мы читаем в том же тексте, что «в результате проведения выставки “Запретное искусство – 2006” граждане, приверженные традиционным культурным ценностям русского народа, в особенности граждане, исповедующие православную веру либо выражающие принадлежность или предпочтительное отношение к православному христианству, в том числе и в наибольшей степени – посетители выставки, подверглись при просмотре указанных экспонатов сильнейшему психотравмирующему воздействию чрезмерной силы, несущему прямую угрозу целостности личности и разрушения сложившейся у них картины мира, что явилось психотравмирующим событием и сильнейшим стрессовым фактором для них, причинило им непереносимые нравственные страдания и стресс, а также чувства униженности их человеческого достоинства». Невольно создается ощущение, что дело идет не о выставке художественных произведений, а о психотропном оружии. А это уже почти терроризм...

Мне бы не хотелось сейчас заново воспроизводить аргументы каждой из сторон. Отмечу лишь, что обвинители настаивают на непристойности и оскорбительности экспонатов выставки. Особенно в отношении «чувств верующих». Защитники (и сам Ю. Самодуров) говорят о праве искусства на эксперимент, о светском обществе, где религия отделена от государства, а потому религиозная символика, используемая в работах, не может рассматриваться как некая религиозная «собственность», как непререкаемые знаки священного, любое иное использование которых уже должно караться (таково, например, мнение отца Вс. Чаплина). Еще один важный мотив в отношении работ с религиозной тематикой состоит в том, что они касаются не самой веры, но Церкви как религиозного института. По этим вопросам можно спорить сколько угодно. Но споры эти, увы, не частные. Суд уже однажды принял решение в пользу одних аргументов, отвергнув другие. Суд в приговоре по делу о выставке «Осторожно, религия!» подтвердил справедливость тех интерпретаций художественных произведений, которые настаивали на стремлении организаторов выставки унижить чувства верующих, и подверг сомнению те, что усматривали смысл этих работ в социальной критике современного общества, частью которого является и Церковь. Такая вот герменевтика.

Фактически то судебное решение означало приоритет «чувства» над «интерпретацией». И как это ни странно, но даже эксперты, дело которых *знание, история* и различные способы *трактовать* искусство, высказывались именно, в конце концов, о той материи, которая крайне зыбка, – «чувства».

По той же схеме разворачиваются события и сейчас: возмущение оскорбленных, словно впервые увидевших нецензурную лексику, и реагирующих так, как будто она адресована непосредственно им; уязвленные верующие, переживающие за неподобающее использование религиозных символов; патриотически настроенные граждане, усматривающие в некоторых работах издевательство над своей родиной; ну и конечно эксперты, высказывания которых если не санкционированы, то движимы теми же чувствами.

Я сознательно ухожу от описания выставленных работ, поскольку прекрасно знаю, что художественный объект, а особенно выполненный в рамках так называемого актуального искусства, может порой шокировать. Современное искусство таково, что оно с необходимостью вторгается в мир устоявшихся ценностей, и это многих зрителей, конечно, раздражает.

Меня интересует только один момент. Достаточно ли раздражения и возмущения одного, нескольких или даже многих посетителей выставки, чтобы была применена статья 282 (часть 2, пункт «б») Уголовного кодекса? Этот вопрос, казалось бы, и решается в суде. Но, по сути, в суде решается другой вопрос: на чьей стороне *сила*. Сила власти, государственных приоритетов, ценностей, утверждаемых и насаждаемых в обществе. И здесь не имеет принципиального значения, выносит вердикт судья или присяжные. Силовое решение характерно именно для ситуации, когда основным аргументом становится не факт, а чувство. И опасность состоит как раз в том, что произведения, которые были выставлены Ю. Самодуровым и А. Ерофеевым, теперь, после приговора по выставке «Осторожно, религия!», уже стали фактами оскорбленного чувства. И тем труднее теперь заново апеллировать к принципу разумного сомнения, к взвешенному подходу относительно аргументов разных сторон. Тем более что, как уже было сказано, аргументы все известны.

И тем не менее я возвращаюсь к вопросу о том, достаточно ли тех эмоций, которые испытывают отдельные зрители, для того, чтобы это соответствовало формулировке «унижение достоинства группы лиц...». То есть появление в суде нескольких свидетелей, говорящих, что они испытали чувство унижения, автоматически приводит к запуску юридической процедуры, результатом которой, в частности, может стать недопус-

тимое для светского общества чрезмерное влияние Церкви, торжество ханжества, да и просто удобный способ расправляться с неудобными. Кто может засвидетельствовать лжесвидетельство говорящего от имени собственных чувств? И это вопрос не праздный. Мы присутствуем здесь не при споре, не при тяжбе, где конкурируют факты и их интерпретации, но с очевидностями, причем разделяемыми большинством. Должен ли суд опираться на эти «очевидности», или же очевидность чувства для закона должна быть поставлена под сомнение?

Сказанное вовсе не значит недоверие к тем, кто возмущен и чувствует себя оскорбленным (хотя порой их действия и вправду кажутся слишком спланированными). Более того, еще раз повторю, я прекрасно понимаю возможное негодование религиозного человека, для которого христианские символы есть нечто совершенно иное, нежели просто знаки среди прочих. Все, что я хочу сказать, так это то, что «чувство» – ненадежный свидетель. К тому же вера, а тем более христианская вера, – это не только чувство и не просто чувство, а некая сопричастность сверхчувственному... Об этом нельзя забывать, тем более тогда, когда аргументы от чувства в подобных судебных процессах явным образом усиливают и без того достаточно сильный в нынешней России институт – Церковь.

Как здесь не вспомнить о том, что есть еще и другие «группы лиц», которые называются «неверующие» или «атеисты», и у них тоже, как ни странно, может быть «достоинство», которое оскорбляется постоянно. Ведь стало почти общим тоном говорить о собственной вере, о естественности веры, о естественности религиозного чувства. Когда в телевизионном эфире профессор МГИМО и ведущий одной из юношеских программ говорит, что «атеисты – это больные люди, и их надо лечить», то мало кто задумывается о чувствах атеистов, хотя в отличие от искусства с его необходимой степенью условности, с его высказыванием, предполагающим опосредованность смысла и требующим порой установление дистанции по отношению к наивному восприятию, здесь оскорбление наносится прямо и адресно. Кроме того, таких прямых оскорбительных заявлений множество и в прессе, и на телевидении, зачастую и с использованием обсценной лексики. То, что нецензурная брань забивается звуковым сигналом, не должно, по идее, быть оправданием. Ведь и претензии к картине Кабакова предъявляются несмотря на то, что матерные слова в ней прикрыты детскими рисунками... Тем не менее судебных процессов по этому поводу мы не знаем, а если они и происходят в каких-то судах, то это никак не меняет положение дел.

Почему же именно искусство, которое в самом акте своего предъявления устанавливает дистанцию в отношении используемых слов и

изображений, оказывается объектом агрессии чувств? Особенно это удивительно, когда мы имеем дело с таким немассовым, локальным явлением, каким является актуальное современное искусство. Для людей, воспитанных в традиционных ценностях, не слишком хорошо разбирающихся в истории искусства XX века, оно чаще всего не просто не понятно, но и вызывает отторжение. Не путаем ли мы порою это отторжение и негативную реакцию в отношении искусства с «оскорблением достоинства»? Современное искусство порой и называют радикальным именно потому, что оно испытывает наши чувства на прочность. У него нет задачи нравиться. Напротив, его принцип восприятия зачастую таков: мне не нравится, поэтому я должен задуматься. Когда читаешь отзывы возмущенных зрителей, то возникают вопросы: неужели нецензурное слово на холсте в маленькой галерее оскорбляет больше, чем повсеместная брань? Неужели выставка задевает чувства верующих больше, чем недостойное поведение отдельных представителей Церкви? Что заставляет людей, никогда не посещающих выставки современного искусства, идти туда, где, как заранее известно из анонсов, они не испытают положительных эмоций?..

Ответы могут быть разные. Но так происходит в том числе и потому, что чувство, которое мы считаем естественным, есть место локализации идеологии. И мы прекрасно знаем, как умеет государство играть на чувствах граждан, извлекая из этого свои политические дивиденды. Сомнение же, терпимость и... вера – антиидеологичны. Они вызывают не к насилию, но к познанию, к пониманию и к признанию ограниченности своего личного опыта.

Выставка «Запретное искусство – 2006» и заведенное уголовное дело вновь спровоцировали дискуссию о границах прав и свобод в нашем обществе, где судебная власть крайне зависима от государства. Актуальное искусство высвечивает эти проблемы как нельзя лучше. Современный художник зачастую выступает как провокатор, заставляя нас, зрителей, задуматься о границах закона и о его «темных» сторонах. Это риск. Но риск – необходимая часть такого искусства. Только вызов, который оно бросает, не направлен отдельным людям, благопристойным гражданам или верующим. Он направлен обществу, отдающему свой разум на откуп институциям (не важно государственным или религиозным). Вопрос о виновности организаторов выставки вовсе не так прост. Закон здесь предусматривает толкования. Это вопрос не столько закона, сколько выбора. Выбора интерпретации. Выбора между плохо контролируемой эмоцией и терпимостью, всегда требующей самоконтроля. Можно быть не согласными с Ю. Самодуровым и

А. Ерофеевым. Можно не разделять их взгляды на искусство, их отношение к религии. Но в их столкновении с нашей судебной системой, целиком и полностью принявшей сторону и государства, и Церкви, нельзя не защищать их. В этом залог того, что когда-нибудь помимо языка эмоций и оскорбленных чувств наш суд сможет заговорить на языке права.

Межрегиональное общественное движение

Народный Собор

ТЕЛ. (495) 755-52-59 8(901)518-35-19, WWW.NARODSOBOR.RU E-MAIL: ORG@NARODSOBOR.RU

Межрегиональное общественное движение «Народный Собор», инициировавшее возбуждение уголовного дела против организаторов антиобщественной и антихристианской выставки «Запретное искусство» возмущено попытками фигурантов этого дела представить происходящее как якобы «политический процесс» и «инициированное властями преследование инакомыслящих».

«Народный Собор» убежден, что никакая превратно понимаемая отдельными гражданами «свобода творчества» не может считаться достаточным основанием для глумления над духовной и культурной традицией народа, его Верой и святынями, его нравственностью и историей. В противном случае публичная демонстрация подобного рода «произведений» должна восприниматься не иначе, как намеренное нарушение действующего уголовного законодательства, запрещающего разжигание межрелигиозной и межнациональной розни. А за нарушение закона должно следовать неотвратимое наказание – как для обычного уличного хулигана, так и для устроителей провокационных выставок.

Движение «Народный Собор» считает, сто организаторы выставки должны быть привлечены к уголовной ответственности не только за разжигание религиозной вражды, но еще и как злостные хулиганы, намеренно выставившие в общественном месте «произведения», содержащие нецензурные слова и брань, и тем самым публично и грубо нарушившие общественный порядок, продемонстрировавшие явное неуважение к обществу. <...>

29.05.2008

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о привлечении в качестве обвиняемого

город Москва

15 мая 2008 г.

Старший следователь следственного отдела по Таганскому району следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по г. Москве, юрист 1 класса Е.Е. Коробков, рассмотрев материалы уголовного дела № 402588,

УСТАНОВИЛ:

По делу собрано достаточно доказательств, дающих основания для предъявления обвинения Самодурову Юрию Вадимовичу в том, что он совершил действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам отношения к религии, совершенные публично, лицом, с использованием своего служебного положения, группой лиц по предварительному сговору, а именно:

Самодуров Ю.В., являясь <...> директором автономной некоммерческой организации культуры «Музей и общественный центр "Мир, прогресс, права человека" имени Андрея Сахарова» (в дальнейшем – музей), в неустановленное следствием время и месте вступил в предварительный сговор с Ерофеевым А.В., состоящим в должности заведующего отделом новейших течений Государственной Третьяковской галереи, для совместной подготовки и проведения в городе Москве общедоступной выставки, четкая концептуальная направленность которой состояла в публичном выражении в наглядно-демонстративной форме унижительного и оскорбительного отношения к христианской религии в целом, а к православному христианству в особенности, а также к религиозным символам, почитаемым православными верующими, путем публичной демонстрации в помещении музея по адресу: г. Москва, ул. Земляной вал, д. 57, стр. 6, специально отобранных экспонатов, возбуждающих ненависть и вражду, а также унижающих достоинство группы лиц по признаку их отношения к христианской религии в целом и православному христианству в особенности. В соответствии с достигнутой договоренностью на проведение вышеуказан-

ной выставки Ерофееву А.В. отводилась роль куратора выставки, заключающаяся в разработке ее концепции, а также в подборе экспонатов выставки, в то время как роль Самодурова Ю.В. как директора музея состояла в даче разрешения на демонстрацию экспозиции выставки в помещении музея, окончательном совместно с Ерофеевым А.В. отборе экспонатов и непосредственном размещении экспозиции, финансировании затрат на проведение выставки.

Используя свое служебное положение директора музея и полномочия, которыми он наделен, <...> Самодуров Ю.В. принял решение о размещении будущей экспозиции выставки в помещении музея по адресу: г. Москва, ул. Земляной вал, д. 57, стр. 6, на период с 07 марта 2007 года по 31 марта 2007 года, заранее включив проведение выставки в утвержденный им как директором музея и размещенный на общедоступном интернет-сайте музея план выставочной деятельности на 2007 год, обеспечил техническую поддержку для создания экспозиции выставки, наибольшим образом соответствующей ее преступным целям.

Далее, во исполнение совместного преступного умысла <...> Самодуров Ю.В. дал согласие и принял решение о размещении и публичной бесплатной демонстрации <...> ряда экспонатов, из числа отобранных Ерофеевым А.В.,

в том числе экспонат – графическую композицию И. Кабакова «Пошел ты...», несущий в себе особо циничное и изощренное деструктивное воздействие на сознание и подсознание зрителей, исполненный с использованием наложения ряда изображений в стилистике, свойственной для оформления детских рисунков, на фразы, состоящие из предельно грубых нецензурных (матерных) выражений и состоящий таким образом в совмещении несовместимого – образов детства и грязной, нецензурной, крайне оскорбительной брани, что представляет для зрителя грубейшее и сильнейшее личное оскорбление, унижает его человеческое достоинство;

в том числе экспонат – скульптуру Леонида Сокова «Памятник», включающую ненормативную матерную лексику, составляющую часть скульптуры, воплощенную в пространственной реализации работы, выполненную из металла и представляющую собой совокупность трех букв «х», «у», «и», что образует при чтении сверху вниз нецензурное матерное слово, несущий в себе, учитывая общий антирелигиозный контекст выставки и название данного экспоната грубейшее надругательство над религиозными и нравственными чувствами граждан, унижение их человеческого достоинства;

в том числе экспонат – «Кухонный разговор» Михаила Рогинского, включающий ненормативную матерную лексику, изображающий верхнюю поверхность стола, на которой расположены стеклянная банка, нож, полукрытый спичечный коробок, круглое блюдо, рядом три круглых предмета (предположительно картофелины), на стене за столом на зеленом фоне красная надпись нецензурного, матерного бранного характера, представляющая для зрителя грубейшее и сильнейшее личное оскорбление, унижение его человеческого достоинства;

в том числе экспонат – графическую композицию Авдея Тер-Оганьяна «Взрыв № 5», включающий ненормативную матерную лексику и составляющий собой стилизованное изображение взрыва на фоне белых клубов дыма, всё это – на фиолетовом фоне, поверх чего написано с восклицательным знаком состоящее из четырех букв «х», «у», «я», «к» нецензурное, матерное слово, публичное употребление которого и экспонирование надписей этого слова является грубейшим оскорблением общественной нравственности;

в том числе экспонат «Реклама Макдональдса» под авторством А. Косолапова, представляющий собой выполненную средствами цветной шелкографии в виде плаката-постера графическую композицию, включающую размещенные на ярко красном фоне изображение лица человека, узнаваемое, напоминающее манерой исполнения обычно используемое в церковном сакрально-культурном пространстве изображение Иисуса Христа, а также логотип сети ресторанов «Макдоналдс» (включая соответствующее написание названия этой сети на английском языке) и выполненную белым шрифтом надпись на английском языке следующего содержания "This is my body" (в переводе на русский язык: «Это – тело мое»), – соединяющий сакральное (образ Иисуса Христа и элемент христианского религиозного культа) с вульгарным (продукция массового питания) и тем самым содержащий в себе кощунственное надругательство над святым для православных таинством; издевательски демонстрирующий и транслирующий идеи-утверждения о том, что тело Иисуса Христа не более ценно, чем гамбургер или иной продукт массового общественного питания, либо сопоставимо (сопоставимо) с этими продуктами, что образ Иисуса Христа равноценен образу любого человека, который используется в рекламных акциях, что равноценны или сравнимы (сопоставимы) по сути религиозный христианский обряд причастия и употребление пищи в любом заведении общественного питания, что евангельские тексты не обладают особой ценностью и сравнимы по своей ценности с рекламными слоганами;

в том числе экспонат – «Икона-икра» под авторством А. Косолапова, представляющий собой выполненную посредством печати по холсту графическую композицию, представляющую собой совершенно определенно узнаваемый оклад православной христианской иконы Богородицы с Младенцем, вместо изображений ликов, кистей рук и облачений которых, составляющих существенную и значимую для верующих часть указанной иконы, помещено натуралистическое изображение черной игры, повторяющее контуры указанных элементов оригинала иконы, – являющий собой в силу использованного приема пачкания православной иконы сознательную демонстрацию презрения к религиозным ценностям, надругательство над религиозными чувствами верующих и унижение их человеческого достоинства, осуществляемые по мотиву религиозной нетерпимости и ненависти;

в том числе экспонаты – две работы Александра Савича «Из серии путешествия Микки Мауса по истории искусства», изображающие евангельскую сцену Нагорной проповеди Иисуса Христа и евангельскую сцену взятия Иисуса Христа под стражу в Гефсиманском саду, изготовленные на основе широко известных, узнаваемых (что абсолютно исключает любую двойственность толкования содержания и направленности этих экспонатов) гравюр Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда посредством их раскрашивания и размещения автором экспонатов вместо (поверх) лица Иисуса Христа изображения известного мультипликационного персонажа Микки Мауса, который является совершенно определенно узнаваемым комическим героем мультфильмов; в силу использованного приема соединения священного для верующих христиан образа Иисуса Христа и комичного образа Микки Мауса, представляющих собой карикатуры на Иисуса Христа, крайне оскорбительные и унижительные для человеческого достоинства православных верующих. Основная содержательная нагрузка и цель данных экспонатов состоят в том, чтобы транслировать следующие идеи-утверждения: что равноценны и равнозначны (сопоставимы) образы Иисуса Христа и Микки Мауса; что равноценны и равнозначны (сопоставимы) по своему культурному и нравственному содержанию православное христианство и любой медийный продукт, например мультфильм про Микки Мауса; что православное христианство – своего рода мультипликационная сказка, история, предназначенная для времяпрепровождения, легкого развлечения, не несущая в себе никакого ценного духовно-нравственного или религиозно-культурного содержания. Следовательно, указанные экспонаты А. Савича представляют собой и осуществляют предельно циничное, издевательское оскорбление, дисфо-

рическое высмеивание религиозных убеждений и религиозных чувств православных верующих, унижение их человеческого достоинства по признаку отношения к религии. Экспонат, совершенно очевидно, умышленно направлен на достижение указанного выше результата;

в том числе экспонат – «Без названия» под авторством В. Бахчаняна, представляющий собой фотоколлаж, изображающий один из фундаментальных христианских символов – распятие Иисуса Христа на кресте, при этом вместо головы Иисуса Христа автором экспоната помещено изображение советского ордена Ленина, что является крайне оскорбительным для православных верующих, унижает их человеческое достоинство. Основное содержание и цель данного экспоната состоят в том, чтобы транслировать следующие идеи-утверждения: что равноценны и равнозначны образы Иисуса Христа и В.И. Ульянова-Ленина; что равным образом тоталитарны и деспотичны как православное христианство, так и большевистский режим В.И. Ульянова-Ленина. Следовательно, работа В. Бахчаняна «Без названия» представляет собой и осуществляет предельно циничное, издевательское оскорбление и уничижительное, дисфорическое высмеивание религиозных убеждений и религиозных чувств православных верующих, жестокое унижение их человеческого достоинства по признаку отношения к религии. Экспонат, совершенно очевидно, умышленно направлен на достижение указанного выше результата;

после чего Самодуров Ю.В., Ерофеев А.В., добиваясь дальнейшего усиления негативного психологического и нравственного воздействия экспонатов на сознание посетителей выставки, пришли к выводу о необходимости сочетания в экспозиции выставки как экспонатов, содержащих нецензурную брань, так и экспонатов с использованием религиозной символики, оскорбительного по отношению к христианской религии и христианам как отдельным ее представителям содержания, для чего, используя свое служебное положение, обеспечили размещение таких экспонатов, как графическая композиция Авдея Тер-Оганьяна «Взрыв № 5», скульптура Леонида Сокова «Памятник», графическая композиция Ильи Кабакова «Пошел ты...», картина «Кухонный разговор» Михаила Рогинского, в непосредственной близости от других экспонатов, использующих и содержащих в себе религиозную символику христиан.

В свою очередь, будучи публично представленными на выставке, последние содержат в себе унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении группы лиц, являющихся верующими христианами. Указанные унижительные характеристики проведены с помощью метода коллажа священ-

ных для христианской религии символов, таких как крест, оклад иконы, священный литургический текст, иконография сюжетов Священной истории Нового Завета с заведомо профанными образами – символами культуры потребления (логотип закуской Макдоналдс, изображение рыбной икры), вульгарными (персонаж мультфильмов про Микки Мауса) или в течение длительного времени противопоставлявшимися христианству идеологическими символами, такими как советский орден или заголовок советской газеты «Известия». В качестве составной части коллажей подобраны образы, являющиеся по смыслу антонимами основных ценностей христианской веры и культа или же ассоциирующихся с образами его исторических противников. Таким образом, употребленные в экспонатах и перечисленные выше образные приемы направлены на создание впечатления смыслового «перечеркивания», отрицания, уничтожения смысла христианских сакральных симаолов и, следовательно, уничтожение смысла христианской веры, а тем самым и непосредственное и публичное оскорбление христиан как носителей этой веры. <...>

В продолжение задуманного, добиваясь дальнейшей реализации своих преступных намерений, Самодуров Ю.В. и Ерофеев А.В. умышленно и сознательно приняли решение о просмотре посетителями экспонатов выставки через небольшое отверстие в загораживающей экспонаты специально поставленной стене-перегородке, в результате чего еще в большей степени усилено негативное психологическое и нравственное воздействие на зрителей выставки, возбуждающее у них чувство оскорбленности, униженности человеческого достоинства, которое выставка оказывала своим содержанием и направленностью, совокупностью использованных в ее экспонатах средств визуального психологического воздействия, поскольку осознавали, что просмотр экспозиции посетителями через отверстия в стене-перегородке будет происходить не по причине согласия с позицией авторов экспонатов и организаторов выставки или их одобрения, а по причине самой по себе явки в место проведения выставки, то есть основного действия, проявляющего волю зрителя посетить выставку. <...>

В результате вышеуказанных совместных действий Самодурова Ю.В., Ерофеева А.В. в специально предназначенном помещении Музея и общественного центра им. А. Сахарова <...> была открыта и проведена общедоступная, бесплатно посещаемая выставка «Запретное искусство 2006» <...>.

Умысел Самодурова Ю.В. состоял в том, что он совместно с Ерофеевым А.В. произвел отбор экспонатов определенной направленности

ти. Фонд экспонатов для формирования выставки изначально подбирался им совместно с Ерофеевым А.В. не по критериям их художественной ценности, а исключительно по критерию возможности их использования для более сильного выражения отрицательных эмоциональных оценок, нетерпимости в отношении граждан, исповедующих православную веру либо выражающих принадлежность или предпочтительное отношение к православному христианству, для целенаправленного, осознанного и умышленного показа кощунственных в религиозном смысле произведений. Данный факт подтверждается также и тем, что Самодуров Ю.В. в своих публичных выступлениях пытался подвести под свои действия идеологические и правовые основания, искажая действительное содержание норм российского законодательства.

Сведения о проведении указанной выставки и содержании экспозиции стали известны неопределенному, широкому кругу граждан, исповедующих христианскую религию, в особенности православное христианство, в том числе и тем гражданам, которые не посещали выставку и не проживают в городе Москве и узнали о факте проведения выставки и ее содержании из средств массовой информации и от граждан, выставку посещавших.

В результате проведения выставки «Запретное искусство 2006» граждане, приверженные традиционным культурным ценностям русского народа, в особенности граждане, исповедующие православную веру либо выражающие принадлежность или предпочтительное отношение к православному христианству, в том числе и в наибольшей степени – посетители выставки, подверглись при просмотре указанных экспонатов сильнейшему психотравмирующему воздействию чрезмерной силы, несущему прямую угрозу целостности личности и разрушения сложившейся у них картины мира, что явилось психотравмирующим событием и сильнейшим стрессовым фактором для них, причинило им непереносимые нравственные страдания и стресс, а также чувства униженности их человеческого достоинства.

Как следствие указанных выше умышленных действий Самодурова Ю.В., Ерофеева А.В., выразившихся в совместной организации и проведении выставки «Запретное искусство 2006», были возбуждены ненависть и вражда, а также унижено достоинство широкого, неопределенного круга верующих граждан по признаку их отношения к христианской религии, в особенности к православному христианству, чем грубо нарушены принципы конституционного строя Российской Федерации, закрепленные в положениях ч. 5 ст. 13, ст. 14, ст. 28 Конституции РФ, гарантирующих принцип веротерпимости как залог гражд-

данского мира и демократического общества, то есть совершил преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 171 и 172 (175) УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь Самодурова Юрия Вадимовича 27.09.1951 г.р., уроженца города Москвы, в качестве обвиняемого по данному уголовному делу, предъявив ему обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ, о чем ему объявить.

Следователь Коробков Е.Е.

Елена Петровская

Мониторинг общественных нравов

Выставка «Запретное искусство – 2006» проходила больше года назад. По замыслу организаторов – директора Сахаровского центра Ю. Самодурова и куратора А. Ерофеева, – к настоящему времени, по всей видимости, должен был бы состояться второй этап «мониторинга» общественной терпимости¹. Ведь именно так и был представлен проект – как попытка социологического исследования вопроса о том, что и почему подвергается в современной России цензуре. Речь идет не столько о выполнении формальных предписаний и запретов, сколько о следовании некоему «внутреннему голосу», который и подсказывает, что следует выставлять, а что лучше спрятать от греха подальше. Оказывается, так и поступают сейчас многие из ответственных работников музеев. Именно поэтому вопрос о цензуре был проинтерпретирован в терминах самоцензуры. Зрителей выставки приглашали высказаться «о правоте или ошибке цензурных действий в отношении выставленных произведений» (в распоряжение желающих предоставлялся отдельный компьютер).

Конечно, не приходилось рассчитывать на то, что публика проявит необходимую научную бесстрастность. Тем более что показанные в центре экспонаты уже вызвали контroversы. Так, работа А. Косолапова «Икона-икра» под давлением православных зрителей была снята со стены Третьяковской галереи, а шелкографию И. Кабакова «Пошел ты...» упорно избегали выставлять. Собственно, принципа отбора Ерофеев никогда и не скрывал: показать те работы, которые оказались в последнее время объектом цензурирования. Действовала же

¹ Все цитаты приводятся по материалам, размещенным на официальном сайте Музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека» имени Андрея Сахарова (http://www.sakharov-center.ru/news/2007/forbidden-pollice/index.php?subaction=showfull&id=1181898900&archive=&start_from=&ucat=1&).

такая цензура по трем основным направлениям: религиозная символика, ненормативная лексика, а также порнография/эротика. Показать то, что другие показать отказались, – акт, конечно, в некотором роде вызывающий. Повторю, что ожидать от зрителей спокойствия и незаинтересованности в этих условиях было просто невозможно. И тем не менее можно было высказаться. Собственно, публичное обсуждение проблемы и должно было стать в известном смысле кульминационным моментом. Если попытаться дать характеристику этому проекту, то я бы сравнила его с художественной акцией в духе В. Комара и А. Меламида, когда в игру потенциально или реально включенными оказываются опросные службы.

Так вот, вместо того чтобы вступить во второй этап предполагаемого трехэтапного цикла, Сахаровский центр в лице его директора вновь переживает сумрачные времена. Против Ю.В. Самодурова открыто уголовное дело за «возбуждение ненависти и вражды», а точнее за «унижение достоинства как можно более широкого круга верующих граждан, исповедующих христианскую религию», православие в первую очередь. Похоже, что над всеми иными формами цензурирования в конечном счете возобладала одна – государственно-религиозная цензура. Устроители добились публичной реакции, но только репрессивного порядка, и теперь выставка становится поводом для обсуждения несколько иного круга вопросов. То, что выявляется таким путем, путем юридически оформленной угрозы, есть не что иное, как общественная нетерпимость. Об этом можно кое-что узнать, обратившись к самому обвинительному акту, составленному юристом Е.Е. Коробковым.

Прежде всего мы узнаем о том, что с самого начала Самодуров Ю.В. и Ерофеев А.В. состояли в сговоре, вынашивая «преступные цели». Таковые сразу же определяются как проведение «общедоступной выставки, четкая концептуальная направленность которой состояла в публичном выражении в наглядно-демонстративной форме унижительного и оскорбительного отношения к христианской религии в целом, а к православному христианству – в особенности...». Это проявилось в принижающем использовании христианских символов. Интересно, что автор документа не только перечисляет наиболее одиозные, с его точки зрения, экспонаты, но и дополняет перечень интерпретацией, напирая на «коллаж» как способ соединения сакрального и профанного, при котором смысл священных символов уничтожается. Такой «искусствоведческий» аргумент является столь же изощренным, сколь и произвольным: коллаж не есть установление знака равенства между разнородными вещами и в первую очередь между православным хри-

стианством и «любимым медийным продуктом» (например, Микки Маус – Иисус Христос, как это якобы имеет место в исполнении А. Савко). Впрочем, этот упреждающий выпад против защитников-знатоков современного искусства играет скорее второстепенную роль.

Поскольку устроители определены в своих действиях как преступники, то в каждом элементе выставки проглядывает «умысел». Так, умышленным, а потому и откровенно оскорбительным является коллаж в масштабе выставки как таковой – размещение по соседству с экспонатами, содержащими религиозную символику, работ, где употребляются бранные слова. Но это только вторая степень тяжести. Ведь Самодуров и Ерофеев не остановились и на этом. «В продолжение задуманного, добиваясь дальнейшей реализации своих преступных намерений», устроители устанавливают стенку-перегородку, через которую зрителям предлагают смотреть на работы и перед которой, надо думать, посетители не могут устоять. Здесь аргументация становится более туманной, и сознательный вуайеристический прием – приглашение подсмотреть за невидимым и/или запретным – интерпретируется в терминах просмотра «не по причине согласия с позицией авторов экспонатов» и организаторов, а «по причине самой по себе явки в место проведения выставки, то есть основного действия, проявляющего волю зрителя посетить выставку». Завлекли (как водится) и бросили на произвол.

В результате трехступенчатого злодейства – самих по себе отвратительных работ, их продуманной с определенной целью расстановки и, наконец, принудительного способа показа – посетители выставки подвергались «сильнейшему психотравмирующему воздействию чрезмерной силы», угрожающему «целостности личности» и разрушением «сложившейся у них картины мира», что явилось «сильнейшим стрессовым фактором для них, причинило им непереносимые нравственные страдания и стресс, а также чувства униженности их человеческого достоинства». Остается удивляться, как ни один из посетителей не потерял рассудка. В этом месте обвинитель не скупится на повторы, рассчитывая, по-видимому, двукратным и троекратным употреблением одних и тех же слов (именуемым в литературе плеоназмом) добиться большей доказательности. Или заклинательности. Для справки: вход на выставку был не рекомендован детям моложе 16 лет, экспонаты фотографировать не разрешалось, а неудобство просмотра, но и, как выясняется, его неотвратимость усугублялись тем, что приходилось носить с собой стремянку: дырки в стене были проделаны на высоте 180 см от пола. В электронной книге отзывов один из расстроенных посетителей советует куратору изучить основы эргономики...

Много было сказано по поводу самой выставки и реакций на нее. И даже как-то неловко в очередной раз повторять, что живем мы (номинально) в светском государстве или что значение культового объекта меняется за пределами пространства культа. Столь же очевидным, на мой взгляд, является и то, что мишенью так называемых коллажей становится православие в качестве *идеологии*, которая все больше срачивается с государством. Недавно на кандидатском экзамене в одном из академических институтов, где я работаю, мне довелось услышать экспертное суждение о том, что христианство в современной России выполняет идеологическую функцию, поставляя ценности и заполняя ими вакуум, образовавшийся при смене власти. Член комиссии произнес это уверенно и с одобрением. Иными словами, в такой роли православия уже никто не сомневается, включая тех, кто – по долгу службы хотя бы – должен сохранять непредубежденность и трезвость взгляда. В какой момент, однако, эти ценности, одобренные государством и пришедшие на смену коммунистическим, превратились в орудие давления и даже насильственных актов в руках нового молчаливого большинства? (Вспомним погром, устроенный оскорбленными в чувствах христианами на территории все того же Сахаровского центра.) И еще одно обстоятельство, которое вызывает крайнюю тревогу. Правоохранительные органы обеспокоены левым экстремизмом, свидетельством чему – преследование хулиганствующих лимоновцев вплоть до присуждения им тюремных сроков. (Поражает строгость наказания за поджог хоть и великолепного, но все же неодушевленного занавеса Большого театра.) Между тем расследования случаев вопиющего насилия скинхедов, калечащих и убивающих людей, заканчиваются, как правило, безрезультатно. Хуже того, этим людям выносятся оправдательные приговоры. Разве в условиях такого «социального коллажа» разговоры о том, что картины художников подстрекают к ненависти и вражде, не являются чистойшей демагогией?

И наконец, о самих запрещенных работах, выставленных в Сахаровском центре. Смеею сказать, что в художественном отношении они отнюдь не равноценны. Так, плакаты группы «ПГ», которые в описании выглядят предельно остро (в них критикуется дедовщина, милицеевская коррупция, а также два внешних образа России – проституция и недальновидная экономическая ставка на нефть), при ближайшем рассмотрении оказываются чем-то вроде наспех сделанного шаржа или первой попытки освоить «фотошоп». С другой стороны, работа Ильи Кабакова, несущая в себе «кособо циничное и изощренное деструктивное воздействие на сознание и подсознание зрителей» за счет совме-

щения образов детства (елочек, грибочков, домика, березок) и «грязной, нецензурной, крайне оскорбительной брани», как раз и обнаруживает «грязный ум» зрителя/читателя тем, что дразнит полусокрытостью своей фоновой надписи, которую нужно суметь прочесть. «Реклама Макдоналдса» в исполнении Александра Косолапова, вызвавшая бурную реакцию и заклеянная в обвинительном документе сразу по нескольким статьям (кощунство над таинством; отождествление тела Христа с продуктом сети общепита; приравнивание бога к человеку, а евангельского текста к рекламному), показывает, по-моему, только одно: как религия (а вернее, знаки таковой) становится таким же элементом массовой культуры, как и исходная продукция последней. Не случайно А. Косолапов воспроизводит «божественный лик» в сладковатой эстетике китча.

Я не буду обсуждать статус ненормативной лексики, в частности в русской культуре. Впрочем, если литература де-факто отвоевала себе право на использование этой речи, то в изобразительных и пластических искусствах дело обстоит совсем иначе. Думаю, что это могло бы стать предметом самостоятельного обсуждения, как того и хотел Юрий Самодуров, кстати говоря, прекрасно отдававший себе отчет в том, что его показ – отнюдь не регулярная и тем более не взыскующая эстетических оценок выставка. Он хотел лишь прозондировать социальный контекст, и так оно и получилось. Оказалось, что наше общество, усвоившее новые ориентиры, осознавшее свои «традиционные культурные ценности» уже в качестве «русского народа» (продолжаем читать обвинение), не только не стало более гуманным, но, напротив, аккумулировало небывалый потенциал нетерпимости и агрессивности. Художников, считают их православные критики, надо лечить (да и вообще «Врагам Православия – не место на земле!»), а устроителей – отлучить от профессиональной деятельности. Трудно поверить, что такое раздается из уст православных христиан...

Думаю, что Ю. Самодуров и А. Ерофеев «возбуждали» лишь одно – потребность в самостоятельном критическом высказывании. В том числе направленном и против них самих. Но какие бы претензии мы ни предъявляли к устроителям выставки «Запретное искусство – 2006», несомненно, кажется, одно: желание привлечь к суду – не распустившийся цветок правового сознания, но грозное эхо преследований, о которых нам, «традиционным русским», до сих пор не разобравшимся со своим недавним прошлым, не стоило бы столь поспешно забывать.

Олег Павлов
Степная книга
М.: Время, 2008. 304 с. с ил.
(Серия «Проза Олега Павлова»)

Олег Павлов

Воскресенье

Лагерную роту будили в этот день до рассвета – за час до подъёма, и без того раннего. Солдаты вставали с коек, начиная в сонливой зябкой тиши обдирать с них бельишко, и брели каждый со своим узлом на двор. Голые шелудивые ноги утопали по колено в пушечных жерлах сапог. Вода ручьилась в мглистом ещё дворе по гулкому жестяному корыту. Кто оказался с краю, тот безгласно мучился один за всех. Достались ему холодные склизкие помои, а не вода.

Выстиранные простыни расстилали подальше в степи, на густой, пахнущей дымом траве. Флаги их видны были, верно, далеко свысока – и небо сделалось мирным. Кому назначали, драили казарму, где рядами тянулись стальные скелеты солдатских коек. Остальные выбивали ремнями гудящие, как барабаны, матрасы. Пыль парила густо, как в бане, но до бани и надо было терпеть. Когда взошло солнце и воздух стал жарок, пыль вилась над отбитыми матрасами стайками, будто мошкара. Пылинки покусывали потные лица. А дышать было уже легко. Беспалый чеченец с рукой, похожей на копытце, – банщик, так и не ложился, кочегаря печь, всю ночь раскаливая огромную зачажённую цистерну. И вот кипяток пустился по очертеневшей трубе, рядышком, в приземистый глинобитный барак. Труба бурлила, грохотала. Магомед скалил в улыбочке зубы и, сам похожий на чёрта, корчился и отплясывал, будто б гарцевал на той дикой огненной трубе.

Кипяток давали в банный день как пайку голодным измученным телам. Кожа мягчала, жирнела, покрываясь каплями блаженной влаги. Солдат, набившихся в барак, уже сыто воротило от кипятка – хотелось постного холодку. Магомед просился в баню. Но мыться с ним близко пугались, прогнали дружным ревущим матом от распахнутой дверки. Чеченец сердился, ругался и как обречённый ждал. К солдатам в их самогонный пар заскочил по-хозяйски офицер. Но голый, без погон да фуражки, офицер помыкался в толпе гогочущих, орущих солдат, опрокинул шаечку-другую и смылся под шумок. А на воздухе, на выходе уже ждал, встав на раздачу трусов, и сам одетый по форме – как трезвый пьяным задавал строгача.

Исподнее привозили уж стиранное из полка – сэкономили на дырках. Размеров не соблюдали – хватай какие не рваные, а досталось рваное – значит, сэкономили на тебе, таскай какое есть. В прачечной работали вольнонаёмные. Нанимались в полк офицерские жёны, но не очень вольные, а кто оказался без работы в городе да при никудышных мужьях. Им-то и свозили в прачку со всех рот всю эту солдатскую срань да грязь, и они терпели, стирали трусы, майки портянки, обслуживая, будто собственных мужей. Мысль эта была солдатне слаще всего на свете, за это готовы были потерпеть и свою жизнь, чтобы отыскать прореху в трусах да посмеяться, когда командир не слышал: «Дырка офицерская! Глянь как от мужа гуляет! Офицера своего на солдата сменяла!»

Прожитая неделя стала похожей на загробный, но уже и забытый сон. Два взвода охраны по двадцать голов в каждом, сменяя друг дружку, впрягались и волокли тяготные сутки караулов. Скитались между караулкой и казармой, и там и тут ночуя как на стоянках, не зная, зачем живут. В караулах время прогорало дружной да теплой. Туда носили, как заболевшим, еду из роты, и вместо маслянистых стен казарменной столовой обнимала едоков тесная, сдобренная воздухом солдатских хлебов кухонька, где по ночам варили чифир, водили задушевные разговоры, слушали ощутимый до мурашек женский голос из радио. Голос этой дикторши по «Маяку» знали и слушали иные уж по году. Звали её в карауле запросто – Валечкой. Иногда говорили, слыша её снова из репродуктора: «Валечка пришла...» Ночами по караулке гуляли мыши. Если из темноты угла выкатывался наружу серый комок, чиркая по голым доскам, говорили тоже: «Валечка пришла...» – и пускали в свою компанию.

Из всех повинностей нести надо было одну – ходить на вышки. Спали не раздеваясь, вповалку. Свой автомат, выданный на сутки, жалко было сдавать обратно в оружейку, до того свыкался с ним, стоя глухи-

ми ночами на вышке, что с родным существом. Железо это, чужое поначалу и тягостное, таило в себе душу как у собаки – готовое исполнить в каждый миг волю человека и не знающее его страха да слабости. Но подневольная ночная жизнь в карауле казалась подземельем. Дневной свет не радовал, проникая лучиком в это безвыходное суточное заточенье. На вышках жестоко томил распахнутый до горизонта непроглядный степной простор. Ветер одним духом своим волновал ровные густые травы, и они стелились по земле, громадные да голубоватые, будто б сорвало с небес. На зоне всегда мучили мысли о доме. Тянуло отчаянно бросить службу да бежать в степь. Все плохие странности происходили в карауле: самострелы у солдат, оттуда родом были и все дезертиры; рискованные подсудные дела с зеками, когда могли пойти в штрафной и лупить до смерти, а могли сбежать из караулки в лагерь, понести дружбы свои да жизни ворами. Местом таких сходов была по ночам лагерная столовая – там слушали сказки сладкие воров да нажирались от их щедрот прямо со сковородки жареным мясом...

После бани, после пожёвки, а давали масло и беленькие яички, – наступило безгрешное воскресное затишье. На куцеватом плацу перед казармой было удивительно тихо и пусто. На зону уходили в шестом часу пополудни. Было время, что по воскресеньям маялись, слонялись по казарме и двору, затевая драки. Но кто-то придумал играть в футбол. Мячом стал подсумок от противогаса, набитый портянками. Нашли близко с ротой подходящее место. Заборец из бетона там зарос травой и чуть возвышался над степью, похожий на вал. От него шагов двести было до другого забора – лечебно-трудового лагеря для пьяниц. Лечебка и рота много лет мирно делили этот пустырь. Он считался ничейной территорией. Земля здесь пустовала, отчуждённая вообще от людей как зона близкая к охраняемой.

Алкашей охраняли без вышек. Заборы с колючей проволокой обходила ленивая, чуть не в тапочках домашних, охрана, без оружия и собак – нанимали туда мужиков со своим жильём, и в городках близких шахтёрских желающих на эту работу хватало с избытком. Звали их здесь дружинниками и привыкли видеть, как они слонялись вдоль заборов, наряженные, что пугала, в мешковатые, болотного цвета вертухайские мундиры. Но за заборами у них было устроено по-тюремному: бараки, нары, отряды, поверки, сроки... В роту как-то взяли взаимы из лечебки художника-алкаша. Расписывал ангелочками ленкомнату. Уморенный трезвостью, будто б голодом, ходячая скелетина. И он жаловался охотно всем любопытным, что сажают их в карцер и за каждую выпивку набавляют срок, хоть до самой смерти.

На пустыре росли дикие кусты колючки. Когда придумали играть по воскресеньям в футбол, их облили бензином и сожгли. По краям поля собрали из брёвён ворота, которые с того дня пугали сторонних людей своим видом, похожие на виселицы.

Тряпичный мяч гоняли босиком, летая без сапог по полю. Очень скоро добыли футбольный – дорогой, кожаный. В роте стали появляться у многих кеды. Офицеры закрывали на эти обновки глаза и не выясняли, откуда, на какие деньги. Зачуханных, опущенных поначалу брезговали пускать на поле. Разрешали только смотреть. Но если кто-то из них по случаю проявлял себя – здорово умел с мячом, то незаметно оказывался и он на поле; орал, толкался за мяч, гоготал, и все забывали, кто он такой, прощали его на один этот день. Всю неделю жили до воскресенья. А в оружейной комнате под замком и за решёткой хранился и пузатый чёрно-белый мячик. Там его прятали, чтобы не нарушал порядка в казарме, в углу за оружейным шкафом.

Играли тайком на порцайки, и эти игры на поле по воскресеньям стали всё одно что карточными. Играли с ротами, что по соседству, из Долинки и Сангородка. Был матч с командой зеков, которым очень гордилось начальство; отборная команда из солдат да офицеров билась с босоногой полуголой ватагой зеков. Из дивизии, из Алма-Аты, прибыл корреспондент окружной газеты – важный худой майор, с новеньким, как лакированным, фотоаппаратом на груди; играли в тот день и час, чтобы ему было удобно. Зеков привели из лагеря под конвоем. Их болельщики орал, но не в силах были докричаться, с крыш лагерных бараков. Половина солдат охраняла, сидели у кромки поля с автоматами. Но судил начальник лагеря – это должно было считаться их, заключённых, привилегией в этой игре. В роте перед тем довели до сведения солдат без шуток, что если заключённые лагеря их обыграют, то футболу больше не бывать. Зеки носились по полю чертями, матом валило от них, что дымом от огня, но конвойные, будто как в жизни, догоняли их да дружно теснили проскочивших к воротам отчаянных одиночек, а удары по мячу шарахали что выстрелы. В лагере эта победа солдат вовсе не родила беспорядков, чего опасалось начальство. Победу краснопогонников над собой там никогда б не признали – скорей бы сдохли, чем стать у них обиженками. Кто был у них за вратаря – того, бедолагу, верно, хоть тайком, но опустили. А солдат только задирали криками, что за порцайку наняты были с ними играть активисты да суки, а всем честным в подлость с легавыми иметь дело – и клали они на этот ментовский футбол!

В тот день до обеда тоже гонялись по полю. Сказали офицеру, получили из оружейки футбольный мяч. Баня пошла насмарку – все уже

были мокрые чернушным потом, купались в грязных облачках пыли. Солнце пекло шелудивые спины ровным суховатым жаром. Въевшись в кожу, горелый коричневый загар делал полуголых солдат похожими на мавров. Когда мяч мазал в никуда и сохлое поле без него вмиг вымирало, солдатня разбрелась. Всем было лень бежать за мечом. Морочила головы жара. Стоя в разных концах поля, орались друг с другом, выкрикивая что-то рваное, задохшееся, непонятное. Матерились. Кого-то заставляли бежать по его следу, и когда мяч выскакивал по полю, то вяло принимались катать его, будто б выдохся из него воздух, но вдруг зажигались, забывали обо всём – и он снова бешено метался да скакал.

Жара растеклась лениво, сладко по жилам. И в какое-то время стало казаться, что солнце поблекло, ушло глубже в потускневшее небо. Усталым людям и всё почудилось уставшим, прожитым. Солдатня ещё тлела разговорцами – обидами да руганью. Обсуждая, кто как отыграл, развалились, улеглись в траве на краю взбаламученного поля и глядели уж на него, будто б с берега на озерцо. Хотелось пить, стали грезить холодным лимонадом – всегда с поля и увиливали незаметно для офицеров в продмаг, скинувшись деньжатами. Но, чтобы сгонять на станцию, в этот раз не наскребли даже на пачку сигарет. Голодно подумали про обед, о жирных пахучих своих пайках. А до полдня надо было терпеть ещё долгие часы.

Дорога, что уходила к станции, пустынно зияла невдалеке у всех на глазах. Накануне обеда лагерная округа вымирала, не было слышно даже шума рабзоны, где ковали день и ночь селялки. Тихо доходяжничала и лечебка. Заборы из тифозных забеленных досок на том берегу успокоенного поля хранили унылое больное молчание.

Два человека проявились на гладкой песчаной дороге. Приближались со стороны станции, нарядно одетые, как нездешние. Но руки у них были пусты – не нагружены, как у многих приезжающих на свидания родственников. Они нетвёрдо шагали в обнимку, но строго и как-то слепо держались посередке. Дорога на их счастье была пуста. А они, казалось, ничего вокруг себя не понимали. Ветер горбил за их спинами чистые белые рубахи, с распахнутыми воротами, и обдувал старомодные брючки – расклешённые и блестящие гладкой, как антрацит.

Завидя неожиданно солдатню, человек отцепился от другого и пошagal напрямиком к футбольному полю; коренастый и бодрый, похожий на катерок. Поодиночке они обрели возраст, лица. За ним, за стариком, подался нехотя, бодливо тощий смуглый парень. Можно было подумать, что старик сорвался что-то узнать. Поэтому мало уже удивля-

лись, когда он подоспел. Крякнул: «Здорово, сынки! Как жизнь? Закурите наших с фильтром?» Солдаты здоровались и тянулись с охотой за сигаретками. «Да все их на хрен спалите! Небось, соскучились здесь по таким. Ну, служивые, как у вас, она-то? Жизнь?» – бодрился и бодрился старик. Солдаты глядели на пылающую, будто волдырь, картошину стариковского носа, чуяли хмельной кислый душок и невпопад глуховато отвечали: «живи ещё», «как у всех», «охота домой»... Дедок сунул руки в карманы, крякнул, встал перед ними горделиво и затянул разговор: «А я вот, сынки, служил на Ледовитом океане, во флоте! Лодка наша называлась "Камчатка", слышали такую? Год ходили под водой. Раз американца торпедой подбили. Ну! Американец нас вздумал к берегу своему за хвост утащить! Ну, мы и шамльнули... Потом кому трибунал, кого к наградам...» В мутных водянистых глазах вдруг крепенько сверкнула слеза. «Дайте, что ль, закурить... Эх, была жизнь!» Пачку сигарет, которой только успел одарить, неловко протянули обратно хозяину. «Да нет, сынки, палите. Я одну возьму, а больше не стану. Разрешаете?» Солдаты уже чувствовали что-то чужое. «А это сын мой! Василием звать. Сам меня отыскал. Признал, ото всех теперь защищает. Вон какой, тоже служил во флоте, – сказал торжественно старик, и крикнул нараспев, красуясь перед солдатами: – Васька, пен-тюх ты, швартайся к нашему причалу! Здеся нашенские все ребята, братишки! Ишь... Ревнует, обижается, что с вами курю. Ну цыганка, а не мужик. Вот и мать его этих была кровей. Это в неё чернявый такой. А от меня у него походка». Молодой парень стоял угрюмо в отдалении и чего-то ждал. От обиды он и вправду налился кровью, окреп, вытрезвил как железка – и бросился быстрым ходульным шагом к старику. Но у незримой черты снова встал и то ли в забытьи, то ли со зла отчаянно выпалил: «Батя, с кем ты разговариваешь, они же менты!»

Через минуту до поля донесло немирный гул, раскаты криков и топот. «Держи их, хватайте этих сук!» От лечебки бежала спущенная как с цепи свора расхристанных мужиков из охраны. Вертухаи лечебно-трудового лагеря кого-то ловили, гнали, и неясно было кого, будто б друг дружку.

Старик с парнем затихли, но не двинулись с места. Они стояли как наказанные. Солдаты повскакивали, но и растерялись, потому что эти двое даже не пытались бежать. Вертухаи высыпали на поле, их было четверо. Вдруг парень дрогнул и рванул куда-то в сторону, а на лету истошно заорал: «Батя, беги!» Старик тоже мелко задрожал и только протягивал к нему руки: «Сынок, сынок...» Тот почти удрал и выско-чил на пустынную вольную дорогу. И всю злость вертухаи обрушили

на старика. Его сшибли, стали лупить сапогами. Слышны были только стоны да мат. Потом его будто вздёрнули под локотки и поволокли. «Бляди... Падлы... Чтоб вы сдохли...» – жалобно ныл старик, чавкая кровью. «Поговори! – рыкнул от переживаний мужик, идущий позади – Тварь, алкаш проклятый!» «Баатяя! Уубьюу...» – раздался снова истошный вопль. На вертухаев летел взъярённый до сумасшествия парень, с булыжником в руке. Вертухаи пугливо скинули старика; они и солдаты бросились врассыпную. Парень швырнул булыжником. Бегущие опомнились, мигом повернули да покатали на него дружной радостной волной.

Старик так и валялся в пыли. Только смог перевалиться набок и, задирая башку, хрипел: «Бей, сынок! Моряки не сдаются!» Парня гоняли по пыльному махонькому полю, куда он сам себя заточил, затравливая как зверушку. Эта беготня длилась несколько крошечных минут. Он рвался на помощь к старику, не постигая, верно, что сам-то кружит и спасается от вертухаев да солдат. Кто-то сумел вцепиться ему в рубашку, она хряснула, и в кулаке остался только белый рваный клоч. Но уже успели – подсекли, сшибли, стали топтать. Пойманных алкашей скрутили ремнями. В драных замаранных рубахах, со скрученными за спиной руками, шатаясь от свинцовой тяжести побоев, они уже сами глухо побрели в лечебно-трудовой лагерь, понукаемые смеющимися над ними, подобревшими ни с того ни с сего мужиками.

После этой дружной работы к солдатам прилепился, как к своим, оставшийся перекурить вертухай. Одинокого нескладного мужика угостили из доставшейся на дармовщинку стариковской пачки. «Им бы только стакан, ничего святого у них нету... Алкаши проклятые! У нас эти свадьбы собачьи что ни день. Они ж никакие не родные, – пожаловался мужик, – Прикидываются, чтобы на радостях налили, а через неделю полагаются, разбегутся. А эти как удрали, не пойму! Спасибо, увидали мы с вахты, а то ищи их потом до утра. Свинья везде грязь найдёт. Бежать-то им некуда, до первой канавы. Но ты поди найди, где эта канава-то». Солдаты довольно посмеялись над жалобами мужика. Вся охрана эта была для них смешной – без вышек, без овчарок, без автоматов. Мужик заговорил про футбол, с тоской глядя на затаившийся в траве мячик. «Вот бы сыграть... А то делать нечего. Ну, чего, и у нас бы команда собралась, ещё вздуем вас, как щенят. Если что, мы и на деньги согласные. Червонец с проигравшего. Ну, чего жалеете? Поле ваше – деньги наши. Устроим с весны до осени свой чемпионат!»

Слово за слово мужику разрешили испытать мяч, ударить по воротам... Футболисты снова позабыли о времени и очнулись, когда на поле

прибежал запыхавшийся послушный солдатик, посланный напрямиком с плаца, где ждал их уже в строю меньший остаток взвода.

В шестом часу, гремя автоматами и пуская за собой по дороге мурторный пыльный дымок, отдохнувший за воскресенье взвод шагал бодро на зону. Казарма и двор осиротели без солдат. Но вскорости на той же дороге показался новый их строй – чуть озлобленных да усталых, тех, что только сменили после суток в карауле. Это воскресенье им было не в корм. Свой выходной они задарма разменяли на службе, а потому, может, и накопили злости. Так всегда бывало: повезло отдыхать в этот день первому взводу – значит, не повезло второму. Офицеры выгоняли из свежевыстланного убранства спального помещения, куда манила нетронутая чистота. От солдатского выходного на их долю осталось кино. Ленинскую комнату держали под замком и водили солдат раз в неделю, как в баню, когда крутили кино – и они сидели блаженно в темноте, в теплоте. Глядели на сверкающих актёрок и миры. А сами беззвучно засыпали.

«Очистим Россию надолго...»

Репрессии против инакомыслящих.

Конец 1921 – начало 1923 г.: Документы.

Под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова.

М.: МФД: Материк, 2008. 848 с.

(Россия. XX век. Документы)

Н.М. Волковыкий

Из записной книжки высланного

1. Арест и что было до него

В ночь на 17 августа они пожаловали ко мне на квартиру. Кто это «они», вы сами знаете.

Были корректны, обыскали поверхностно. Очень соблазнительно было пересмотреть книги, но их оказалось несколько сотен, а работы им предстояло еще много. Пришлось соблазн побороть.

Внимательно перелистали книжку, лежавшую на ночном столике. Что они рассчитывали найти в монографии Эрнста об Александре Бенуа, санкционированной В.Ц. (Военной цензурой), – они, вероятно, и сами не знали. Внимательно пересмотрели корреспонденцию. Для приличия забрали какие-то ничего не стоящие бумажки и составили короткий протокол.

На казенный вопрос, нет ли у меня каких-либо претензий, я должен был откровенно признаться, что, кроме недовольства самим фактом их появления ночью в моей квартире, я никаких претензий к своим гостям не имею.

Дальнейшее – по трафарету: «Одевайтесь, вам придется ехать с нами... возьмите с собой подушку, одеяло, какую-нибудь еду... денег и золотых вещей не берите...» и т. д. Автомобиль – и канцелярия на Гороховой, 2.

Кто из петербуржцев не знает этого «бытового явления» советской жизни. Не в первый раз за минувшие годы принимал я ночных посетителей и остановился на некоторых внешних подробностях августовского визита лишь потому, что очень уж отличаются нынешние манеры чекистских агентов от их же манер в 1918–1920 гг. и очень уж напоминают корректность столичных жандармов в столыпинские дни. Охранно-чекистский технический круг замкнулся уже давно. Замыкается теперь и психологический.

Пока автомобиль мчался на Гороховую (по дороге он стоял минут двадцать возле Литейного сада – комиссар арестовывал другого преступника), я обдумывал причины моего ареста.

Их могло быть две: либо какой-нибудь нелепый эпизод, вроде перехваченного случайного письма из-за границы, с которой я вообще не переписывался, но откуда нет-нет и приходило письмецо от какого-нибудь старого приятеля; либо грянул гром, которого я и многие мои друзья давно ожидали. Если верно второе, то, значит, наступил час расплаты за то, что в течение пяти лет мы не прислуживались власти, не лизали ничьих подошв, не продавали своих перьев, а открыто и честно, без всяких затаенных планов, далекие от всяких «заговоров», участвовали в сохранении остатков русской культуры. И тогда – арест надолго, тюремная камера – на многие месяцы, а там – суд, новый процесс по типу церковников, процесс ученых и литераторов, с циничными отчетами в газетах, с выворачиванием наизнанку грязными руками всей жизни, с плеванием в душу публично – на суде и за спиной – в газетах и с приговором тем более жестоким, чем нелепее и безграмотнее было бы обвинение в несовершенных преступлениях.

Первые часы ожидания в канцелярии на Гороховой подтвердили основательность второго предположения: состав людей, прошедших мимо меня в часы этого случайно затянувшегося ожидания в канцелярии, раскрыл карты правительственного «заговора» против группы ученых-философов и экономистов, против литературно-публицистической группы, которые и попали три месяца спустя в изгнание.

Любопытно несколькими штрихами наметить те пути, по которым шел этот нелепый «заговор».

Сперва он велся внешне неорганизованно: еще осенью 1921 года был отстранен от университетской кафедры гордость современной русской философии проф. Н.О. Лосский, которому вменялось в преступление философское признание Троицы. При отсутствии в России всякой гласности этот вопиющий факт – лишение университета одного из наиболее выдающихся профессоров – прошел никому не ведомым.

Зимой 1921/22 г. началась травля Дома литераторов в Петербурге и издававшегося им журнала «Летопись». В Москве изощрялись Сергей Городецкий и некий г. Литваков. Имя первого хорошо известно: на руках поэта еще видны следы чернил, которыми в «Огоньке» воспевалась икона Казанской Божией Матери, и из памяти вашей еще не исчезло его же «Сретение царя». Г. Литваков – бундовец, бывший сотрудник «Киевской мысли», теперь – большевистский лакей, работавший с салфеткой под мышкой в московской «Правде».

На страницах петербургской «Правды»¹ за легкое дело травли людей, всегда с пером в руках боровшихся с идейными противниками, имевшими возможность парировать удары тем же оружием, либо с врагом, вооруженным для ответа всем аппаратом правительственной власти, за легкое дело травли нас, у которых привычное оружие было выбито из рук, взялись хулиганы от советской журналистики: лидерствовал г. Сафаров, газетный жаргон которого был бы уместен в грязном притоне, где собираются громилы и взломщики, а карьеру на этой линии наименьшего сопротивления делали – бесшабашный газетный лихач Дан, Гессен и старый, потерявший и юмор, и последние остатки совести фельетонист О.Л. Гор; а за ними шли: Вас. Князев, Вл. Воинов и т. п. продажные перья.

Без отдаленного подобия каких-либо обвинительных материалов в руках эти резвые мальчишки своими безграмотными писаниями нагнетали ту атмосферу глухого озлобления против начинавшей возрождаться литературы, против отдельных лиц, против наших журналов, против Дома литераторов, все четыре года своего существования стоявшего в стороне от политики и на строго и честно-профессиональной почве защищавшего писателя, его интересы, его нужды, его попранные человеческие и литературские права.

Презренная демагогия, глухая зависть малограмотного писца к образованному человеку; зависть людей, бессильных создать что-либо в условиях величайшего фавора² к людям, нечто создавшим в условиях гонения; затаенная ненависть ренегатов к преданным ими старым друзьям – все смешалось в этой травле.

А демагогическим слоям правящих верхов эта работа была ценной услугой: она подготовила им успех во всех пленумах ВЦИКа, губисполкомов и пр. в момент их нападения на фронте «идеологических врагов».

¹ Здесь и далее имеется в виду «Петроградская правда».

² Так в документе.

Затем разгромили Объединенный совет высших учебных заведений: здесь, мол, свила гнездо оппозиция тому, что сейчас в России лицемерно называется «реформой высшей школы» и что на самом деле является полным разгромом.

Тем временем карьеристы из маргариновой профессуры, при содействии Гредескула, бывшего доцента г. Святловского, еще прежде хорошо сочетавшего свою левизну с управлением делами герцога Мекленбургского, и т. п. господ, создали т. н. «левую профессуру», где немногие честные люди уже начинают задыхаться в атмосфере провокации и обдeldывания своих делишек. Всякий неуч получает кафедру ценой вступления в эту организацию.

И вот в этой обстановке невиданного в самые темные дни царизма подлаживания профессуры к власти карьеристы из неучей ведут свою подпольную работу по выживанию заслуженных ученых, ибо только в их отсутствие эти проходимцы от науки могут получить кафедры. Имена гг. Лемке, Боричевского и др. займут почетное место на этих страницах истории вырождения русской профессуры.

Наконец, бельмом в глазу торчали экономисты, спокойно и с официальными цифрами в руках вскрывавшие лицемерие власти и ее бессилие в придании разным хозяйственным блефам вида реальной спасительной политики.

И здесь для карьеристов, провокаторов и демагогов открывались широкие горизонты.

По этим путям, напоминавшим берлинский *Untergrund*³, то скрываясь в подземелье закулисных нашептываний и доносов, то появляясь на поверхности советских газет и журналов, шли «заговорщики», и мы ждали грозы.

Аресты в ночь на 17 августа, предшествовавшие или следовавшие за ними закрытия разных журналов – литературных, философских, экономических, беззастенчивые речи г. Зиновьева, цитировавшего даже отрывки из статей, не пропущенные цензурой, – все это и было тем громом, который разразился над нами в середине августа и последним – для нас, по крайней мере, – раскатом которого была наша высадка в Штеттине во второй половине ноября.

17 августа утром мы все встретились в общих камерах на Гороховой, 2, а восемь дней спустя, в 6 ч. утра, окруженные красноармейцами, с мешками и чемоданами, нестройными рядами шли по набережной Невы, мимо Летнего сада, в Дом предварительного заключения.

³ Подземелье, подземка (нем.).

2. Тюрьма

– Агаша, ставь скорее самовар! Живее! Подавай барину чаю! – это – «общая камера» встречает вновь прибываемого арестанта.

Камера развлекается. Ей скучно. Тесно. Когда мы сидели, духоты особенной не было: на дворе стояла чудесная петербургская ранняя осень – теплые солнечные дни, почти без дождя, дивные звездные ночи, безветренные, задумчиво-ясные.

Но в двух комнатах, под сводами, рассчитанных человек на 60–65, скучено 126. Так было в наши дни.

В камере скучно и тесно. Свиданий на Гороховой не дают, а сидят месяца по 2–3. Допрашивают редко. Подчас недель по шести сидят без допроса даже и теперь, на заре жизни советского Уголовного кодекса.

Книг не дают. Газет тоже. Каким-нибудь чудом попадает случайный газетный лист. Откуда? Как? Непонятно. Тайны тюрьмы.

Опытный старый арестант, советский рецидивист приспособился, изловчился. Даже бреют на Гороховой, хотя вы не имеете права принести с собою тупой нож для хлеба. Бритвы не видно: бреют ножом, за фунт хлеба, за пару яиц или кусок пирога из «передачи с воли».

Время от времени обрушивается обыск: всех загоняют в маленькую комнатку, где вы третесь о вшивые лохмотья каких-нибудь несчастных, заброшенных людей. В пустых камерах роются в подушках и чемоданах. Вылавливают, при удаче, один нож, два карандаша (тоже контрабанда), пять номеров старой советской газеты. А впуская арестантов обратно в камеру, обыскивают и их.

Противная, бессмысленная операция, от которой остается мутный, тошнотворный осадок, а во время обыска всегда смутная тревога: не столько за себя, сколько за сохранение сложившегося быта камеры, с которым сживаешься в два дня.

Но для нетребовательной камеры и обыск – развлечение. Она издевается: неужели начальство думает, что перехитрит камеру?

Смешно.

Камера приняла нас удивительно радушно и тепло. Через час уже все знали, что привели «профессоров».

Под профессорской кличкой жили мы все три месяца: и само ГПУ, и обе тюрьмы, и губисполком Петросовета объединили ученых, литераторов, педагогов, инженеров в одну «профессорскую» группу.

Тюрьма приняла нас хорошо, приветливо, с уважением, с готовностью помочь во всех мелочах тюремной жизни. Она приходила слушать «умные» разговоры, приносила кипяток, гордилась «своими профессорами».

Состав тюрьмы – величина переменная. В августе, сентябре и октябре, когда мы сидели, он был любопытен. Доживали свои последние дни «фальшивомонетчики». Ни у одного из них на совести нет ни одного фальшивого советского рубля – не только металлического, но даже и бумажного. Это просто люди, менявшие в Государственном банке сто и пятидесятиmillionные советские бумажки, оказавшиеся при экспертизе фальшивыми. И из банка – прямой переход на Гороховую, франко-общая камера.

Там «фальшивомонетчик» сидел две – четыре – восемь – десять недель. Срок – дело счастья. Лотерея. Среди них при мне были: актер с садовой открытой сцены, торговец среднего достатка – милейший человек, лет 50, семейный; молодой рабочий, недавно приехавший из провинции, – сделал любезность своему квартирному хозяину, побегал в Госбанк менять, а жена его, вместе с владельцем бумажки, ждала его на базаре. Ждала она его долго: при мне он сидел четвертую неделю.

Допрашивают их по определенному трафарету и без той жандармской куртуазности, с которой нас всех обыскивали.

Колесико за колесиком цепляются имена таких же ни в чем не повинных людей; эти новые люди втягиваются в орбиту чекистского внимания, и тянется длинная, нудная канитель допросов, обысков, попыток создать дело о шайке.

Проходят недели, подчас месяцы – и «фальшивомонетчик», выбитый из жизненной колеи, оторванный от семьи, измученный недоеданием, сидением на Гороховой без прогулок, лежанием на твердой наре, вдвоем с чужими людьми – грязными, нередко вшивыми – выпускаются на свободу, «за отсутствием вины».

Теперь мода на фальшивомонетчиков как будто проходит: потому ли, что всякая мода преходяща, или потому, что для размена такой бумажки, как 100 миллионов, незачем идти в банк, а можно разменять ее в любой лавчонке, – не знаю. Но осенью десятки людей сменяли друг друга в тюрьме по делу о фальшивых бумажках.

Вторая категория – это «церковники»: епископы, священники и люди разного рода и звания.

При мне их было на Гороховой не очень много, но на Шпалерной, в Доме предварительного заключения, я видел их в большом числе; все время привозили новых, и все время шли высылки их на восток.

Я был несколько раз на процессе церковников (дело расстрелянного позже митрополита Вениамина); пришлось мне перекинуться несколькими словами с церковниками и в тюрьме. Не знаю, быть может, существуют какие-нибудь организации, связанные с Церковью и

борющиеся с властью; быть может, это такой же бред, как тот, жертвою которого стали мы – я далек был от этих кругов. Но одно для меня ясно: в тюрьме по делам церковников сидят толпы людей, виновных лишь в том, что они ходят в церковь или случайно знакомы с теми или иными скомпрометированными священниками.

И этих людей, представляющих собою в общей массе бесформенную мешанину из попов, купеческих жен, интеллигентов всех видов, приказчиков и прачек, высылают в Сибирь на холод и голод, высылают по каким-то одному лишь ГПУ ведомым обвинениям.

Затем идут рабочие. Здесь тоже все переплелось в туманный и своеобразно благоухающий комок. Нелепо сажают бывших с-ров⁴, нередко давно уже официально вышедших из партии. Любят сажать рабочих-кооператоров (это уже кандидаты на высылку в Сибирь).

Мы сидели в дни подготовки выборов в Петросовет; ясно, что в тюрьме сидят неугодные рабочие, которые имеют шансы проскочить в Совет или, еще чаще, могут, по мнению ГПУ, оказать на рабочих влияние во время выборов.

Сажают их по обычному советски-казенному образцу: по каким-то старым спискам, партийным или иным – это тайна чекистской кухни. Но факт тот, что время от времени сажают одних и тех же людей, которые и отбывают 3–4 месяца очередного тюремного заключения. За последнее время дело осложнилось: высылка на восток и на север применяется в такой же степени к рабочим, как и к интеллигентам.

В свое время, если память мне не изменяет, перед последним съездом Советов, в казенной печати появились подробные тезисы с комментариями по вопросу о том своеобразном положении, в котором оказались в пролетарском государстве рабочие, занятые частью в казенных, частью на частных заводах. Эти тезисы и комментарии имели целью – с одной стороны, вывести из неловкого положения пролетарскую власть, самое эксплуатирующую одних рабочих и отдающую арендатору в эксплуатацию других.

Практика уже показала, что в конечном итоге гг. комментаторы имели в виду: они дают рабочим частных заводов на подмогу в борьбе с частной эксплуатацией всю устрашающую и карающую силу судебного и гласного административного аппаратов власти, в то же время обращая всю уничтожающую тяжесть негласного аппарата ГПУ на рабочих, работающих в «своих» заводах на «свою» социалистическую власть.

И в тюрьмы время от времени доставляются партии «на себя» работающего пролетариата.

В чем же их преступления против рабоче-крестьянского правительства?

Самое главное и самое тяжкое: требование своевременной уплаты заработанных денег.

Вы смеетесь? Напрасно. Само предъявление таких требований, вызываемых постоянными запозданиями выдачи денег, есть крамола.

А подтверждение этих требований угрозой забастовки или приостановкой работы есть открытый бунт против власти «злостных врагов».

В тюрьме я видел этих крамольников, разговаривал с ними.

Но этими группами не исчерпывается «личный состав» русской тюрьмы в наши дни.

3. Тюрьма и высылки

Есть еще три категории тюремных сидельцев в Петербурге: социалисты, перебежчики через границу и близкая к ним группа шпионов (они же, быть может, и участники антисоветского заговора).

Социалисты (к ним же ГПУ относит и анархистов) – аристократы тюрьмы. Они сидят в Доме предварительного заключения в особом коридоре, именуемом «политическим». Гуляют два раза по часу, в то время как все простые смертные, т. е. «беспартийные», рабочие, взяточники, профессора, налетчики, литераторы, не очень опасные шпионы, перебежчики и сомнительные заговорщики – одним словом, тюремная шпана – пользуются лишь получасовой прогулкой.

Социалисты получают вместо общего для всех фунта хлеба в день – полтора и даже, сверх воды с горохом и костями от рыб, – целую седледку ежедневно.

До осени 1921 года они даже сидели в незапиравшихся камерах, общались друг с другом, устраивали чаепития и диспуты, иногда даже с участием арестованных женщин-политических. Но рабоче-крестьянское социалистическое и федеративное правительство нашло, что это чересчур: тюрьма может стать слишком заманчивой для с-ров и меньшевиков, не хватит места для всех желающих – и чрезмерные вольности ликвидировало.

Одновременно с нами в «политическом» коридоре сидело человек 40–45. Видел я там меньшевиков, занимавших ответственные должности в советских учреждениях. Видал людей, давно уже прекративших всякую политическую борьбу. Видал и юнцов, которых юность лишила возможности иметь революционное прошлое.

С социалистами расправляются круто: высылка на север и на восток. Ведут они себя в тюрьмах весело, даже буйно, протестуют, всегда чего-нибудь требуют, объявляют голодовки.

Обращаются с ними сравнительно бережно.

Голодовок чекистские тюремщики, как и царские, не любят. Уговаривают есть. Но абсолютного действия голодовки не имеют: можно голодать и ровно ничего не добиться.

Не любят и самоубийств. О, как не любят! Волнуются, бегают, шепчутся и скрывают от арестованных. А при нас было три самоубийства: говорили, будто какой-то чекист арестованный повесился; кто-то вспорол себе ножом живот (его стоны доходили до наших камер); третий бросился с галереи в пролет. Имена их тщательно скрывали, и все попытки заговорить об этом с дежурными надзирателями были напрасны.

Тюрьма – место спокойное, и не любит она нарушения своего покоя.

Перебежчики через границу – это очень многообразная и чрезвычайно многолюдная категория: и врангелевский офицер, и студент русского университета, и мальчик, перебежавший, чтобы повидать свою мать, и уголовный, скрывающийся от латвийской или эстонской полиции, и стосковавшийся по родине матрос – участник Кронштадтского восстания.

Некоторых ловят на границе, некоторые сами являются к местным советским властям; судьба у всех одинаковая – тюремная отсидка. Наводятся справки, время от времени допрашивают, обещают освободить «на днях» и держат, держат без конца.

О чем справляются? О прошлом, о родных, о разных, одному лишь ЧК ведомых вещах. А главное – не шпион ли вы? Чей – иностранный? Белогвардейский? Это не важно. Но всякий человек, живущий вне РСФСР, – в потенции шпион.

Люди тянутся из тюрьмы в тюрьму: из Минска в Смоленск, из Смоленска в Витебск, из Витебска в Москву, из Москвы в Петербург. По дороге одетые, обутые люди превращаются в оборванцев. Я видел их в тюрьме – без сапог, без шапки, в рваной рубашке, в рваных, заштопанных летних штанах.

Провинциальная тюрьма ворует, грабит. Раздевает арестанта ночью, в темноте, во время сна, обирает до нитки, до последней пары старых носков. Обирает до последнего куска хлеба.

Это – тюрьма рецидивистская, погромная. Тюрьма взломщиков и налетчиков.

Помню, ночью в общей камере среди полумрака закрытой газетным листом электрической лампочки сижу на краешке чьей-то нары. На полу,

прислонившись к колонне, заменяющей подушку, растянулся славный молодой парень; вместо матраца – рваные штаны; крепкая грудь не закрыта лохмотьями рубашки. Нищ и наг. Настроен бодро, весело. Только весь, как струна, натянут. Щеки впалые, глаза живые, беспокойные.

– Пятый месяц, – говорит, – по тюрьмам. Сперва зачем-то в Польшу отвезли, там опять арестовали, обратно отправили. Вот так и шатаюсь по тюрьмам. А где конец? Не видать...

И улыбается.

– Чего ж вы смеетесь?

– А потому – отдыхаю. После провинциальной тюрьмы отдыхаю. Вот посидели бы вы в Минске, в подвале, так нарадовались бы, здесь кормят-то как...

– То есть как кормят? Прескверно кормят.

– Избалованы вы, видно. Здесь суп ешь – одно удовольствие. И горох в нем, и селедка плавает. И не воняет. А в Минске как внесут ведро с супом в камеру, так даже вонь от параша – и ту заглушает. А у нас в общей камере параша стояла. Там по полу ходить нельзя было; весь в грязи. А на полу спали: мест на нарах не хватало. Там набито, как сельди в бочке. Да и бывали недели, что по полфунта хлеба на два, на три дня давали. А здесь – фунт в день.

Видел в тюрьме корниловского офицера. Интеллигентный человек. Вернулся в Россию. Разочаровался, говорит о пережитом и виденном с отвращением. Четыре месяца странствует по тюрьмам. Пиджака, брюк, сапог и носков не имеет: частью обменял в тюрьмах на хлеб, частью украли. Рубашка – без рукавов – лохмотья. При мне один рабочий, перед выходом, подарил цельную рубаху.

Скоро должны освободить. В Петербурге у меня родные. Не знаю просто, как явиться в дом – босым, в нижнем белье.

Шпиономания – это чекистская болезнь, пережиток Гражданской войны. Эстонцы, гимназисты, бегущие с окраин на родину, бывшие офицеры, школьные учителя – все сидят в ожидании, пока выяснится, что они не шпионы.

И месяц тянется за месяцем. Помощи, передач, платья – ниоткуда. Письма почти никогда не доходят. Заброшенные, жалкие люди.

При мне латвийская миссия проявила интерес к латвийским уроженцам: время от времени присылала им небольшие передачи...

Вечер. В камере темно. Только на стене яркое пятно от дворового фонаря, и на нем четкая тень оконной решетки. Тюрьма не спит, в коридоре гулкие отзвуки чьих-то торопливых шагов.

Вскакиваю с койки, прижимаюсь к двери. Где-то звонко щелкают тяжелые дверные защелки. Неясный гул голосов. Беготня, суетня в коридоре. Отправляют в ссылку? Кого? Знакомых или чужих? Откуда-то шум... как будто крики... много шагов по лестнице... гул голосов... Все смолкло. Снова мертвая тишина. Как магнит, приковывает к себе светлое пятно на стене с четкой тенью решетки. Засыпаю поздно, тревожно.

Утром на прогулке узнаёшь, в чем дело: вчера выслали новую партию. Пришли в камеры, велели в темноте «сложить вещи», привели в канцелярию и там сообщили: на вокзал, оттуда в Оренбургскую губернию, в Тюмень, в Уфимскую, в Архангельскую, в Семипалатинскую область. Как-то провели «политические», что высылают без предупреждения – и подняли в камере шум и крик.

Довольно обычная картина: «собирайте вещи – и в ссылку». Семья узнает дня через два. Иногда семью предупреждают за день, за два: дают подряд два-три свидания, позволяют прислать в тюрьму теплые вещи. Высылают обыкновенно без права жительства в губернских и уездных городах, на железнодорожных станциях, в фабрично-заводских местечках. И тянутся по проторенным царским дорогам эшелоны социалистов, рабочих, кооператоров, агрономов, «церковников» – этой особой разновидности советских граждан. Тянутся в глушь, в холод, на голод. Тянутся, отданные во власть местных ГПУ.

Но тюрьма не пустует: на место десяти ушедших приводят двадцать новых. И все теснее становится в камерах. Зима наступает. Сыро, душно и зябко...

В этой атмосфере мы прожили в тюрьме два месяца.

4. Три буквы

Когда нам объявили, на завтра же после ареста, что нас высылают за границу, многие из нас не поверили: какой смысл? Кому это на руку? Что это за невиданная доселе гуманность?

Некоторые были в отчаянии: на какие средства ехать? На что жить за границей? Кому в Европе нужна эта кучка философов, экономистов, литераторов?

Да и какой смысл в подписке о «добровольном выезде»? Многие, и я в том числе, отказались выдать такую подписку. Хорош «добровольный выезд» по распоряжению ГПУ!

– А если я не соглашусь на отъезд за границу? Следовательно корректно отвечает:

– Вам придется ехать на Восток...

Ах, так! Тогда и раздумывать нечего. Понятно, на Запад: там тоже невесело, но там я, может быть, не умру с голода, да и там нет этих трех букв: ГПУ. Конечно, мы свыклись с ними, они вошли в жизнь. Вы даже порою начинаете забывать о них. Но вы не знаете, что такое истинный покой, когда вы живете бок о бок с ГПУ.

Я встречаю за рубежом людей, которые по два-три месяца, после отъезда с родины, вздрагивали при шуме автомобиля. Лучше на Запад, в эмиграцию, которая казалась мне такой чужой, не понимающей нас, нашей жизни, оторванной от души России и забывающей ее любимой родной лик.

Но подписывать фальшивую бумажку о «добровольном» выезде я не согласен. Пишу: «В случае предъявления мне со стороны власти требования о выезде за границу обязуюсь этому требованию подчиниться» и т. д.

Следователь морщится: ему дана другая инструкция. Он – этот безусый юноша с элегантным пробором до затылка – сам ведь пешка в руках начальства. Он не доволен редакцией, но я отказываюсь изменить ее. Приходится бедному мальчику подчиниться.

К чему расписка? Нет ли здесь провокации? Вся эта нелепая версия о загранице многих из нас толкнула на мысль о провокации.

Я говорю следователю:

– Если вы отбираете эту подписку, чтоб на суде кричать, что «русская интеллигенция, как только ей показали щель в Европу, сразу жадно бросилась в нее», то я потребую вызова вас в суд, и вы, если вы честный человек и честный коммунист, должны будете заявить, что я, как и многие мои товарищи по камере, против принудительной поездки за границу решительно протестовали...

Молодой человек в щеголеватом френче и с прилизанным пробором улыбается. И он был прав: что могло быть наивнее предположения, что он – следователь ГПУ – будет вызван в суд для нашей реабилитации?!

Нелепая и подозрительная расписка – финальный аккорд не менее нелепого «допроса».

Меня вызвали к следователю 12-м или 13-м из нашей группы. Я знал уже трафарет ожидавшего меня.

«Ваше отношение к Савинкову?»

«Ваше мнение о реформе высшей школы?»

«Ваши соображения о задаче русской интеллигенции?»

«Ваше отношение к сменовеховскому движению?»

И – pour la bonne bouche⁵, так сказать на закуску:

⁵ Здесь – в заключение (фр.).

«Ваше мнение о будущем русской эмиграции?»

Все эти вопросы следователь задавал полулениво-полускучая. Они, очевидно, ему самому надоели. Да и глупость их была, по-видимому, ясна и этому молодому человеку, рабочему из «нахватавшихся» и на-тасканных в чекистской студии.

Скучно было и мне отвечать на них. Беседа тянулась долго: не хотелось торопиться в камеру. Но последний вопрос был уже слишком нелеп.

– К чему он? – спрашиваю я. – Ведь, чай, ответ неинтересен не только вам, но даже мне самому.

– Будьте добры ответить.

– Обязательно?

– Обязательно.

– Извольте: часть эмиграции умрет за рубежом, часть когда-нибудь вернется в Россию. Вас удовлетворяет такой ответ?

Юноше хочется улыбнуться, но он сдерживается: положение обязывает.

– Напишите, пожалуйста.

Пишу, подписываю «показания».

И в ответе – предъявление обвинения по 57 ст. нового Уголовного кодекса: борьба с советской властью, особенно энергичная в наиболее для нее тяжелое время и пр., и пр.

Спор, еще на 10 минут отдаляющий возвращение в камеру; заявление о высылке, разрешение взять с собой семью; уверения, что правительство не только даст паспорта, но и раздобудет иностранную визу; предоставление выбора любой страны и твердое обещание освободить через 3–4 дня «для устройства дел перед отъездом». Возвращаюсь в камеру точно из кинематографа, где смотрел фантастическую фильму.

Нелепость? провокация? издевательство? Не можем разобраться в этом сумбуре. Ничему не верим. Не можем разобраться, хорошо это или плохо? глупо или умно? правда или ложь?

Скорее всего, ложь и провокация. Но смысл их где? К чему? На что провоцируют? Хорошо лишь одно: через несколько дней на волю.

И потянулись дни за днями. Пошла вторая неделя. Перевели в другую тюрьму: значит, плохо дело – надолго заладила волюнка. Значит, ложь: никакой высылки, а надо готовиться к процессу.

На 50-й день выхожу на свободу. Неожиданно, один: часть освобождена была раньше, часть осталась в тюрьме.

С тюрьмой свыкаешься в Советской России быстро: с мыслью о ней еще на воле живешь изо дня в день. Свобода ошеломляет: не скоро вступишь в ее колею.

Не стоит вспоминать всех бесконечных хлопот, связанных с отъездом: хождений в ГПУ, в таможенный округ, в цензуру, в Госбанк. Куда только не приходилось ходить! А друзья сидят и томятся в тюрьме. Как-то стыдно, неловко за свою невольную свободу.

17 ноября, рано утром, от мертвой еще набережной Невы, за Николаевским мостом, отчалил наш пароход. Миновали гавань, обогнули Кронштадт... спустили с борта каких-то людей в кожаных куртках на пограничной морской линии...

Три буквы – ГПУ – ушли в прошлое. Они остались на родине.

Пять лет прожить в Советской России. Пережить пять советских лет в зиновьевской вотчине. Месяцы террора Урицкого. Дни кровавого зарева, возженного над его могилой обезумевшими большевиками, пятьюстами жизней отомстившими за одну. Мрачные дни подступа Юденича – и новые потоки крови после его отхода. А полтораста «красных юношей», посланных в отряде «особого назначения» против его танков и оставшихся под их давящими колесами?

Голод и стужа. Каждый день новая смерть любимых, близких, родных людей. Эти похороны на ручных санках, в разлезавшихся, едва сколоченных, нетесаных гробах. Юноши в саванах, пробирающиеся среди снежного моря к неприступным твердыням Кронштадта.

А перед тем – расстрел Гумилева, с которым еще несколько месяцев тому назад жил в одной комнате, неразлучно, в Доме отдыха и в чудесные лунные ночи, на тихом берегу Невы, слушал его медно-литые стихи...

А после Кронштадта – сотни новых смертей, целые легионы цветущих, жизнерадостных, отважных матросов безропотно, во имя «Советов без большевиков», шедших на расстрел.

Упали под пулями и точно сорвали в пропасть нависший крутой утес – и помчалась, казалось, мертвая жизнь, помчалась живая, не удержимая, еще страшная, как скелет, но горят глаза, больные, воспаленные, полные жажды жизни, безумной, развратной, хищнической и безжалостной, но жизни, которой не убили страшные, жуткие пять лет.

Пусть на мгновение потухает в них огонь, но он вспыхивает вновь, гаснет опять и еще, быть может, не раз вспыхнет, не раз погаснет, но открылись глаза Жизни, которых мы не видели пять долгих лет, из которых каждый стоит века... И в эти минуты, в эти часы – мы в изгнании.

Отечественные записки. № 41 (2) 2008.
Тема номера: Тюремная составляющая

Сергей Пашин

Суд и тюремное население

У вас, гг. коронные судьи, масса опыта – не к вам слово мое: не напоминать вам, а учиться у вас должны мы...

*Ф.Н. Плевако,
из речи в защиту коншинских рабочих
12 декабря 1897 года*

Колебания численности заключенных в России вызывают в памяти школьную задачку о бассейне и двух трубах: в одну вливается поток, из другой вытекает ручеек. Тюремное население сокращается с очередной амнистией, но затем, будто природа и впрямь не терпит пустоты, камеры обживает пополнение. В последние два десятилетия количество заключенных перехлестывало за миллион человек, но теперь стабилизировалось в пределах 800–900 тыс., включая арестованных предварительно, которые до судебного приговора не считаются преступниками и пользуются статусом невиновных лиц. В 1992 году, когда судебная реформа в стране, опиравшаяся на одобренную постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года Концепцию¹, только набирала обороты, за решеткой находились 425,1 тыс.

¹ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992.

наших сограждан, а в 1996 году – уже 745,6 тыс., причем тенденция роста сохранялась². По состоянию на 1 сентября 2007 года в учреждениях УИС содержалось 886,4 тыс. человек, из них в СИЗО – 156,2 тыс., в воспитательных колониях – 11,8 тыс. несовершеннолетних; в колониях находилось 63,7 тыс. осужденных женщин³.

Великий перелом

По-видимому, гуманные побуждения правозащитников и некоторых представителей власти, желающих сократить в Отечестве зону несвободы, сталкиваются с мощным и постоянным противодействием, сводящим на нет все их усилия. Когда же возник этот неблагоприятный фактор? Всплеск репрессий и, соответственно, рост числа узников более чем на порядок пришелся на годы советской власти. Если в 1898 году на каждые 100 тыс. жителей приходилось 66 заключенных, то в 1930-м – 106, а в 1941-м – уже 1120, в 1950-м – 1400⁴.

Объяснения столь грандиозного изменения карательной практики очевидны: во-первых, после Октябрьской революции поводом для репрессий стали не деяния человека, но его классовое происхождение и нелояльность режиму («мыслепреступления», как это определено в оруэлловской антиутопии «1984»); во-вторых, модернизация экономики осуществлялась за счет ограбления, вытеснения с насиженных мест имущего (и малоимущего) населения и привлечения к рабскому труду миллионов людей.

Разумеется, сломав старую государственную машину, большевики целенаправленно сконструировали заменившие ее карательные органы, адекватные государственной политике. В том числе суды. «Мы отрицаем... возможность существования в государстве какой-то особой судебной политики в отличие от общегосударственной политики», – утверждал видный теоретик и практик социалистического «правосудия» А.Я. Вышинский⁵. Классовая юстиция, выполняющая госзаказы, составляющая одно целое со «смежниками» из органов госбезопасности, милиции, прокуратуры, отчасти адвокатуры, породила определенные технологии уголовного преследования и специфическую де-

² Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М.: PRI, 2000. С. 18–19.

³ Статистика УИС России // Неволя. 2007. № 13. С. 31.

⁴ Тюремное население России и других стран: Проблемы и тенденции / Сост. В. Ф. Абрамкин. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2003. С. 26.

⁵ Вышинский А.Я. Судостроительство в СССР. М., 1936. С. 117.

магию. Видный партийный деятель и советский прокурор Н.В. Крыленко писал: «Карательная политика пролетарского государства должна строиться в первую очередь на неуклонном проведении классового начала. Это начало должно реально ощущаться на всех этапах, через которые проходит борьба с преступником, с момента совершения деяния до момента отбытия наказания»⁶. Разъясняя порядок применения Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, совхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», в просторечии именуемого «закон о колосках» или «закон семь-восемь», Н.В. Крыленко напутствовал нижестоящих коллег по террору: «Всякому, кто покушается на общественную собственность, если это будет выходец из враждебной среды, – расстрел. Если это вовлеченный в кулацкую компанию... единоличник или колхозник – 10-летнее лишение свободы»⁷.

Конечно, система кровавого подавления поддерживалась не только свирепостью «правоохранителей», но и средствами идеологического обеспечения, одним из которых было советское правоведение. В книгах красной профессуры подчеркивался политический характер профессии юриста, право сводилось к воле государства (режима), обосновывалась необходимость применения особых мер к врагам народа, проводилась идея неотвратимости уголовной ответственности, клеймилась «реакционная сущность буржуазного уголовного процесса», демагогически ставилась нереальная задача «перевоспитания» преступников при изоляции их от общества⁸. Успехи зомбирования были потрясающими, и особенно выпукло они проявились даже не в монографиях ученых и курсовых работах их студентов, не в приговорах и постановлениях юристов нового типа, а... в лагерном фольклоре 30-х годов XX века. Всем известны строки из безысходных зэковских песен: «Будь проклята ты, Колыма, / Что названа чудной плане-

⁶ Крыленко Н.В. Всероссийский съезд деятелей советской юстиции: Основные моменты // Право и жизнь. 1924. № 3–4. С. 113.

⁷ См.: Советская юстиция. 1933. № 3. С. 26.

⁸ Ст. 43 УК Российской Федерации 1996 года упоминает среди целей наказания «исправление осужденного», но не его перевоспитание. Однако Верховный суд РФ продолжает по инерции требовать от нижестоящих судов сеансов показательного правосудия, оказывающего «воспитательное воздействие» на население (п. 3 постановления Пленума Верховного суда РФ от 7 февраля 1967 года № 35; п. 18 постановления Пленума Верховного суда РФ от 17 сентября 1975 года № 5 и др.). Оба постановления, на которые дается ссылка, изложены в редакции постановления Пленума от 6 февраля 2007 года № 5, т. е. не являются «преданьями старины глубокой».

той!.. / Там смерть подружилась с цингой, / Набиты битком лазареты»; «Нынче осталась одна Колыма, / Рядом – Охотское море. / Грусть, одиночество, лагерь, тюрьма / И беспредельное горе». Но среди политических и блатарей, воздвигших нерукотворные памятники ГУЛАГу, нашелся и энтузиаст, пустивший в оборот такую песенку: «Я живу близ Охотского моря, / Где кончается Дальний Восток, / Я живу без тоски и без горя, / Строю новый стране городок!»

Сталинские времена вроде бы давно канули в Лету, но изменить сознание людей, властные структуры и технологии не так легко, как выбросить старые календари и обновить гербы и флаги. Независимые от народа карательные органы и традиционные для них приемы «производства истины», сводящиеся к широкому использованию агентуры и выколачиванию признаний; зависящие от начальства и проводящие политику верхов суды, управляемые бюрократическими методами, как и любое другое подразделение госаппарата, а потому не оформившиеся в органы судебной власти; обвинительный уклон в деятельности судов, закрывающих глаза на фальсификацию доказательств «смежниками» – следователями, дознавателями, прокурорами; инфраструктура неволи (тюрьмы, колонии, теснящиеся вокруг острогов поселки вольнонаемных) – все это несомненно является наследством советских времен, которое позорно сохранять, но «жаль выбросить». Лишь продажность судей – не столько унаследованное, сколько благоприобретенное качество современной судебной системы⁹.

Интерес права и право интереса

Провозгласив свою приверженность общечеловеческим ценностям, а затем, в Конституции Российской Федерации 1993 года, и началам естественных прав человека, власти России не демонтировали механизмы подавления и обслуживающие их идеологические институты, включая советскую юридическую науку и систему высшего юридического образования, в особенности – «кузницы кадров» для силовых ведомств. Существует разрыв, похожий на оставшуюся от землетрясения трещину, между тем, что говорят российские юристы, и тем, что они делают для власти из страха, по привычке, из карьерных либо верноподданнических соображений.

⁹ В результате проведенного по инициативе Верховного суда РФ социологического опроса было установлено: «22 процента опрошенных убеждены в коррумпированности судов, 42 считают, что судьи берут, но не у всех, и только 13 процентов оптимистов все еще верят в неподкупность служителей Фемиды» (*Шаров А.* Судей хотят рассекретить // Российская газета. 2007. 26 апреля. С. 7).

На 100 тыс. населения в России приходится 532 заключенных – показатель, сопоставимый с США (714), Кубой (487), Туркменистаном (489), Беларусью (532)¹⁰. Невидимый поток, проворачивающий юридические жернова с бурных советских времен, до сих пор не ослабел. Почему? Самый простой ответ лежит на поверхности. В России разоблачающими и стерегущими профессиями кормится огромное число людей (не считая добровольных и оплачиваемых стукачей). Штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы составляет 355,3 тыс. человек; их медицинское обслуживание осуществляют 47 учреждений здравоохранения – центры реабилитации, больницы, санатории; кадры для УИС поставляют пять ведомственных вузов и семь филиалов, два колледжа; опыт аккумулируют и распространяют два НИИ; правильный круг чтения им обеспечивает объединенная редакция, выпускающая два журнала и газету «Казенный дом»¹¹. Только в прокуратуре служат 58 521 человек, из них следователей, не считая военных, 3500¹². А еще – сотни тысяч дознавателей и оперуполномоченных, низших чинов милиции, следователей органов внутренних дел, ФСБ, наркоконтроля, десятки тысяч судей и работников Судебного департамента. Как это ни цинично звучит, все эти чиновники обеспечивают себя работой, и количество заключенных не может радикально уменьшиться без демонтажа и сжатия до разумных пределов репрессивной машины. А ведь в УИС – 766 исправительных и 62 воспитательные колонии, 216 СИЗО, 2442 уголовно-исполнительные инспекции, не говоря уже о 602 собственных фабриках!¹³ Как и при переводе на мирные рельсы оборонной отрасли, нужна конверсия юридической и пенитенциарной сфер, а к ней пока не приступили.

В США, где в некоторых штатах карательная практика очень сурова (например, в Калифорнии третья судимость за серьезное преступление наказывается пожизненным заключением), тон задают лоббисты, действующие в интересах производителей тюремного оборудования и владельцев частных тюрем. В России лоббирование в пользу этих групп недостаточно развито, зато экономические интересы людей в погонах и мантиях соблюдаются неукоснительно, и они не остаются без спецконтингента.

¹⁰ Тюремное население в странах мира (6-е издание) // Неволя. 2007. № 13. С. 35–45.

¹¹ Статистика УИС России // Неволя. 2007. № 13. С. 31–32.

¹² См.: Пункт 3 Указа Президента Российской Федерации от 1 августа 2007 года № 1004 «Вопросы Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации».

¹³ Статистика УИС России // Неволя. 2007. № 13. С. 31.

Долгое время в пятерку самых мощных экономических ведомств Советской России входило МВД, поставлявшее дармовую рабочую силу и обладавшее собственными предприятиями; сегодня этот фактор роста тюремного населения утратил прежнее значение.

Нельзя сбрасывать со счетов также политическую причину, способствующую поддержанию числа заключенных на высоком уровне. Наличие закрытых обширных систем вроде армии и зоны позволяет, с одной стороны, обеспечить жесткий контроль за наиболее энергичной частью населения, связать его протестную активность, а с другой – смолodu привить гражданам привычку к бесправию и отучить их «привередничать» в быту. В колонии попадают и из рядов электората исключаются те, кто не вписался в существующие правила игры и потенциально нелоялен к режиму. Выйдя за ворота части или зоны, их бывшие обитатели сталкиваются со знакомыми порядками и принимают их как должное. Показательно, что в постановлении от 24 июля 2003 года по делу *Смирнова против России* Европейский суд по правам человека констатировал: «...В своей повседневной жизни российским гражданам приходится идентифицировать свою личность необычно часто, даже при совершении таких несложных операций, как обмен валюты или покупка билетов на поезд». К обстоятельствам, вызывающим у граждан просвещенных демократий недоумение, мы притерпелись. «Кто не был – тот будет, а кто был – не забудет», – гласит эковская шутка.

Население России бедно; скудость и нищета – вечный спутник нашего народа. Разумеется, более половины зарегистрированных преступлений (свыше 1,7 млн) замешаны на корысти: это кражи, грабежи, реже – разбойные нападения. Поскольку с виновного, как правило, нечего взять, кроме свободы, ее и отбирают. К лишению свободы приговаривают в подавляющем большинстве случаев, причем более трети подсудимых – реально, а около 45% – условно. Доля применяемых судами по уголовным делам имущественных санкций (штрафов, исправительных работ) невелика (в лучшие постсоветские годы около 15%), но и их суд вправе заменить лишением свободы.

В правовом государстве суд защищает интересы права, свободы человека. При тоталитарных или авторитарных режимах деятельность суда не имеет содержания, отличного от воли господствующей страты. «Власть, в отличие от народа, – отмечала на основе собственного опыта бывшая судья О. Кудешкина, – не заинтересована в становлении самостоятельной и независимой судебной власти. Поскольку она сама зачастую неуважительно относится к праву и законам, а иногда и прямо нарушает их. Как свидетельствует практика, власть всегда стремится подчинить себе суды и правоохранительные органы, используя их как инструмент для достижения своих политических, экономических и личных целей...»¹⁴

¹⁴ Кудешкина О. Открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину. М.: ЭПИцентр, 2005. С. 20–21.

Искалеченное правосудие

Итак, уголовная юстиция, плоть от плоти режима, мановением судебного молотка ежегодно превращает сотни тысяч людей в узников. Правосудие в России – это правосудие без оправданий. В 2007 году суды первой инстанции признали виновными 931 тыс. человек и оправдали 10,2 тыс. подсудимых (0,8% от общего числа приговоров); мало того, 37% оправдательных приговоров районных судов отменены в кассационном порядке¹⁵.

Возможно, рядовой судья не задумывается о смысле своего обыденного занятия, но технологии этого злого «волшебства» ему, безусловно, знакомы.

Самыми распространенными механизмами наращивания в стране прослойки заключенных служат пытки, отказ в правосудии, формальная, а не свободная, как провозглашено законом, оценка доказательств в состязательном процессе. И еще: уже упомянутая частая отмена оправдательных приговоров. Хотя на численность тюремного населения этот фактор значительного влияния не оказывает: слишком велико число осужденных, слишком мала доля оправданных.

Пытки

Пытка в России была официально упразднена указом от 27 сентября 1801 года, подписанным Александром I после открытия невинности человека, казненного в Казани за преступления, в которых он признался, не выдержав мучений. Государь предписал Сенату «повсеместно по всей империи подтвердить, чтобы нигде, ни под каким видом, ни в высших, ни в низших правительствах и судах никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний под страхом неминуемого и строгого наказания» и чтобы «наконец, самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»¹⁶.

После захвата власти большевиками ЦК ВКП(б) разрешил использовать и без того широко применявшийся после Октябрьской революции «метод физического воздействия... в отношении явных и неразоружившихся врагов народа» в 1937 году, что было подтверждено цир-

¹⁵ Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2007 году // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 62, 64.

¹⁶ См. также: *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Изд-во «Альфа»; Изд-во «Равена», 1995. С. 719–722.

кулярами от 10 и 20 января 1939 года¹⁷. Допросы под пытками, выколачивание признаний насильем продолжают процветать и донныне. 16 мая 2004 года Комитет против пыток, рассмотрев 3-й периодический доклад Российской Федерации и Альтернативный доклад правозащитников, признал наличие в нашей стране «устойчивой системы безнаказанности пыток и иного жестокого обращения». Были отмечены факты «многочисленных и постоянных заявлений о распространении пыток, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов»; «фактический отказ судей принимать во внимание представленные обвиняемым доказательства применения пыток и жестокого обращения, выливающийся в общую практику отсутствия расследования и преследования подобных случаев». Из социологического исследования, проведенного в 2005 году в пяти регионах России, известно, что более 50% опрошенных (в Санкт-Петербурге – 47,6%, в Республике Коми – 62,6%) считают «вполне вероятным», что им или их близким потребуется защита от пыток; на вопрос «Вы больше опасаетесь преступников или милиции?» 11,9% респондентов ответили – милиции, 40,9% – преступников, 36,7% – в равной степени¹⁸. О пытках на территории Московской области опубликован специальный доклад¹⁹.

Пытки могут принимать форму и физического, и психологического воздействия – в частности, угроз привлечения невиновного к уголовной ответственности и заключения подозреваемого под стражу.

В проходившем в Санкт-Петербурге 23 ноября 2004 года судебном заседании по делу Ш. свидетель Алексей П. показал: «Вызвал следователь. Сказал, что он – Дудкин. Положил передо мной два протокола – обвиняемого и свидетеля. Говорит: “Если показания дашь – будешь свидетелем, если нет – обвиняемым”... Мне сказали, что будешь сидеть, пока суд не кончится»²⁰.

¹⁷ См. подробнее: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 1. М.: Гласность, 1997. С. 2159.

¹⁸ *Гилинский Я.* Социология о пытках в современной России // Неволя. 2006. № 10. С. 22, 23, 25, 27.

¹⁹ Пытки и другие грубые нарушения прав человека на территории Московской области (предварительный независимый доклад) / Сост. А. Бабушкин, В. Габисов и др. М., 2004.

²⁰ Протокол судебного заседания цит. по: *Гефтер В.М., Левинсон Л.С., Пашин С.А.* Злоупотребление процессуальными нормами при отправлении уголовного правосудия: Практики, анализ, поиск противоядий / Институт прав человека. М., 2006. С. 9.

В былые времена заявление подсудимого о применении к нему пыток рассматривалось судьями как «клевета на следствие», «стремление уйти от ответственности»²¹. Теперь оно «проверяется» двумя основными способами: либо вызывают для допроса следователя, который, разумеется, отрекнется от «поклепа»; либо прокурору (представителю обвинительной власти!) поручают провести проверку заявления подсудимого о пытках. Неэффективность обоих приемов очевидна²².

В суде с участием присяжных заседателей подсудимому и его защитнику под страхом отмены оправдательного вердикта категорически запрещено говорить об избиениях в присутствии представителей народа.

В определении Кассационной палаты Верховного суда Российской Федерации от 24 февраля 1998 года по делу К. стороне защиты поставлено в упрек то, что «...подсудимый во время судебного разбирательства неоднократно обращал внимание суда присяжных на допущенные, на его взгляд, нарушения при получении и закреплении доказательств по делу». Между тем, как указала Кассационная палата, «в случае заявления подсудимым о противоправных действиях следователя, которые повлияли на содержание полученных доказательств, возникший процессуальный вопрос должен разрешаться исключительно профессиональным судьей без участия коллегии присяжных заседателей... Процессуальные моменты допросов подозреваемого и обвиняемого не относятся к фактическим обстоятельствам дела и, следовательно, не могут быть предметом исследования с участием коллегии присяжных заседателей».

²¹ См.: Стецовский Ю.И. Судебная власть. М.: Дело, 1999. С. 15–16.

²² В распространенных с письмом заместителя Генерального прокурора России от 12 марта 1993 года № 12/13–93 методических рекомендациях «Участие прокурора в исследовании доказательств в судебном разбирательстве» правильно говорилось: «В последние годы получила распространение практика допроса в суде в качестве свидетелей следователя и оперативных работников милиции, на нарушение закона которыми ссылается подсудимый, причем показания их потом приводятся в обвинительной речи прокурора и в приговоре в подтверждение того, что признание на следствии было достоверным... Допрос указанных лиц в качестве свидетелей не основан на законе и отрицательный их ответ на вопрос о том, допускали ли они незаконное давление на обвиняемого, не имеет доказательственного значения». Говорилось-то правильно, однако ошутимого влияния на судебную и прокурорскую практику данная позиция не оказала.

Такая позиция Верховного суда РФ до сих пор служит важнейшей причиной отмены оправдательных приговоров, вынесенных судом присяжных.

Отменяя кассационным определением от 2 ноября 2006 года оправдательный приговор Санкт-Петербургского городского суда, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации указала, в частности, на неправильное проведение стороной защиты допроса обвиняемого О.А.: «...Последний, отвечая на вопрос адвоката М. о причинах расхождений в его показаниях, заявил, что на момент его допроса на предварительном следствии у него в голове была путаница, ему все равно было что говорить и писать, он бы признался и в распятии Иисуса Христа».

Применение пыток воспринимается истязателями не только как способ удовлетворения садистских наклонностей, но и как государственная необходимость, как форма «добра с кулаками». Проинтервьюированный В. Куземко сотрудник уголовного розыска разглагольствует: «Даже самая демократическая и наигуманнейшая власть немыслима без насилия... Государство – лицемерно. Оно *знает*, что вынуждены мы творить во имя правильно или ложно понятых державных интересов, но оно *не хочет*... нас останавливать, затыкая нашей жесткостью и жестокостью все прорехи в общественном устройстве... Если мы попадемся – та самая государственная машина, которой мы служим, безжалостно растопчет нас и за ненадобностью выбросит на помойку. Поэтому попадаться – не надо. Хитрозадые менты-начальнички, слепые в некоторых случаях прокуроры и лукавые судьи *специально* ловить нас не заинтересованы, разве что мы сами – наследим...»²³

Отказ в правосудии

Конституционный суд Российской Федерации определениями от 18 июня 2004 года № 261-О и от 15 июля 2004 года № 282-О объявил в духе лучших советских традиций, что законодатель «реализует политическую волю государства путем принятия соответствующих федеральных законов» и суды не должны вторгаться в сферу выражения государством его политической воли. Речь шла о возврате собственникам национализированных объектов недвижимости; этих людей фактически оставили без судебной защиты.

Впрочем, и по уголовным делам от судей требуют, чтобы они не просто верой и правдой служили правящей верхушке, но и чуяли но-

²³ Куземко В. Пытки в милиции // Индекс. 2007. № 27. С. 41.

вые веяния в судебной практике. Угадать, что желает начальник, – вот путь для карьерного роста. Не последнюю роль в искусстве угодить играет и умение уклоняться от осуществления правосудия в интересах силовых структур. Такой подход увеличивает число заключенных.

Районными судами в 2007 году рассмотрены 247,5 тыс. ходатайств следователей и дознавателей о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, из них, как и в 2006 году, удовлетворены 91%; затем в кассационном порядке отменены 1,4 тыс. постановлений об аресте (0,6%)²⁴. Доля удовлетворенных судьями ходатайств немного выше, чем показатель санкционирования ареста прокурорами в былые годы, когда судебный контроль за правомерностью избрания самой жесткой меры пресечения не вводился.

Процедура рассмотрения судьями ходатайств о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей носит конвейерный характер. Но самое важное: судьям запрещено «входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении»²⁵. Признавая Россию виновной в нарушении Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд последовательно подчеркивает, что «наличие разумных подозрений в том, что задержанное лицо совершило преступление, является условием *sine qua non*²⁶ законности продления срока содержания под стражей» и «первоначального заключения под стражу», что привычных ссылок российских судей на тяжесть обвинения и риск побега подозреваемого (обвиняемого) недостаточно для удержания лица под стражей. Именно этот принцип отражен, например, в постановлениях Европейского суда по правам человека по делам: от 8 февраля 2005 года *Панченко против Российской Федерации*; от 2 марта 2006 года *Долгова против Российской Федерации*; от 26 октября 2006 года *Худобин против Российской Федерации*; от 24 мая 2007 года *Соловьев против Российской Федерации* и многим другим. Но в судебных залах эти прецеденты во внимание не принимаются²⁷.

²⁴ Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2007 году // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 62.

²⁵ Абзац 2 п. 4 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²⁶ Обязательным (*лат.*).

²⁷ Интересно, что в п. 14 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» судам предписано учитывать «наличие обоснованного подозрения» в совершении лицом преступления, однако нижестоящими судами эта пози-

Уклонение российских судей от рассмотрения важных сторон вопроса о заключении под стражу, игнорирование существа дела, нежелание проверять на этом этапе процесса представленные обвинением доказательства и объявлять недействительными полученные с нарушением закона материалы становятся причинами вынесения воистину кафкианских постановлений.

Так, рассмотрев 27 декабря 2005 года жалобы арестованных в Якутии обвиняемых, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда записала в кассационном определении: «Доводы кассационных жалоб обвиняемых об отсутствии доказательств, подтверждающих их вину в совершении преступлений, а также о наличии у них алиби, не могут быть предметом рассмотрения в суде кассационной инстанции при проверке законности и обоснованности постановления судьи о продлении им срока содержания под стражей...»

Иными словами: отсутствие доказательств виновности не исключает ареста.

Весьма характерно, что все большее число уголовных дел разрешается в судах без проведения полноценного судебного следствия, без прямого и перекрестного допроса свидетелей, т. е. в форме «особого порядка судебного разбирательства». В 2006 году по сравнению с 2005-м особый порядок применялся в полтора раза чаще – а именно: по 47% дел, подсудных мировым судьям; по 37,5% дел, отнесенных к юрисдикции районных судов; по 3,9% дел, разбиравшихся в областных (краевых) судах. В 2007 году в особом порядке «рассмотрено на 19,2% больше уголовных дел, чем в 2006 году»²⁸.

Формальная оценка доказательств

Формальная оценка доказательств, господствовавшая в отечественном судопроизводстве вплоть до судебной реформы 1864 года, если не вдаваться в утомительные подробности, означала следующее. Во-первых, доказательства имели заранее установленную силу, и судья, не получивший признания (а признание – царица доказательств, «лучшее свидетельство всего света», совершенное доказательство), складывал силу остальных показаний, документов, вещного и рещал, достигла ли их совокупная мощь

ция не воспринята, тем более что в постановлении от 5 марта 2004 года № 1 Пленум фактически отказался от сформулированного годом раньше принципа.

²⁸ Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2007 году // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 62.

уровня совершенного доказательства. Во-вторых, на вопрос о виновности не отвечали так просто, как требует презумпция невиновности: «да, виновен» или «нет, не виновен». Если совокупная сила доказательств равнялась совершенному доказательству – выносился обвинительный приговор, если вообще не было никаких улик – постановлялся оправдательный приговор; если же обвинительных доказательств было мало, подсудимый (внимание!) либо оставлялся «в подозрении», либо подвергался наказанию, пропорциональному силе имеющихся доказательств. При недостатке улик «ведьму» в средневековой Германии не сжигали, но и не отпускали на волю, а приговаривали к тюремному заключению, или публичной порке, или ношению позорящего одеяния «сан-бенито».

Современная теория свободной оценки доказательств, напротив, сводится к следующему: во-первых, доказательства оцениваются судьями по внутреннему убеждению и заранее установленной силы не имеют; во-вторых, не доказанная абсолютно («вне разумных сомнений») виновность подсудимого равна доказанной его невиновности.

Сколько бы ни твердили представители отечественной процессуальной теории об установлении объективной («материальной») истины в ходе уголовного судопроизводства, анализ множества судебных приговоров позволяет утверждать, что производство истины в российских судах осуществляется весьма специфическим образом.

Прежде всего, российские судьи отвечают на недостаток доказательств не оправданием, а вынесением *обвинительного* приговора с относительно мягким (подчас условным) наказанием.

Конструируя обстоятельства прошедшего события, судьи грешат приписыванием мотивов, упрощением картины мира и человеческих отношений. Например, отказ подсудимого от признаний, данных им на следствии, трактуется как желание уклониться от ответственности; заявление его знакомых об алиби отмечается, поскольку исходит от людей, которым обвиняемый не безразличен. Чем-то методы принятого у наших судей поиска истины схожи с приемами некоторых пушкинovedов и шекспироведов-стратфордianцев. Они абсолютизируют единичные факты и мелочи, исподволь выдавая свои догадки за действительные события²⁹.

²⁹ Так, анализируя высказывания шекспироведов М.М. Морозова (1947), А.А. Смирнова (1957), А.А. Аникста (1964) по поводу характера взаимоотношений актера Уильяма Шекспира с высокородным лордом Генри Ризли, ученый секретарь Шекспировской комиссии при Российской академии наук И.М. Гилилов с удивлением констатировал: «Можно заметить, как постепенно, от книги к книге предположительный характер повествования исчезает, приобретая все большую определенность, черты до-

Иркутский областной суд приговором от 21 декабря 2006 года осудил трех человек за нападение на сторожа лесоразделочного предприятия и похищение трактора. Подсудимый Ш. был также признан виновным в убийстве сторожа. Ш. и один из его соучастников были вооружены обрезам, однако в приговоре не только нет ссылок на заключение экспертов относительно оружия, из которого выстрелили в затылок сторожу (кстати, сперва медики решили, будто мужчину зарезали, а не застрелили), но суд даже не проверил, какой ствол в чьих руках находился. Между тем обрезы были запоминающиеся: один покрашен в черный цвет, другой обмотан скотчем, и был очевидец, который мог бы сообщить, каким именно оружием располагал каждый из потенциальных убийц. Не упоминаются в приговоре и результаты опознания выданных подозреваемым обрезов, но делается догадка, что именно с этим оружием было осуществлено нападение.

В некоторых случаях судьи забываются до того, что оправдывающие подсудимого обстоятельства включают в перечень фактов, подтверждающих его виновность.

Так, в приговоре Обнинского районного суда от 25 ноября 1999 года, которым был осужден по ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса РФ за уклонение от призыва на военную службу гражданин Н., в качестве доказательства отсутствия у него убеждений, несовместимых со службой в армии, приводилась принадлежность его к Антимилитаристской радикальной ассоциации.

По словам председателя Московского городского суда О. А. Егоровой, «некоторые судьи при вынесении приговоров просто сканируют куски из обвинительных заключений... В приговор попадают даже куски текстов с грамматическими ошибками»³⁰. Таково в буквальном смысле слова материальное выражение смычки органов уголовного преследования и суда, выполняющего в современной России, вообще говоря, родственную функцию.

Как и полагается по канонам формальной теории доказательств, суды придают преимущественную силу доказательствам стороны обвинения. Собственно говоря, материалы, представляемые стороной защиты следователю или судье (например, частный протокол опроса

стоверности» (Гилилов И. М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. 2-е изд., испр. и доп. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 133).

³⁰ Соковнин А. «Вы вообще читаете свои приговоры» Председатель Мосгорсуда нашла ошибки в буквах закона // Коммерсант. 2008. 12 февраля. С. 3.

очевидца, заключение специалиста), доказательствами не являются, пока процессуальный противник (следователь, дознаватель) или суд не приобщат их к делу;³¹ защитник не вправе назначать экспертизу. Возможности стороны защиты, которая не имеет средств на производство параллельного расследования, дополнительно стесняются судами.

Так, в 2001 году отменяется в кассационном порядке оправдательный приговор Ростовского областного суда по делу Б., поскольку, в частности, «адвокат во время прений сторон в своей речи, несмотря на то что исследованные по делу заключения экспертов были признаны допустимыми доказательствами, поставил под сомнение... квалификацию эксперта». Между тем заключение может быть допустимым доказательством, но малоубедительным в силу, например, отсутствия у эксперта достаточного опыта проведения подобных экспертиз, и тогда речь идет о достоверности выводов эксперта, которую призваны оценивать именно присяжные заседатели.

Отменяя 4 февраля 2004 года оправдательный приговор Ставропольского краевого суда с участием присяжных заседателей по делу Т., обвинявшегося в убийстве, Верховный суд привел следующие мотивы: «...адвокат дал субъективный комментарий, свою интерпретацию детального снимка следов, зафиксированных на месте преступления, с целью навязывания своего мнения, чтобы изменить объективное отношение присяжных заседателей и повлиять на вынесение ими справедливого, законного вердикта... Защитник делал неоднократные попытки дать свою субъективную оценку представленным доказательствам по данному уголовному делу, ставя их под сомнение...»

Понятно, что оценка доказательств не может быть свободной, если суду заранее известна правильная, «объективная» оценка материалов, исходящих от следователя и прокурора, если судья говорит голосом обвинителя.

Слуги закона

Изведав на опыте, что в действительности представляют собой технологии отечественного правосудия, подменяющие провозглашенный

³¹ Данный вывод вытекает не только из содержания закона, но и подтвержден, в частности, Конституционным судом Российской Федерации в определении от 4 марта 2004 года по жалобе Проня.

законом состязательный процесс и подрывающие шансы стороны защиты, некоторые запальчивые адвокаты говорят судьям в лицо слова, вертящиеся у прочих правозаступников на языке.

Так, выступая 25 декабря 2006 года в заседании одного из районных судов Москвы в прениях сторон с речью в защиту обвиняемого в мошенничестве И., столичный адвокат К. назвал суд «ангажированным», нуждающимся вопреки логике только в обвинительном приговоре, который, по мнению адвоката, уже «вынесен по существу, а не по форме, еще до начала рассмотрения дела». Несмотря на то что адвокат в резкой форме упрекал суд в предвзятости и заинтересованности в исходе дела, квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы и Совет Адвокатской палаты не усмотрели упречности в поведении адвоката и дисциплинарное производство в его отношении прекратили³².

Что же заставляет судей поступать негуманным образом, подыгрывать стороне обвинения, даже рискуя получить отповедь от собрата по юридическому цеху?

Судебная система управляется как подразделение бюрократического аппарата, и председатели судов отнюдь не являются, как на Западе, первыми среди равных, но всерьез именуют себя «руководителями». Председатели судов – это властные проводники государственной политики, а выражаясь математическим языком – «знаменатели», уменьшающие в разы стоящую в числителе дроби судейскую независимость.

Подлинный механизм властвования внутри судейской корпорации приоткрывается, когда уверенные в прочности своего положения высокопоставленные судейские чиновники откровенничают в своем кругу или с журналистами. Например, председатель Московского городского суда, не обладая правом приема на службу и увольнения своих коллег-судей, авторитетно заявляет: «Я уволила часть судей...»³³ 28 февраля 2008 года Конституционный суд Российской Федерации вынес постановление № 3-П в пользу лишенных полномочий судей со всех концов России; некоторые из них были изгнаны за критику в адрес судейского начальства. Конституционный суд отметил «особую роль председателей судов в процедуре привлечения судей к дисциплинарной ответственности», «в формировании квалификационных коллегий судей», наличие у них «организационно-распорядительных пол-

³² См.: Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2007. Вып. № 8–9. С. 48–58.

³³ Серков Д. Ваша честь: интервью с О. Егоровой // Итоги. 2006. 18 декабря. С. 20.

номочий в отношении других судей». Устрашающая власть председателей судов зиждется на трех китах: распределении дел между судьями; праве дисциплинарного преследования и проверок; возможности влиять на карьерный рост судьи и получение им привилегий.

Судьям, опасаящимся отмены их приговоров и постановлений, ясно дают понять, какое решение ожидается. Известно, что оправдательные приговоры отменяются в 18 раз чаще обвинительных, а отмена и изменение приговора – брак в работе, на который указывают в характеристике претендента на очередной квалификационный класс или должность. За мягкость к согражданам, вынесение неугодных силовым ведомствам решений можно серьезно поплатиться.

На бумаге записано, будто «судья... не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение...» (п. 2 ст. 16 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года «О статусе судей в Российской Федерации»). Но известно множество случаев расправ над судьями именно за гуманные, правосудные решения.

Так, полномочия судьи Дорогомиловского районного суда гор. Москвы М. были прекращены в 2004 году, в частности, за «настойчивость в разъяснении права на примирение» подсудимому и потерпевшему; как отмечается далее в решении квалификационной коллегии столичных судей, «практика назначения наказаний по уголовным делам также свидетельствует о явной сомнительности и странной мягкости целого ряда приговоров и иных решений судьи...»; судью М. упрекнули заодно в оставлении нескольких обвиняемых на свободе при решении вопроса о применении к ним заключения под стражу в качестве меры пресечения.

Верховный суд в определении от 20 сентября 2006 года согласился с наложением на московскую судью З. взыскания в виде предупреждения за то, что она «отказала в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей» обвиняемого. Гатчинский судья В. не потрафил руководству тем, что дважды выпускал на волю обвиняемого, хотя «не указал, какие обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения... изменились» с момента первоначального ареста³⁴. Полномочия судьи В. прекратили по порочащему осно-

³⁴ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 12 декабря 2006 года № КАС 06–451.

ванию. Здесь интересно не только наказание судьи за принятое им решение, но и ход мысли его высших коллег. Получается, судья не вправе проявлять милосердие, но должен, как автомат, продлять срок пребывания лица под стражей, если со дня предыдущего продления этого срока обвинение не смягчилось.

Такие предметные уроки усваиваются, а непонятливые и упорствующие исторгаются системой.

Как видим, над нашим судом тяготеет не только прошлое, но и злоупотребления, порожденные новейшим периодом российской истории. А ведь именно суд прочерчивает рубеж, делящий страну на два мира – свободы и подконвойной необходимости. Тюрьмы начнут пустеть не раньше, чем в судебных залах воцарятся правда и милосердие.

Николаев М., Швейцер В.
Кто был ничем...
(Документальный роман)
М.: Время, 2008. 496 с.

К новому изданию

Прошло пятнадцать лет со дня смерти Михаила Николаева – героя и автора книги «Детдом». В мире многое изменилось не только за шестьдесят лет со времени описанных в книге событий, но и со времени, когда она писалась. Однако опыт становления детской души никогда не утратит значимости хотя бы потому, что от этих душ зависит будущее человечества.

Мальчик, о котором рассказывает эта книга, рос в экстремальной обстановке «строительства социализма» и сталинского террора тридцатых годов прошлого века. Вспоминая свое детство, Михаил Николаев пытается осмыслить, что помогло ему сохранить «душу живую», не превратиться в «винтик» в колесе тогдашней советской реальности. Этот опыт внутреннего – поначалу бессознательного, а позже – осознанного и активного – противостояния социальной системе вселяет надежду на будущее. Тем более, что события в мире показывают: нет гарантий, что ситуация тогдашнего Советского Союза не повторится в какой-нибудь другой части земного шара.

Несколько лет назад мне прислали из русского архива в германском городе Бремене копию письма Иосифа Бродского, которое он послал в журнал «Континент» вместе с рукописью «Детдома». Хотя по соображениям внелитературным редакция не приняла эту повесть, отзыв замечательного поэта и друга был очень для нас дорог. Поэтому я считаю уместным факсимильно воспроизвести его в новом издании книги.

Я надеюсь в недалеком будущем продолжить работу над воспоминаниями Михаила Николаева.

*Иосиф Бродский – Владимиру Максиму,
редактору журнала «Континент» (Париж)*

12 июня 1982 г. Амхерст

Милый Володя. Посылаю Ван чрезвычайно толковую рукопись – 1-ю часть «Кто был ничей...» Михаила Николаева. Сочинение совершенно не претенциозное и - поэтому захватывающее. Автор – колоссально симпатичный малый, отсидевший пятнадцать лет, детдомовец, побегушник и т. д., но без всякого понта и настырности. Т. е. не делает на всем этом бизнеса.

<...>

Обнимаю Вас нежно; отнесите к николаевскому сочинению со вниманием: стоит того. *Ваш Иосиф*

От автора

Мне кажется интересным рассказать о становлении простого советского человека, каким мне предназначено было быть, о том, как Советская власть формирует нужного ей человека «социалистического общества» и том, как и почему я не стал таким. Моя жизнь представляется мне одновременно очень типичной и не совсем обычной. Мне выпало все, что достается простому советскому человеку – может быть, правда, чуть больше чем положено на одного: детский дом, ремесленные училища, заводы и армия, война и лагеря. Но я все-таки не стал нормальным советским человеком, рано понял ложь и подлость этого строя и как мог пытался ему противостоять.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 16.06.2008 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «Алгоритм».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно